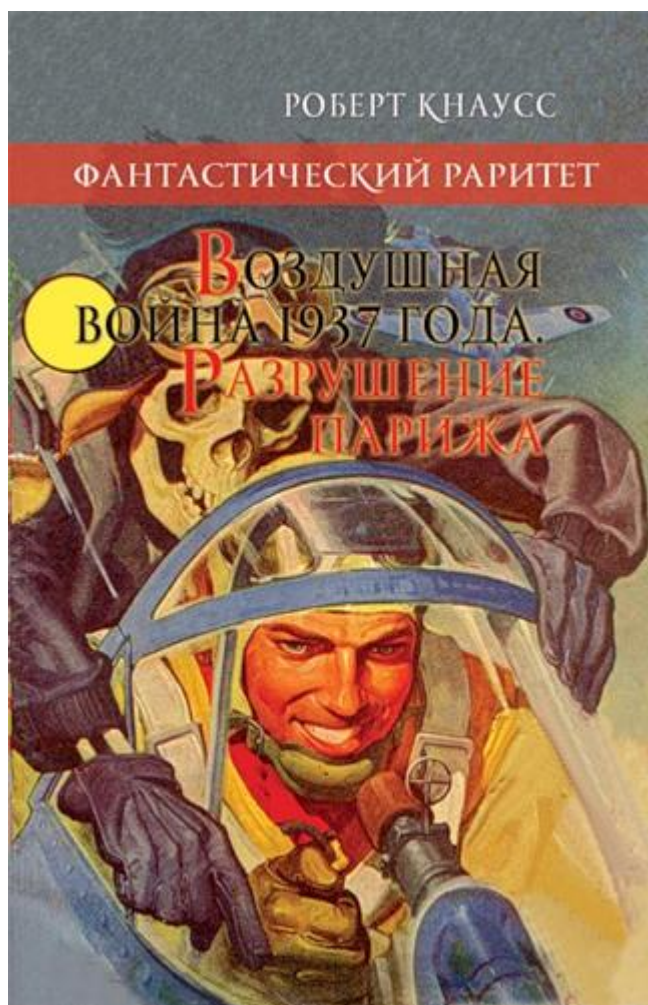

Роберт (Гельдерс) Кнаусс Воздушная война 1937 года. Разрушение Парижа

Роберт Кнаусс Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа

I.

Стояло жаркое лето 1936 года.

Лейтенант 3 эскадрильи британского воздушного флота Джордж Винтон шагал по широкому аэродрому в направлении к ангарам. Он с задором 22-летнего возраста насвистывал модный мотив танца, отбивая тросточкой такт по своим шнурованным коричневым сапогам. Где-то высоко в небе жужжало несколько самолетов, но гудение моторов было для него настолько привычной музыкой, что он даже не поднял головы.

Было начало июля. Горячий воздух стоял над пожелтевшим лугом. Травяной покров аэродрома был густой и сочный, как на площадке для тенниса или гольфа. Винтон думал о том, как в Англии сама природа благоприятствует развитию авиации. Благословенный для трав английский климат! Нигде не было подобных чудесных равнин и мягких лугов. В углу аэродрома у красных флажков паслось стадо овец. Овцы добросовестно выполняли свою работу, в которой их не могла заменить никакая косилка: ведь косилка не дает навоза для удобрения.

Казалось, что ангары расположены совсем близко. Но Винтон шагал довольно долго, а цель еще была далеко. На широком травяном просторе трудно было определить расстояние. Ангары выросли из земли во всем своем величии внезапно, когда к ним приближались на

расстояние в 100 метров.

Тяжелый путь в жару через весь аэродром не испортил однако хорошего настроения Джорджа Винтона. В течение нескольких недель он ничего не увидит и не услышит об авиации. Ведь сегодня вечером он уезжает в отпуск. Как ни любил Винтон авиацию, отпуск все же волновал его. У его старика-отца, члена парламента, далеко в шотландских горах было прекрасное старое имение. Он найдет там все, что только можно пожелать: охоту, лошадей, площадку для гольфа на волнистом степном плоскогорья... И затем, - он закрыл глаза, ослепленный ярким солнечным светом, - ему представился стройный образ девушки. Ани хорошо и с увлечением ездит верхом. Последний раз он видел ее на пасху, когда пробыл в Шотландии 5 дней. Теперь он увидит ее вновь. Его горячее желание исполнится.

Вот наконец и ангары в их деловом, железном молчании. Волнистые ворота закрыты. Взад и вперед ходит часовой. На маленькой двери дощечка с надписью: "Вход воспрещен". Туда не пускают никого из посторонних, даже офицеров других родов оружия или других эскадрилий королевского воздушного флота. Войти можно только по пропуску, собственноручно подписанному командиром эскадрильи и снабженному фотографической карточкой. Часовой знает лейтенанта Винтона, но внимательно смотрит пропуск. То, что здесь тщательно охраняется, составляет последнюю тайну английского воздушного флота. Тут стоят гиганты-бомбардировщики. Их видели только издали, в полете, но и то значительно реже, чем другие типы самолетов. Они, конечно, не принимают участия в ежегодном воздушном параде в Гендоне. Хотя французский военно-воздушный атташе в Лондоне уже успел сообщить в Париж об их размерах, о мощности их моторной группы, но даже его разведке не удалось выяснить основных качеств этих сказочных боевых машин. Никто не знал, чем они вооружены, их максимальную скорость, способность набирать высоту, их радиус действия. Это были таинственные сфинксы, скрывавшие в себе еще и другие загадки.

Винтон прошел через маленькую железную дверь, прорезанную в волнистых воротах. Его взор скользнул по темным силуэтам спящих чудовищ. Справа стоит его самолет - Г-46, на котором он числится первым рулевым. Этот самолет ничем не отличается от других. Однако Винтон узнает его с первого взгляда. Почему? Он сам не может дать себе отчета, по каким признакам, может быть, по легкому помутнению окраски левого крыла вследствие атмосферных влияний, может быть по широкому масляному пятну около второго мотора левого борта. Да, пора обновить окраску. Он уже указывал на это механику, хотя это нужно только для внешней красоты. Винтон останавливается около самолета и ласкает рукой прохладную поверхность металла точно так же, как завтра он будет ласкать шею своего коня Аллана. Винтон любит свою машину, как живое существо, собственно какая разница между ними? Наверху в воздушном пространстве он прислушивается к гудению мотора, как к биению стального сердца. При малейшей нервности он напряженно задерживает дыхание. Он знает капризы самолета. Он помнит, что при посадке самолет часто любит заворачивать вправо, именно тогда, когда руль направления находится в полном покое.

"Как поживаешь, дружище! Несколько недель мы не увидимся. Смотри, чтобы тебя никто без меня не расколотил", - обращается Винтон к самолету, слегка постукивая тросточкой по металлу. В ответ по всему телу машины проходит дрожащий перезвон.

Служебные помещения эскадрильи и отрядов находятся в первом этаже здания, примыкающего сбоку к ангарам и похожего на барак. В подвальном этаже расположены мастерские и склады.

Винтон проходит через канцелярию, где стучат две пишущие машинки. "Бумажный хлам, гниль", - думает он и постукав, но не дождавшись ответа, быстро входит в комнату адъютанта эскадрильи капитана Хиткинса.

В комнате никого нет, но лежащие на письменном столе бумаги и папки, висящая на вешалке фуражка и, самое главное, крепкий запах табака указывают на то, что Хиткинс был только-что здесь. Винтон садится на плетеный стул и закуривает папиросу. Через несколько минут в комнату входит сержант Шарп. У него подмышкой папка с бумагами для подписи.

Шарп - первый писарь в эскадрильи, незаменимый человек, помнящий все происшествия, гроза всех вахмистров, а иногда и командиров отрядов. Он здоровается с лейтенантом Винтоном с небрежно-благодарной вежливостью старого унтер-офицера.

- Здравствуйте, Шарп, где капитан Хиткинс?

- У командира, сэр.

- Попросите его доложить обо мне командиру.

- Слушаю-с.

Шарп исчезает в противоположную дверь. Через 1/2 минуты он возвращается:

- Капитан Хиткинс просит вас подождать. У него очень важный доклад командиру. Он предупреждает, что доклад может затянуться.

Солдат умеет ждать. Винтон закуривает вторую папиросу. Он наблюдает, как синий дымок выходит тонкими струйками в открытое окно. Деревья позади ангара залиты яркими солнечными лучами. Тихо. Жгучий полуденный покой. Лишь время от времени долетает заглушенный стук из мастерских. Потом опять тишина.

Сегодня вечером в 20 ч. 10 м. уходит поезд с вокзала в Кинг-Грос. Завтра он будет в Шотландии. Далеко от своей части. Три года тому назад Винтон по собственному желанию поступил в авиацию. Еще 17 лет он выполнил свой пробный полет на легком самолете "Мос" Оксфордского аэроклуба. Но служба в современной авиации была мало похожа на то, как он ее себе представлял. Спортивные полеты составляли теперь самую незначительную часть его служебной работы. Лишь изредка, чтобы не разучиться, он летал на прикомандированном к эскадрилье истребителе.

Как чудесно парить одиноко на самолете в синеве воздушного пространства, оторвавшись от пыльной земли, от повседневной людской суеты! Как прекрасно пикирование с работающим мотором, когда растяжки воют подобно диким зверям и голова становится внезапно тяжелой от давления воздуха. Как хорошо потом подobaю хищной птице броситься опять вверх: машина, как живое существо, изгибается к прыжку, у летчика на мгновение замирает дыхание. Высшая школа пилотажа - петли, бочки, штопор, когда машина летит вниз, как листок бумаги, скользит на крыло, с характерным свистом винта. Его рука легка и тверда лежит на руле, как бы ни содрогалась и ни рвалась вперед его машина. Он заставляет ее подчиняться своей воле, она стонет в его руках. Он берет от нее все, что она может дать, и тогда им овладевает опьянение своей силой, он чувствует себя властелином сверкающего пространства. Он один в безграничном просторе. Но внизу, в туманной глубине, живет уже побежденный, но еще не покоренный окончательно великан - дух тяжести, постоянно готовый сокрушить своими лапами храбреца. Восторжествовать над этим противником, дразнить его с отважной ловкостью, - вот в чем высшая радость, вот в чем настоящая жизнь! Часто он дико кричал, пел и свистел среди грохочущего гула мотора, в завываниях ветра, чтобы дать выход своим чувствам...

Но как редко теперь эти счастливые часы! Правда, рулевое колесо огромного самолета тоже было в его руках, но это уже не были свободные полеты, подобные полету птицы. Это было управление воздушным омнибусом. Винтон был не один на корабле; он составлял как первый рулевой лишь часть экипажа из 9 человек, он стал одним из рычагов сложнейшего механизма. За последние два года требования к летчикам непрерывно повышались: курсы усовершенствования по аэронавигации, по радиослужбе, изучение метеорологии, стрелковое дело. Затем снова и снова тренировка эскадрильи, ночные полеты, упражнения в прицеливании бомб. Новый начальник воздушных сил был исключительно точным человеком. Он поднимал эскадрилью по тревоге в любое время дня и ночи, не обращая никакого внимания на сон и усталость после весело проведенных вечеров. Ничто не принималось в оправдание плохой работы. Совсем недавно один командир эскадрильи был переведен из воздушного флота в войсковую авиацию за то, что его эскадрилья пришла в расстройство при повороте вокруг вертикальной оси.

Два с половиной года назад был отстранен старый начальник воздушных сил сэр С. Дуглас, участник войны 1914-1918 гг., бывший тогда на Ипре командиром воздушной

группы, состоявшей из нескольких эскадрилий. Его грудь была украшена тремя пестрыми рядами орденских лент всех держав Антанты и союзников в мировой войне. Воинственная фигура маршала воздушного флота, смелый орлиный нос, усы а-ля-Фош были хорошо известны публике по портретам и кино и превратились в святой атрибут английской авиации, в живой памятник великого прошлого. Но наступили новые времена когда главе британского воздушного флота уже недостаточно было иметь только внушительную фигуру. С тех пор как старик покинул свой пост, в королевском флоте появился совершенно другой дух.

В комнате повеяло прохладой; солнце закрыло облаком. В ту же секунду Винтона пронизала холодом мысль: а вдруг он совсем не получит отпуска? Что если ему помешают надвигающиеся грозные тучи высокой политики? За последние недели произошли крупные события, на этот раз в Египте. Винтон не следил внимательно за политикой, но из газет зная, что в Египте прокатилась волна возмущения против англичан. Он читал о нападениях на английских солдат, о разрушении оросительных каналов и железнодорожных линий националистами. Но такие восстания повторялись периодически через несколько лет и приняли характер естественных явлений. Новые вожди националистов, более озлобленные, чем старый Заглул, захватили в свои руки руководство партией Вафд. Они все более настойчиво требовали независимости Египта, объединения его с Суданом, удаления английских гарнизонов. По последнему пункту британское правительство уже пошло на очень большие уступки, переведя английские войска из глубины страны в зону Суэцкого канала. Но эта местная уступка была истолкована националистами, как признак слабости, и поощрила их к дальнейшим требованиям. Египетский парламент, состоящий на 85 проц. из националистов, был распущен и созыв его отложен на неопределенное время. Умеренное египетское правительство, опиравшееся на Англию, влачило жалкое существование.

Конечно Англия ни при каких обстоятельствах не могла допустить полной независимости Египта, который был для Британской империи ключом к путям сообщения и с Индией, и с Австралией, и с английскими южно-африканскими колониями. Англия легко расправилась бы с Египтом, если бы ей пришлось иметь дело только с Египтом. Но именно это "если" и превратилось теперь в громадный политический вопрос. Египетские националисты, опиравшиеся ранее на Италию, перешли на сторону Франции. Это придало всей египетской проблеме особую серьезность. В английском официальном документе, относящемся к 1922 году, о провозглашении независимости Египта было достаточно ясно и недвусмысленно сказано, что "Англия не допустит постановки вопроса о независимости Египта какой-либо другой державой и всякое вмешательство в египетские дела будет рассматривать, как недружественный акт, а всякое нападение на территорию Египта будет считать действием, против которого Англия будет протестовать с помощью всех имеющихся в ее распоряжении средств".

Винтон не был точно осведомлен об отдельных этапах развития всех этих событий, но, как истый англичанин, со школьной скамьи имел ясное представление об основах английской политики. И он знал, что господство над Египтом, игравшим для Англии роль моста в Индию, всегда будет вопросом жизни для Британской империи.

Винтон вскочил со стула, взял с письменного стола Хиткинса последние газеты и стал их быстро просматривать. Его лицо сразу приняло серьезное выражение. Газетные заголовки звучали, как сдержанные угрозы: "Обострение конфликта", "Предостережение Франции", "Египетское правительство пало". "Националисты образуют временное правительство, провозглашают республику и призывают на помощь Францию".

Вдруг дверь приоткрылась, и капитан Хиткинс, просунув голову, крикнул:

- Вас просит командир Морис.

Винтон схватил фуражку и перчатки, поправил пояс и через мгновение стоял, вытянувшись по-военному, перед высоким и широкоплечим командиром.

- Лейтенант отряда Б 3-й эскадрильи покорнейше просит предоставить ему 3-недельный отпуск.

- Здравствуйте, Винтон. На этот раз, к сожалению, ничего не выйдет. Отпуска запрещены во всем воздушном флоте.

Командир Морис протянул ему руку с участливой улыбкой на жестком лице, словно хотел сказать: "бедный малый, мне тебя жаль, но твой отпуск - дело конченное". Несмотря на солдатское умение владеть собой, Винтон - не мог скрыть разочарования, отразившегося против желания на его лице. Он молча повернулся кругом и вышел.

Винтон направился в офицерскую столовую, расположенную среди деревьев на расстоянии нескольких сот метров от ангаров. Ему хотелось поделиться своим огорчением с товарищами. Как ему не повезло! Теперь солнце неприятно жгло, под деревьями стоял удушливый зной, в мундире было невыносимо жарко. Если бы в самом деле было что-нибудь серьезное! За последние два года в воздушном флоте несколько раз запрещались отпуска, а затем через неделю две это запрещение отменялось. Может быть и в данном случае была только причуда нового начальника, который хотел провести большие учения всех эскадрилий. Это на него похоже. Что из-за этой затеи разлетались мечты лейтенанта Винтона - ведь 20 июля Ани уезжала с родителями в Норвегию совсем не беспокоило глубокомысленного начальника.

Бросив в прихожей на стол фуражку, перчатки и трость, Винтон с сердитым выражением лица вошел в зал, где завтракали. В углу сидела группа из пяти или шести офицеров-летчиков 3-й и 4-й эскадрильи. Было шумно, говорили о политике. Офицеры не обратили никакого внимания на вошедшего Винтона и не заметили его мрачного настроения. Это отсутствие товарищеского внимания еще более расстроило его. Лишь после того как Винтон молча простоял несколько минут, опершись на кресла, высокий Дансон воскликнул:

- Алло, Винтон, почему ты так мрачен?

Все повернулись к Винтону. Он выпалил:

- Чорт знает, что такое, мой отпуск лопнул!

Все насторожились.

- Запрещение отпусков? - Это дало сразу перевес тем участникам спора, которые считали войну неизбежной. Но голос Дансона покрыл общий шум.

- Друзья, не болтайте чепухи. С тех пор как мы отказались от союза с нашими соседями на том берегу Ламанша, о войне говорят каждое лето. Пресса в обеих странах старается изо всех сил, но дело кончится тем, что где-нибудь на швейцарском курорте, в горах, устроят еще одну конференцию, и грозные события будут отложены до следующего лета. Право, я не пацифист и мне нечего вам доказывать, что я с большим удовольствием брошусь на своем самолете на врага, чем буду заниматься тренировкой под критическим взглядом начальников. Эпоха больших войн раз навсегда прошла. Война 1914-1918 гг. удовлетворила потребность в войнах на 50 лет вперед. Война ничего не дала ни одной стране, и особенно нам. Мы совершили громадную ошибку, отказавшись от своего "прекрасного одиночества" только потому, что германский флот в Северном море действовал нам на нервы. В обмен мы получили военную гегемонию Франции в Европе. Безработных у нас столько же, сколько в Германии. В 1918 г. мы ничего не выиграли, и теперь можем только потерять.

Осборн с жаром согласился:

- Французы - люда очень милые, хотя в своем тщеславии они наивно приписывают себе победу в мировой войне. К чему нам разрушать Париж, когда мы так любим проводить там воскресный отдых? Держу пари, что дело, не дойдет до войны. Об этом позаботятся крупные финансисты, живущие по обеим сторонам Ламанша. Ведь они управляют миром. Для них этот риск слишком велик.

Осборн был сыном крупного промышленника из Ливерпуля.

Риск, интересы мирового хозяйства и т. п., - это говорили и перед войной 1914 г.

Краули, слушавший споривших с легкой иронической усмешкой, вставил:

- Мы этого вопроса не решим. В 1914 г. тоже никто не хотел войны.

- А кайзер? - вставил Осборн.

Краули слегка поднял руку в знак отрицания.

- Дорогой Осборн, бросьте эту популярную легенду. К сожалению, мне пора идти, у меня работа, до свиданья!

Дансон рассмеялся:

- Ого, будущий генштабист!

Капитан Краули был командиром большого самолета Г-46, на котором Винтон исполнял обязанности первого рулевого. Но уже четыре месяца, как он был прикомандирован к штабу начальника воздушного флота. Товарищи его любили и знали, что он не выскочка. Он много и самостоятельно работал над собой. Но его сдержанные манеры и неодобрительное отношение к грубым шуткам в офицерском собрании не располагали к нему поверхностных людей, задававших, подобно Дансону, тон среди молодежи. И кроме того строевые офицеры всегда пользуются случаем задеть "штабного писаря".

Винтон встал и проводил Краули до мрачного кирпичного здания, в котором помещался разведывательный отряд воздушного флота.

Винтон был на пять лет моложе Краули. Но разница в годах сглаживалась крепкой и душевной дружбой, которая качалась между ними еще в Итонской школе..

Разве положение действительно так серьезно, Марк?

- Мне очень жаль твоего отпуска, друг. Но поверь, на этот раз мы ближе к войне, чем когда-либо и чем об этом думают. Будет чудо, если на этот раз обойдется без войны.

Перед зданием штаба стоял закрытый автомобиль с флажком начальника воздушного флота. Из дверей быстро вышли три офицера. Впереди шел своей привычной прямой походкой начальник королевских воздушных сил - полковник Бреклей. Краули и Винтон вытянулись, приложив руку к фуражке. Их взоры встретились на секунду с серыми глазами начальника. Автомобиль тронулся и скрылся за ближайшим поворотом. Все это продолжалось несколько мгновений. Но когда друзья взглянули друг на друга, у них промелькнула одна и та же мысль; "Этот человек сумеет выполнить свою задачу".

Винтон видел и раньше начальника воздушных сил, и всегда встречи с ним производили на Винтона большое впечатление. Что было особенного в полковнике Бреклее?

Трудно передать словами. Он был плотным человеком среднего роста с некрасивым, но привлекательным своей мужественностью лицом, со спокойными, глубоко сидящими глазами, широкими скулами, жестким, почти безгубым ртом. Но все это было несущественно. Обаяние полк. Бреклея заключалось в его исключительной сдержанности. Каждое его движение, каждое скупое произнесенное им слово всегда было оправдано внутренней необходимостью и имело точный смысл. Офицерам генерального штаба, которым приходилось работать с ним изо дня в день, по временам становилось не по себе от этого личного обаяния. Как часто они, имея в своем распоряжении доводы, вытекающие один из другого, подобно звеньям цепи, теряли все доказательства от одного слова, часто от одного взгляда серых глаз начальника британских воздушных сил.

II.

Винтон вывел из гаража свой мотоцикл и помчался по черной глянцевитой дороге по направлению к Лондону. Он продолжал думать о Бреклее. В первый раз он призадумался над смыслом слова - вождь. "Брек", как называли его в воздушном флоте, был настоящим вождем. Таким вероятно был Бонапарт или Цезарь.

Дорога то поднималась, то опускалась по склонам холмов. В сочной зелени прятались дачи. Мимо Винтона мелькали группы пышных деревьев, луга, спортивные площадки, электрические пригородные поезда. Вот уже видны протянутые далеко за городскую черту щупальцы большого города. Уродливые здания складов, сараев, первые фабрики. Они душат цветущую природу. Мимо грохочут грузовики с прицепными повозками. Воздух утратил солнечный аромат сена, стало пыльно и душно. Вот первые линии автобусов по узким каналам улиц душных предместий.

Квартира Винтона находится в Бэйсуотере. Винтон быстро переодевается и выходит на улицу. Он вскакивает в первый автобус, идущий в Сити. Солнце еще не зашло и неприятно колет глаза в мути уличного воздуха. От домов, как от раскаленной печи, пышет зноем.

Перед Винтоном мелькали улицы, автомобили, прохожие; он закрыл глаза.

Шумное движение на Оксфорд-стрит и Риджент-стрит создавало впечатление нервного беспокойства. Внезапно появились газетчики, оглашая улицы криками:

- Британский верховный комиссар в Египте убит! Король возвратился в Букингэмский дворец!

Винтон вышел на остановке и пошел по Пикадилли. У него было такое чувство, словно его несет вместе с толпой в неизвестную бездну. Война и мир. Эти два слова снова раскололи всю землю и его жизнь. Война - о ней говорили и раньше, но теперь это слово наполнилось особым смыслом. Вчерашний день отделен от завтрашнего непроницаемой стеной тумана. Все сразу стало неопределенным, все, чему он радовался, вплоть до самой жизни.

Придя в клуб, Винтон набросился на последние газеты. Он поспешно пробежал их, сидя в глубокой нише около окна, под которым грохотало уличное движение.

Александрия, 6 июля. Французский крейсер "Пантера" под командой капитана Коти высадил сегодня утром на берег три роты и одну батарею. Французский десантный корпус погружен на Египетскую железную дорогу и отправлен в Каир. На вокзале в Каире французов пламенно приветствовали восставшие. На улицах развеваются трехцветные флаги...

Каир, 6 июля, вечером. Сэр Лоуренс убит. Сегодня, когда британский верховный комиссар в Египте при выходе из светил резиденции садился в автомобиль, из проезжавшего мимо другого автомобиля было брошено несколько гранат. Сэр Лоуренс убит на месте осколками, попавшими в голову и шею; его адъютант тяжело ранен. Преступники - египетские студенты - скрылись в угрожающе настроенной толпе. Египетская полиция держалась совершенно пассивно.

Порт Санд, 6 июля, вечером. В Каир спешно отправлены два батальона с броневиками, одна батарея и один взвод кавалерии на верблюдах из британского Суэцкого корпуса.

Париж, 6 июля, вечером. Британский посол в Париже сэр Румбольд имел продолжительную беседу о положении в Египте с французским министром иностранных дел г-ном Дюбуа. Сэр Румбольд выразил серьезное удивление британского правительства; по поводу высадки французских войск на египетскую территорию и потребовал, чтобы войска были немедленно посажены обратно на суда. Вмешательство иностранной державы во внутренние дела Египта рассматривается Англией как нарушение пакта о независимости 1922 г. и следовательно как враждебное выступление. Г-н Дюбуа заявил, что для него самого известие о высадке французских войск было неожиданностью, и он уже потребовал у капитана Коти срочного сообщения о причинах его действий. Пока это сообщение не будет получено, он, к сожалению, лишен возможности ответить на запрос английского правительства.

Париж, 6 июля, вечером. По получении сообщений о высадке десанта капитана Коти и о его вступлении в Каир, у здания английского посольства собралась огромная толпа, устроившая демонстрацию против Англии. Толпа разбила в здании окна и лишь после этого была оттеснена сильным отрядом полиции.

События следовали одно за другим, как удары молота. Винтон откинулся в кресле и закрыл глаза, потрясенный происшедшим.

Вдруг его позвали к телефону: "Все отпущенные в город офицеры эскадрильи должны немедленно явиться на аэродром".

III.

Жаркий день 7 июля прошел в ожидании. Пока обе столицы обменивались телеграммами и происходили дипломатические переговоры, по всей Европе с часу на час росло лихорадочное возбуждение.

Утром 8 июля, после получения французской ответной ноты, английский премьер-министр лорд Эванс созвал на Даунинг-стрит заседание кабинета, куда были приглашены государственный, казначей, министры иностранных дел, внутренних дел,

доминионов и колоний, военный, авиации и первый лорд адмиралтейства; последние три со своими начальниками штабов.

Министр иностранных дел сэр Реджинальд Гюи сообщил содержание французской ноты: десант французских войск под командой капитана Коти был произведен по настойчивой просьбе египетского национального правительства, которое без посторонней помощи бессильно гарантировать защиту жизни и имущества французов и других иностранцев в Каире и Александрии. Войска будут конечно немедленно уведены, как только изменится создавшееся положение. Французское правительство выражает готовность вступить с британским правительством в переговоры о совместных действиях. С другой стороны, французское правительство позволяет себе заметить, что декларация 1922 г. была односторонним актом британского правительства и не является обязательной ни для французского, ни для независимого египетского национального правительства. Восстановление покоя и порядка в Египте, являющееся не только французским или английским, но скорее международным делом, может быть легче всего достигнуто путем признания нового правительства Египетской республики, пользующегося единодушной поддержкой всего египетского народа, и удовлетворения его справедливого требования о независимости. Франция уже признала новое египетское правительство и надеется, что британское правительство последует его примеру.

Остановившись на последних событиях, премьер-министр лорд Эванс указал, что Англия стоит перед серьезными решениями: либо обострить положение ультимативным требованием увода французских войск, либо, согласившись с французской точкой зрения, пойти на мирное разрешение конфликта. Первое решение увеличило бы опасность войны, так как при военном господстве Франции в Европе уступка с ее стороны была маловероятна. В связи с этим премьер просил собравшихся министров высказать свои оценки политического и военного положения Великобритании.

Сэр Реджинальд Гюи (мин. иностр. дел). Англия политически изолирована. Ее единственным союзником может быть Италия, с которой она имеет тайный военный договор. Но Италия неспособна вести сухопутное наступление через Альпы. Германия, разоруженная по Версальскому договору, не может считаться серьезным противником для Франции. Кроме того следует иметь в виду, что Бельгия связана с Францией наступательным и оборонительным военным союзом.

Лорд Эльджинс (воен. министр). Английская регулярная армия, как известно, значительно меньше по численности французской армии. До окончания мобилизации территориальной армии ее задача заключается в защите островов против попыток неприятельского воздушного нападения. Существует обоснованное предположение, что уже в первые дни войны регулярные французские войска, повторяя германский маневр наступления через Бельгию, попытаются высадиться на английской территории. Поэтому до десятого дня мобилизации необходимо, чтобы британский морской флот удерживал Ламанш, а воздушный флот - оборонял побережье против попыток французского десанта.

Сэр Эдуард Лис (1-й лорд адмиралтейства). Средиземноморской флот вторая эскадра линейных кораблей и эскадра линейных крейсеров, т. е. самые современные и боеспособные суда, находятся в настоящее время в западной части Средиземного моря, участвуя в объединенных маневрах. Вчера вечером они получили приказ собраться в Гибралтаре и быть готовыми к бою. Центр тяжести ведения морской войны для нас будет находиться сначала в Средиземном море. Там мы должны добиться совместно с итальянским морским и воздушным флотом господства над Средиземным морем, чего не в состоянии сделать один итальянский флот. Наше господство в этом бассейне нарушит пути сообщения между французской Африкой и метрополией. Если бы английский флот ушел в Ламанш, Италия с ее уязвимой береговой линией была бы брошена на произвол судьбы. В английских территориальных водах находится только третья эскадра линейных кораблей с легкими морскими вооруженными силами; она слабее французской второй эскадры (Брест). Для мобилизации резервного флота необходим десятидневный срок. Из всего этого следует, что в

Ламанше на первое время надо ограничиться обороной.

Лорд Эванс выразил сожаление, что, насколько он понимает доклады лорда Эльджинса и сэра Эдуарда, военное положение Англии на море и на суше в настоящее время неблагоприятно. С другой стороны, он считает дипломатический путь разрешения конфликта едва ли возможным. Действия Франции, выразившиеся в дерзком десанте, нарочито надменный и резкий тон ее ответной ноты таковы, что если не дать Франции решительного отпора, то это нанесет огромный ущерб престижу Англии во всех станах, где сосредоточены ее интересы. Лорду Эвансу ясно, что Британская империя не может перенести такого потрясения престижа, и поэтому вряд ли удастся избежать военных мероприятий. Но когда дело касалось чести и жизни английского народа, он всегда проявлял свое превосходство. Франция сознательно стремится к установлению гегемонии в Средиземном море; этого не может допустить Англия. Лорд Эванс еще раз просит подробно обсудить все шансы военного успеха. Кроме того никто из присутствующих не коснулся воздушной войны, между тем как Англия тратила большую часть своего бюджета именно на этот род оружия.

Сэр Джон Барлоу (министр авиации). Английский воздушный флот, если не количественно, то качественно превосходит французский. Это превосходство опирается главным образом на тяжелые бомбардировщики (самолеты Г), но Франция может быстро наверстать свою техническую отсталость, так как сохранять долго в тайне свойство этого типа не удастся. Сэр Джон просит начальника воздушного флота полковника Бреклей высказаться о шансах воздушной войны.

Полковник Бреклей. Английский воздушный флот находится в полной боеспособности и его задача заключается в том, чтобы сломить волю к войне Франции путем решительных нападений на глубокий тыл неприятельской страны, разрушения баз вооружений и внесения паники в население. Он твердо убежден, что это удастся, ибо британский воздушный флот является мощным родом войск, созданным и обученным для ведения самостоятельной воздушной войны. Воздушный флот может решить и решит исход войны в течение нескольких дней в пользу Англии.

Лорд Эльджинс. Нельзя ставить всю ставку только на воздушный флот. Он предостерегает от повторения ошибки Германии, вспоминая неудачу германской подводной войны, которая должна была также дать Германии быструю победу.

Полковник Бреклей. Германская подводная война была начата и велась без достаточной материальной подготовки и не использовала свое оружие до максимальных пределов. Кроме того подводная война ведется на периферии, тогда как воздушное нападение направлено непосредственно в центр неприятельских баз и военного командования.

Лорд Эванс. Я рад, что мы можем положиться на наш воздушный флот. Полковник Бреклей, Вы берете на себя огромную ответственность перед родиной. Но я вам полностью доверяю. Ваши заявления окажут самое серьезное влияние на наше решение.

IV.

8 июля в полдень была получена следующая телеграмма агентства Рейтер:

"Египетское революционное правительство ничего не предприняло против убийц сэра Лоуренса. В то же время увеличивается число доказательств, что преступление было подготовлено заранее и находится в причинной связи с французским десантом в Египте. Убийцы учились в Парижском университете и находились в тесной связи с французским генеральным консульством. Бомбы были также французского происхождения. Так как, к сожалению, не остается больше никаких сомнений в соучастии авторитетных французских кругов, необходимо потребовать, чтобы французское правительство ясно и недвусмысленно отмежевалось от преступления и отказалось от покровительства восстанию, уведя свои войска с египетской территории. Поэтому британское министерство иностранных дел передало французскому послу в Лондоне г-ну Тибо следующую ноту:

"В результате десанта французских войск в Египте и убийства британского верховного

комиссара, постанческое движение, направленное против законного египетского правительства, получило новое подкрепление. В справедливом негодовании по поводу кровавого преступления и в святом стремлении сохранить мир правительство его величества взывает к миролюбию французского правительства. Ввиду того, что ускорение разрешения конфликта мирным путем соответствует обоюдным интересам и каждая минута пребывания французских войск на египетской территории может обострить конфликт, английское правительство обращается к французскому правительству с просьбой дать до 20 часов сегодняшнего дня ясный ответ, будет ли немедленно отдан приказ об очищении Египта от французских войск и об его выполнении до 15 июля. При этом условии британское правительство выражает готовность поручить мирное разрешение египетского конфликта специально созванной для этой цели комиссии Лиги наций и до ее решения воздержится от принятия каких-либо дальнейших мер. В противном случае британское правительство вынуждено будет снять с себя ответственность за дальнейший ход событий в Египте и принуждено будет принять в Египте и в других местах необходимые меры самозащиты".

8 июля, в 20 часов, в здании военного министерства собрался комитет обороны под председательством военного министра лорда Эльджинса.

Выдержка из дневника полковника Брекля

Эльджинс устанавливает следующие задачи для британских вооруженных сил:

1. Наступление британского флота в Средиземном море совместно с итальянским флотом с целью: уничтожить французский средиземноморский флот, укрепить там английское морское господство и помешать подвозу французских резервов из Африки.

2. Оборона сухопутной армией и Атлантическим британским флотом английского побережья и территориальных вод до окончания мобилизации территориальной армии и резервного флота (10-й день мобилизации).

Эльджинс требует включения воздушного флота в эти оборонительные операции (пункт 2-й) для успешного отражения неприятельских бомбардировщиков.

Я заявляю, что свойства нашего воздушного оружия требуют наступательных действий против Франции, конкретно против Парижа как военнополитического центра, как центра военной промышленности и крупнейшего железнодорожного узла.

На мои соображения Эльджинс возразил, что: нападение бомбардировщиков на Париж и глубокий тыл Франции надо отложить. Эльджинс требует, чтобы в течение первой недели воздушный флот обеспечивал оборону английских крупных городов, особенно Лондона, а также английских портов против атаки французских бомбардировщиков.

Первый лорд адмиралтейства поддерживает мнение Эльджинса.

Я считаю своевременное отражение французских воздушных атак технически невозможным (Лилль - Лондон - расстояние 250 км!). Воздушный флот обязательно опоздает. Разгромить французский воздушный флот возможно лишь нападением на Францию.

Лорд Эльджинс волнуется. Он говорит, что мы "бросаем Англию на произвол судьбы". Как на крайнюю уступку, соглашается на воздушное нападение против французских морских портов: Кале, Шербурга и т. д.

Я еще раз настойчиво требую, чтобы первая воздушная атака была совершена на Париж. Со мною не соглашается министр авиации, для которого сохранение ценного оружия - боевых самолетов - важнее, чем их решительное и внезапное применение.

Я заявляю, что удар по Парижу может иметь результаты только в том случае, если он будет совершен неожиданно, как налет. Поэтому я уже отдал приказ о нападении на Париж завтра утром.

Мое последнее заявление вызывает сильнейшее негодование Эльджинса, Лиса и Барлоу. По их мнению, нападение на Париж - это безответственная авантюра, которую я предпринимаю ради собственного честолюбия. Я остаюсь один против всех.

Прошу освободить меня от обязанностей начальника воздушного флота. Покидаю заседание и сообщаю по телефону премьеру о происшедших коренных разногласиях.

V.

Полковник Бреклей сел в автомобиль. Во время заседания он с трудом сдерживал волнение. Теперь его железные мускулы дрожали. Ведь это сплошная нелепость! Неужели тупое непонимание может в одну минуту разрушить дело всей его жизни? Дело, которое он создал вопреки сопротивлению всех, вопреки парламенту. Если воздушный флот останется на аэродромах, его воинственный дух пропадет. В самый ответственный момент, когда на карту поставлена судьба Англии, сильнейшее оружие, способное привести к скорой победе, закостенеет в бездействии. Какое ужасное ослепление! Бедные его товарищи легчики!

Проклятое дрожание мускулов, хорошо еще, что он один в автомобиле. Так вот как началась для него война! Горько, очень горько! И кто его предал министр авиации!

Автомобиль остановился у здания штаба. Бреклей овладел собой. На его лице застыло выражение серьезности, испугавшее адъютанта, капитана Бомонта. К Бреклею немедленно явился с докладом первый офицер генерального штаба майор Гест. Надо было уточнить некоторые подробности нападения на Париж. Полковник Бреклей делал спокойным тоном указания, лишь время от времени горечь сдавливала ему горло: "ты ведь уже мертвый человек!"

Офицер генерального штаба ушел. Бреклей остался один со своими тяжелыми мыслями. Рискнут ли они согласиться на его отставку? - это должен решить премьер-министр. К кому перейдет командование воздушным флотом? Он горько усмехнулся. Да, многие ему завидовали, особенно те, которых он опередил по службе в свои 38 лет. Министр авиации Барлоу был близким другом его предшественника - сэра Дугласа, и постарается, конечно, выдвинуть его. "Бедный летный состав, который отдадут такому командованию".

Но с каждой минутой шансы Бреклея увеличивались. Через четыре часа он будет уже в воздухе, а через шесть часов во главе своих эскадрилий над Парижем. Пусть они пошлют ему привет по радио в Париж! Может быть надеть уже теплый костюм, который нужен для полета? лучше не надо - Бреклей был суверен. Адъютант молча положил на письменный стол последнюю метеорологическую карту - погода благоприятная. Офицер генерального штаба принес для подписи приказ. Бреклей тщательно прочитал и сделал, не торопясь, длинный росчерк. Он открыл окно. Комната наполнилась свежим ночным воздухом. Небо было звездное.

Вдруг зазвонил телефон. У него захватило дыхание, он знал, - это был ответ, но какой? Он с трудом поднял трубку.

- Полковник Бреклей? Я соединяю вас с премьером.

Длющаяся секунда тишины и затем голос:

- Говорит Эванс.

- У телефона Бреклей.

- Добрый вечер, генерал. Вы задали мне, старику, тяжелую работу. Но я верю в вашу звезду. Нападайте на Париж, в ваших руках судьба нашей страны. Жму вам мысленно руку. До свидания, генерал.

Бреклей был словно оглушен. Он громко закричал "ура", чтобы дать выход своему волнению. Прибежал удивленный адъютант. Бреклей схватил его за плечи и стал кружить по комнате, затем бросился, задыхаясь, в кресло. Капитан Бомонт не знал, кто из них двоих сошел с ума. Бреклей рассказал ему в нескольких словах, что произошло.

- И затем, Бомонт, достаньте мне сейчас же генеральские нашивки. Я команду британским воздушным флотом и веду его на Париж.

VI.

Безлунная летняя темная ночь медленно и едва заметно переходила в серое утро. С чувством облегчения лейтенант Картер наблюдал, как начинается рассвет. Он посмотрел на бортовые часы, мерцавшие среди других приборов, циферблатов, альтиметров, счетчиков, оборотов и измерителей скорости. Освещение внутри самолета давало возможность рассмотреть шкалы инструментов, но не резало глаз, привыкших к темноте.

4 часа 15 минут. Через час - восход солнца.

Слепой полет в темноте держал нервы в непрерывном напряжении. Картер передал управление летчику Максвеллу и, согнувшись, пробрался к задней установке для пулемета, где унтер-офицер Робертс с наушниками на голове внимательно наблюдал за всей хвостовой сферой обстрела. Картер, одеревеневший от сидения у двойного руля, выпрямился и оперся на турель пулемета руками в теплых меховых перчатках с отворотами.

В безграничном воздушном океане повеяло предутренним холодом. Бесцветное и безжизненное водяное пространство Ламанша лежало внизу на глубине 5000 м. В восточной части неба уже появилась светлая полоса и стала медленно окрашиваться нежно-голубым цветом. Но свет был еще слишком слаб для того, чтобы пробиться сквозь серый туман, кольцеобразно окружавший горизонт и уничтожавший всякую границу между морем и небом.

Позади Портсмута и Вентнера еще вспыхивали яркие маяки через равные промежутки, но родной берег уже скрывался в тумане. Картер прошел мимо кабины летчика к передней установке пулемета. Здесь было его постоянное место как командира разведывательного самолета. Отсюда удобнее всего и лучше можно было производить наблюдения вперед и вниз. Он сел на откидное сиденье и, будучи полностью защищен от ветра, стал просматривать карту, прикрепленную к маленькому специальному столику. Свет, падавший через кольцеобразный вырез башни, в верхней части которой находился пулемет, здесь, внизу, был еще недостаточно ярк. Он включил электрическую лампочку. В теслом помещении все устроено с педантической целесообразностью. Все вещи, до курсовой линейки и карандаша включительно, имели определенное место. На полу установлен бинокль с 12-кратным увеличением, на карданной подвеске, изолированной пружинами от вибраций фюзеляжа, - иначе нельзя было бы производить наблюдения вследствие сильного увеличения. Бинокль одновременно служил и для измерения скорости и сноса ветром. На этой же стороне вставлена и фотокамера.

A-111 держал курс 140 в направлении к устью Сены. По расчетам Картера, их местонахождение в настоящий момент, в 4 часа 33 минуты, было на 65 км к северо-западу от Гавра. Ближе он не мог подходить к французскому берегу, так как в противном случае его могли преждевременно увидеть или услышать. Война еще не была объявлена. Может быть этот полет так и останется учебным, как и многие другие, которые производились через Ламанш. Посредством микрофона, соединявшего его с летчиком, Картер дал указания подняться кругами на 6000 м.

Бортовая радиостанция, обслуживаемая Робертсом, была готова для принятия передач. Картер надел второй головной телефон и включил себя. Он лихорадочно ждал донесения, которое должно было поступить по радио между 4 час. 40 мин. и 4 час. 42 мин.

В сером утреннем рассвете трое одиноких людей парят между небом и землей на маленьком самолете. Медленно-медленно движется часовая стрелка, минута за минутой. Время - жуткая тайна. Еще ничего не произошло, казалось, все пребывает в полном покое. Но через несколько минут?.. Послышались первые позывные сигналы: длинный, короткий - короткий, длинный. Точно в 4 часа 40 мин. Рука механически записывала. Радиограмма запечатлелась черными неправильными буквами на белом листе, краткая и до смешного простая:

"Пониженное барометрическое давление с ю.-з. на Англию приближается. Грозные признаки в Ламанше".

Решение наступило: война! Наконец-то было произнесено роковое слово, придавшее действительно силу поручению, полученному через связь. Картер поднялся в пулеметную башню. Он выпрямляется во весь рост и среди шумящего ветра машет рукой летчику по направлению к югу - к Франции - и кричит: "Война! Война!" Максвелл ничего не слышит, но все же понимает, что произошло. Его глаза, смеясь, сверкают за очками в рамке шлема.

Впереди узкая, светлая полоса - французский берег. Светящиеся огни у устья Сены бледнеют в утреннем рассвете. Гавр остается влево. Между Дивом и Трувилем они пересекают берег, окаймленный белой пеной прибоя. В глубине спят роскошные отели и

многочисленные виллы богатых парижан. пляж мертв и пуст.

Картер знает свое задание наизусть. На карте подчеркнуто несколько географических названий: Аржантон, Монс, Шартр, Версаль, Руан. Вот все, что служило ему для ориентировки. Эту местность Северной Франции он хорошо знал по авиационным военным играм, а ряд спортивных полетов в Париж обострил его взор.

Он наблюдал за железнодорожной линией, перерезавшей черной полоской зеленые и желтые поля. Белая полоса дыма приближалась от Каена к вокзалу Мезидона. Картер достал схему железнодорожного графика, на которой было нанесено нормальное движение поездов Северной железной дороги. Это был ночной курьерский поезд Шербург - Париж. Он шел с десятиминутным опозданием и должен был обогнать ожидавший его на вокзале Мезидона длинный товарный поезд. На железной дороге не было заметно никакого необычного движения, наводящего на мысль о перевозке войск.

Солнце взошло. Красным шаром поднималось оно на туманном горизонте, и пучки его лучей устремились на яркоблестящие крылья одинокопарящего самолета.

Около Аржантона на карте отмечена первая красная точка: аэродром, где расположена французская авиационная школа. В секретной папке в штабе эскадрильи, имелись фотоснимки, вырезки из карт и данные относительно сооружений и складов горючего почти всех французских аэродромов. Нелегко было держать в памяти все подробности о каждом аэродроме, но при военных играх руководители требовали этого, и слабость памяти влекла за собой большие неприятности.

Картер не нашел изменений. Попрежнему далеко внизу видны те же восемь ангаров из волнистого железа. Но на старте стояло десять самолетов. Почему в такой ранний час? Картер поправил бинокль и увидел, что двери ангаров раскрыты. Может быть это случайное совпадение? Может быть, здесь уже известно о войне? Или самолеты прилетели с другого аэродрома? Что еще скрывают ангара в своей глубине?

Для фотографирования утренний свет был еще слишком слаб. Картер мог бы спуститься ниже, не рискуя быть услышанным. Нужны были специальные звукоулавливатели, чтобы обнаружить шум мотора с высоты 6000 метров. Невооруженное ухо не могло разобрать на таком расстоянии шума мотора, а невооруженный глаз не мог найти этой маленькой точки на утреннем небе.

Сила небольшого, легкого трехместного разведчика заключается в его скорости и способности быстро набирать высоту. Он служит только глазом, а не оружием. Для экономии в весе его вооружение и снаряжение боевыми припасами ограничено тремя пулеметами - один в передней и два в задней башнях, - из которых один может обстреливать нижнюю зону. Этого достаточно для обороны от отдельных истребителей, но не от нападения целого звена. Для того чтобы остаться незамеченными, самолеты-разведчики по одиночке, а не отрядами, пролетали сотни километров над неприятельской территорией. В прежнее время это лежало на обязанности кавалерийских разведчиков, проникавших в глубокий тыл противника. Предоставленные лишь самим себе, с вниманием, напряженным до крайности, летчики-разведчики были цветом воздушного флота. Для этой в высшей степени ответственной службы выбирались самые опытные и выносливые люди.

Когда А-111 после двух часов полета приблизился с запада к Шартру, то на больших аэродромах вокруг города было заметно оживленное движение. Здесь стоял 22-й французский авиапарк ночных бомбардировщиков. Однако одного наблюдения даже вооруженный глазом было недостаточно, чтобы определить число и типы самолетов на аэродроме.

Картер через микрофон приказал летчику снизиться над аэродромом. Затем он нажал кнопку камеры, и пленка пришла в движение. Полет над аэродромом пришлось повторить. Вираз и опять фотографическая линза стоит вертикально над аэродромом. Вдруг раздается сильный удар. Машина вздрагивает. Из внезапно выросшего дымового облака, совсем близко впереди, грохочут и сверкают выстрелы, заглушая шум мотора. Они его заметили! Разрывы чертовски хорошо ложатся. Но это не может повлиять на принятое решение.

Прямолинейный курс должен быть сохранен во что бы то ни стало, пока самолет А-111 не пролетит над последним аэродромом. Вот снова снаряд разрывается в 50 метрах ниже самолета. В следующую секунду - грохот сверху. Самолет резко качнулся в сторону. Что это - воздушное колебание или удар снаряда? Что-то звякнуло по металлическим частям. Только бы не в моторы. Дым рассеялся в вихревом ветре пропеллера. Долгая секунда ожидания. Где разорвется следующий снаряд? А пленка все движется. Опять грохочет где-то вблизи. Наконец А-111 перелетает над последним аэродромом. Картер кричит через микрофон:

- Свободный курс - полный газ! - и выключает пленку.

Летчик направляет самолет крутым виражем вправо и вверх. Заглушенные при фотосъемках моторы снова начинают грозно гудеть. Новые точки разрывов сразу восемь, но они уже ложатся далеко, в стороне. Стреляют две зенитные батареи.

Вдруг через микрофон Картер слышит голос Максвелля: "Прошу ко мне, я ранен". Картер спешит в кабину летчика. Максвелль бледен, он держит левой рукой руль и указывает на бессильно повисшую правую руку. Кожаная куртка сильно порвана у плеча. Картер хватается за вспомогательное управление. Опять удар! Картер смотрит назад и удивляется количеству ватных шариков на синем небе; многих из них он даже не замечал. Но теперь стало тише, разрывы остаются позади, самолет находится уже вне радиуса действия ПВО.

Картер зовет Робертса и приказывает ему вытащить почти бесчувственного Максвелля из тесной кабины в соединительный ход. Робертс режет перочинным ножом рукав кожаной куртки и мундира Максвелля. Осколок снаряда разорвал Максвеллю плечо. Только бы не дать истечь кровью! Робертс накладывает две перевязки и укладывает Максвелля как можно удобнее, насколько это возможно в тесноте соединительного хода.

Несколько минут Картер одновременно управляет самолетом и наблюдает. Полученный им: приказ ведет его над долиной Сены, обратно к Руану. Париж, плавающий в тумане, остается вправо. Но что это? Над утренним туманом, поднявшимся из долины и освещенным ярким солнцем, мелькают черные тени.

Три отряда, каждый из пятнадцати самолетов, в строю треугольником, проносятся ниже, приблизительно на высоте 3000 метров. Это - истребители типа Лиоре-Оливье. Картер узнает их тотчас же по прямоугольным горизонтальным стабилизаторам. Это самолеты из первого полка истребителей, стоящего в Париже.

Картер держит руль левой рукой и правой быстро пишет в блокноте донесение: "Разведывательной эскадрилье 4. Три неприятельских отряда 45 самолетов типа Лиоре-Оливье, в 6 часов 07 минут над Версалем, на высоте 3000 м. Курс - 320. Продолжаю наблюдение, А-111".

Он передает записку через наблюдательное отверстие Робертсу для немедленной передачи по радио. До сих пор Картер не Прибегал к помощи передатчика А-111, чтобы неприятельские станции, не могли обнаружить присутствия разведывательного самолета. Но это донесение настолько важно, что его необходимо передать кратчайшим путем. К тому же А-111 уже опознан у Шартра неприятельской ПВО и даже довольно ощутительно. Хорошо, что радиус действия передатчика достигает 450 километров.

Робертс быстро шифрует радиограммы механическим шифровальным ключом: передача нормального текста по радио строго запрещена. Количество знаков при шифровании уменьшается почти в четыре раза. Это ускоряет передачу и приемку и в то же время затрудняет противнику быстро узнать содержание радиограммы. 20 секунд требуется Робертсу, чтобы передать по клавишам знаки Морзе. Затем он переключается на приемку и через 15 секунд уже получает условленные пять букв, подтверждающие получение переданного донесения.

Красный сигнал "внимание" зажигается на коммутаторной доске кабины летчика, Робертс, возобновивший наблюдение в задней установке для пулемета, сообщает по микрофону:

- Пять французских одноместных истребителей типа Лиоре-Оливье находятся

приблизительно в двух километрах позади нас, сейчас на высоте 5000 метров, но поднимаются выше.

Мало радостного. На борту тяжело раненый Максвель, место у переднего пулемета никем не занято, и у самолета осталась только половина его боевой мощи! Теперь все зависит от того, кто летит быстрее. Оба мотора, сберегавшие до сих пор свои силы, должны дать все, что только могут. Картер тянет оба газовых рычага до отказа. Равномерное гудение переходит в трескучее бушевание. Теперь воздуходувки проводят больше кислорода в газовую смесь труб компрессора. Иначе в разреженном воздухе наверху мощность моторов может быстро упасть. Измеритель скоростей вместо 280 километров показывает 340. Преследователи не отстают, но и не приближаются. Они все еще ниже на 500-700 метров. Теперь, вероятно, они обнаружили повышенную скорость английского самолета. Они пытаются подойти под самолет. Внезапно передний француз круто поднимается вверх. Два слабых сернисто-желтых огневых луча вспыхивают перед капотом его мотора и в тот же момент в воздухе дрожат белые нити трассирующих пуль. Картер только на секунду слегка нажимает на руль направления для того, чтобы затруднить противнику прицеливание. Каждый сильный вираж может уменьшить скорость и отклонить от курса.

Каждая секунда, потерянная вследствие неправильного движения руля, может приблизить на 100 метров преследователей.

В то время как первый истребитель после короткого огня по разведчику начинает проделывать мертвую петлю, второй поднимается выше и открывает огонь из обоих пулеметов. Он все же еще ниже на 400 метров, и вероятность попадания, несмотря на оптический прицел, не очень велика. Маневр французов, который они повторяют с быстрой последовательностью, преследует одну цель принудить разведчика к бою. Тогда он сделается для них легкой добычей.

В этот момент один из французов вновь поднимается выше. Робертс спокойно дает ему приблизиться, затем нажимает на спуск спаренного пулемета. Тресчат короткие огневые очереди. Нитки светящихся пуль рассыпаются узким снопом вокруг застигнутого врасплох истребителя. Попала ли в него пуля или нет, но он скользит на крыло и теряет при этом несколько сот метров высоты.

Все выше и выше поднимаются три отряда. Теперь они должны быть уже на высоте 5000 м. Вдруг они делают крутой поворот на север. Что это значит? Картер смотрит вперед по направлению к Руану и видит на небе черные черточки. Они быстро увеличиваются...

Ошеломленный Картер узнает в приближающихся стройных воздушных рядах могучий британский воздушный флот. Куда он направляется? Без всякого сомнения - на Париж. Они разлетаются в разные стороны со скоростью 500 км. "Ура!" - Картер машет огромным ладьям, идущим в образцовом порядке. "Железные вороны современного Кромвеля!"

Его преследователи удалились. Задание выполнено. Курс на Фекан. Там, в 50 км от берега, в картографическом квадрате 1 181, между 6 час. 30 мин. и 6 час. 45 мин. кружит дежурный самолет А-114 его отрада, который должен сменить А-111. Картер быстро, условными знаками, набрасывает в блокноте свои наблюдения для того, чтобы осведомить товарищей с А-114 о неприятельских отрядах истребителей у Руана. Он вырывает листок и передает его Робертсу. Они уже перелетают береговую полосу и снова летят над серым морем. Где же А-114? Нелегко отыскать маленький самолет в воздушном пространстве. Границы квадрата, к сожалению, начерчены только на карте, а не там внизу, на водной поверхности. Но помогает радио. Связь с А-114 уже установлена. Робертс указывает рукой на маленькую точку, которая быстро увеличивается. Картер спускается немного, ниже и заглушает моторы. Вот мимо проносится самолет и поворачивается крутым виражем. Это А-114! Командир-лейтенант Никольсон машет из передней башни.

Робертс вкладывает записку в сумку для донесений с балластом, из песка и с красно-белым флажком и спускает ее вниз на стальной проволоке. Передача донесений с самолета на самолет достигается путем продолжительных упражнений. Оба самолета должны при этом держать одинаковый курс и сохранять одну и ту же скорость. Самолет,

находящийся только на 20 м ниже, принимает сумку с донесением, которую тянет за собой на проволоке вышелепящий самолет.

Веселая и падкая до зрелищ толпа награждала аплодисментами воздушных акробатов, не подозревая о громадном военном значении их смелых цирковых номеров.

Приветствуя друг друга с бортов, самолеты направляются в противоположные стороны со скоростью 300 км и вскоре исчезают из поля зрения.

A-111 берет курс на Брайтон, медленно спускаясь с сильно заглушенными моторами с 4 000 до 1 000 м.

Картер передает руль Робертсу. Только теперь он может позаботиться о раненом товарище. Он снимает с Максвелля дыхательный аппарат, вливает ему в рот коньяк и устраивает его как можно удобнее в узком проходе.

- Сейчас будем на месте, дружище. Все кончится хорошо. Дьявольская боль, не правда ли? Но мы здорово повернули дело.

Глаза на бледном лице Максвелля блестят улыбкой.

Для посадки Картер садится к рулю сам. Сегодня посадка должна быть без малейшего толчка, такой мягкой, словно самолет нагружен яйцами, из которых ни одно не должно быть разбито. Бедняга Максвелль не почувствует, как мы соприкоснемся с землей.

VII.

9 июля в 5 часов утра главные силы английского воздушного флота двигались с курсом 135 по направлению к французскому берегу. Между Портсмутом и островом Уайт были собраны 10 эскадрилий. Разделенные между собой пространством в 12 км, они двинулись вперед двумя отдельными колоннами. Каждая эскадрилья насчитывала в своем составе с самолетом командира 19 единиц; все боевое ядро состояло из 190 бомбардировщиков. Это количество может показаться незначительным для тех, кто думает, что в будущей войне небо буквально будет усеяно самолетами, ссылаясь на 1918 г., когда самолеты роями носились над фронтом. Действительно, с того времени военная авиация достигла мощного технического развития, но в английском флоте это развитие выразилось не в количественном увеличении, а в качественном совершенствовании самолетов.

Лейтенант Винтон сидел у первого руля самолета Г-46 (Г - начальная буква "Гигант"), скользя взглядом по растянувшейся в стройном боевом порядке эскадрилье. Точное соблюдение дистанций, интервалов к высот внутри соединений вошло в плоть и кровь всех экипажей. Несмотря на бешеную скорость, с какой летели самолеты, летчики исполняли уставные правила с педантичной точностью.

Старые пилоты с опытом мировой войны считали просто невозможным движение в воздухе такой массы бомбардировщиков. Но английский флот состоял не из "массы" самолетов, а из расчлененных, прекрасно обученных соединений, которыми руководила единая воля командира. Во время войны 1918 г. командиры эскадрилий истребителей и бомбардировщиков командовали, примерно, так: они вылетали вперед, и каждый самолет следовал за ними, подобно тому как средневековый рыцарь-сюзерен бросался первым в схватку, и его вассалы следовали за ним. В 1936 г. все изменилось: все самолеты были связаны между собой посредством радио.

Каждый боевой самолет Г внутри эскадрильи, подобно ей, был сложным организмом, только меньшего масштаба. Каждый из девяти человек экипажа имел строго определенные обязанности. Весь экипаж объединялся волей командира в единое целое.

Закон разделения труда был здесь осуществлен с большей точностью, чем на производстве, в крупном банке, на военном корабле или в танке.

От небольшого военного корабля "Нельсон" дошли до дредноута. Самолеты 1918 г. породили мощный воздушный корабль, принятый уже два года в качестве стандарта на вооружение английского воздушного флота. Но не только в совершенной технике заключалась сила новой воздушной армады. Если бы нашелся предатель и в руки французов попали секретные чертежи тяжелых бомбардировщиков, если бы французы сумели построить точную копию этих гигантов, им не удалось бы так быстро выковать дух и волю,

превращающие мертвое орудие в мощное средство борьбы.

Все это чувствовали люди, летевшие теперь в свисте моторов по воздушному океану. Этот железный порядок, эти геометрические формы были материальным выражением человеческой воли и в свою очередь служили источником новой воли и новых сил.

Из 9 человек экипажа Г-46 четверо находились на своих боевых постах. Командир самолета, капитан Краули стоял на вахте. Радист Смит сидел в своей будке, готовый к приему депеш. Винтон управлял рулем. Механик Ваде следил за многочисленными приборами, расположенными у моторов. Остальные отдыхали в гамаках, подвешенных в проходе. Волнение, которое вызывал в людях первый боевой полет, прогнало их сон, но, по строгой инструкции, на посту должна была находиться только та часть экипажа, которая была нужна в данный момент. Это вызывалось необходимостью щадить силы при работе в разреженных слоях атмосферы. При воздушном марше во время движения к цели не требовалось участия всего боевого экипажа.

Лишь тогда, когда в 5 час. 42 мин., между Феканом и Сен-Валери показался внизу французский берег, капитан Краули отдал приказ готовиться к бою.

Он прошел в кабину летчика к Винтону и крикнул ему в ухо одну из своих обычных шуток, указывая пальцем в глубинную цель. Винтон увидел внизу маленькие белые пятнышки, похожие на куски ваты. С побережья по эскадрилье стреляла батарея ПВО, но ее орудия были недостаточно дальнобойны и не могли причинить им вреда. Справа, над устьем Сены, стояла плотная завеса тумана, который постепенно рассеивался восходящим солнцем. Небо было ясно, лишь на востоке плыли легкие перистые облака.

Генерал Бреклей находился со своим боевым штабом на борту самолета Г-300. Во время войны 1914-1918 гг. генералы воздушного флота руководили своими соединениями, сидя за письменным столом в штабе. Это время прошло безвозвратно. В 1936 г. начальник английского воздушного флота командовал сам, находясь в воздухе. Это стало возможным только благодаря радиосвязи между самолетами. В кабину радиста флагманского самолета непрерывно поступали донесения разведывательных самолетов; донесения немедленно наносились на карту офицером разведывательной службы капитаном Кристи.

На ряду с отдельными разведывательными самолетами, производившими наблюдение над различными точками французской территории с определенными заданиями, марш воздушного флота совершался под прикрытием групп разведчиков, летевших далеко впереди тяжелых эскадрилий. Они обязаны были своевременно доносить о появлении противника. Это было похоже на морскую войну, в которой линейные корабли всегда охраняются мелкими крейсерами и истребителями.

Бреклей с чувством гордости летел во главе британского воздушного флота над французской территорией. Теперь должен быть решен вопрос, выдержит ли его "теория" испытание огнем. Будучи еще юным капитаном, Бреклей, понял необходимость создания мощного воздушного флота, способного вести большую самостоятельную воздушную войну против неприятельского тыла и неприятельских воздушных сил, независимо от операций сухопутных армий и морского флота. Тогда как другие лишь играли этой мыслью, Бреклей был единственным человеком, сделавшим из нее самые крайние выводы и защищавшим их со всей свойственной ему энергией. Вначале, когда он не пользовался влиянием, над безумием его взглядов смеялись. Когда затем, будучи офицером генерального штаба, он работал в отделе промышленных заказов и втихомолку шел к своей главной цели - к созданию большого самолета для бомбовой атаки и воздушного боя, ему создавали всевозможные препятствия, причем больше всего старались его же товарищи-летчики!

Закостенелые консервативные соотечественники Бреклея привыкли к традиционным типам самолетов: к истребителям, дневным бомбардировщикам, ночным бомбовозам, разведчикам. Разве мировая война не показала, что истребители решают вопрос о господстве! в воздухе над полем сражения? Разве все герои воздуха не были летчиками-истребителями? Бишон, Балл, Гюйнемер, Бельке? Оперативные сводки были полны перечислением их воздушных побед. Когда на земле близ Соммы или во Франции

свирепствовали позиционные сражения, прежняя бодрая и радостная война возродилась в воздухе. Там, наверху, борьба была самоцелью. Она велась по неписанным законам спортивной вежливости. Рыцарское отношение к противнику в воздухе напоминало о давно прошедших временах средневековых турниров. На окровавленной земле жалкие тела людей сжимались грязным комом в вонючих ямах и снаряженных воронках, бессильные и беспомощные против слепой ярости смертоносных механизмов. Под градом пуль, в ураганном огне, в чаду удушливых газов давно погибла слава отдельных героев. Зато в воздухе она достигла нового триумфа.

Бреклей думал иначе. Прошли те времена, когда воздушные пространства принадлежали истребителям. Жаль, конечно, что исчезают последние остатки военной романтики, но будущее и в воздухе принадлежит машинам и технике. Мощное развитие авиации после 1918 г. открыло для воздушной тактики новые пути.

Теория Бреклея заключалась в следующем:

Главная задача воздушных сил состоит в том, чтобы посредством бомбовых атак, направляемых против населения страны и ее политическо-экономических центров, сломить боеспособность противника.

Для обеспечения доставки бомб к месту назначения на дальнейшее расстояние нужны мощные самолеты! с большой полезной нагрузкой и большим радиусом действия, снабженные всеми аэронавигационными приборами, обеспечивающими надежное управление в облаках, тумане, бурях и ночью.

Такие бомбардировщики должны и могут защищаться против неприятельских самолетов при помощи собственных боевых средств. Мощность огня и дальнобойность их пулеметов и автоматических пушек такова, что, несмотря на большую скорость и изворотливость истребителей, они не сумеют произвести ни одного выстрела.

Высоких технических качеств можно достигнуть только путем разложения общих функций по отдельным специальностям. Это разделение труда и специализация возможны только на большом самолете с экипажем из нескольких человек.

В сомкнутом строю, по правилам воздушной тактики, можно командовать только такими большими самолетами. Командование невозможно при одноместном истребителе, когда один человек должен делать все: управлять, ориентироваться, поддерживать связь, стрелять, передавать и принимать радио.

Нападение бомбардировщиков должно совершаться днем, ибо только днем можно точно прицелиться и попасть без промаха, и только днем возможен полет эскадрильи сомкнутым строем.

Во время войны 1914-1918 гг., наоборот, атаки были перенесены на ночь, хотя полет к целям и возвращение в темноте были гораздо труднее, чем днем. Но для этого имелись свои причины. Во-первых, сильно нагруженные бомбардировщики не могли подняться так высоко, чтобы уйти от огня зенитных орудий, во-вторых, днем боялись атак истребителей, и если, в виду исключения, бомбардировщики совершали иногда дневные рейды, то для прикрытия к ним прикомандировывали эскадрилью истребителей. Бреклей же утверждал, что эскадрилья хорошо вооруженных бомбардировщиков в сомкнутом ряду нечего бояться истребителей и что, наоборот, ее боевая мощь превосходит боевую мощь истребителей.

Но Бреклей был достаточно умен, чтобы выступить не сразу со своим радикальным планом, который мог привести его начальников в полное смятение. Для него это кончилось бы откомандированием в какую-нибудь австралийскую воздушную часть. Он на первое время ограничился постройкой одного большого бомбардировщика, радиус действия которого позволил совершать полеты в глубокий тыл неприятельской страны, а высотность целиком защищала от огня зенитных орудий. Постройка самолета натолкнулась на огромные конструктивные и производственные затруднения. Прошло много времени, пока Бреклей нашел в лице 26-летнего Уэллса гениального конструктора, который посвятил себя целиком его идее.

При постройке любого самолета приходится идти на компромисс. Увеличение одного

качества, например скорости, происходит за счет другого - за счет полезной нагрузки и радиуса действия.

Чем больше нагрузка на поверхность (кг, полетный вес) / (кв. м, несущая поверхность) и чем меньше нагрузка на силу, (кг, летный вес) / (лош.сил), тем больше скорость.

Но чем меньше нагрузка на поверхность, тем больше способность набирать высоту!

Надо было сознательно отказаться от тех или иных качеств, чтобы достигнуть самого главного: уменьшение нагрузки на силу было достигнуто путем экономии мертвого веса, увеличения мощности моторов и придания формы, обладающей лучшими аэродинамическими свойствами.

На ряду с большой летной скоростью нужно было достигнуть небольшой посадочной скорости, чтобы при посадках на малых полевых аэродромах тяжелые самолеты можно было останавливать после короткого пробега. Тут были использованы результаты опытов, которые давно уже делал Гендлей Пэйдж со складными крыльями и заслонками на концах крыльев.

Увеличение размеров дало аэродинамические преимущества: например в результате перенесения силовой установки на поверхность и придания более удачной формы фюзеляжу уменьшилось вредное сопротивление по сравнению с самолетами меньшего размера.

Это преимущество также повлияло благоприятно на поле обстрела бортового оружия.

Далее при увеличении общего размера самолета пропорционально уменьшается относительный вес необходимого оборудования: например, радиостанция необходима даже для самого маленького разведывательного самолета, но на нее приходится пропорционально больший вес. То же самое относится и к управлению, приборам, многочисленным вспомогательным инструментам, вес которых при увеличении измещения с 10 до 20 т увеличивается очень мало или совсем не увеличивается. Таким путем было достигнуто более благоприятное соотношение между полезной нагрузкой и летным весом. За счет этой полезной нагрузки можно было увеличить запас горючего, бомб и боевых припасов.

Пределы увеличения размеров были поставлены прежде всего законами воздушной тактики. Слишком большие самолеты не обладали бы достаточной маневренностью и в воздухе и на земле (старт, посадка, скрытие от неприятеля убежища). Надо было также распределить риск потерь на большее число единиц. Поэтому тип Уэллса по своим размерам отставал от типов самых крупных пассажирских и военных самолетов, существовавших 10 лет тому назад: например Дорнье (До X) - 50 т, Капрони 90 Р. В. - 40 т.

При постройке самолета такого типа и таких размеров, как хотел Бреклей, надо было перейти к легким сортам стали и дюралюминию. Но конструкция, обладающая такими блестящими летными качествами, была бы все же непригодна, если бы самолет оказался слишком сложным для ухода за ним в военное время, для переброски и производства. Быстрое серийное производство было возможно лишь при простой сборке отдельных частей.

Первой предпосылкой успеха намеченного Бреклеем к постройке 24-тонного самолета типа Г (Г - гигант) было применение в качестве двигателя дизель-мотора, работающего на тяжелых сортах горючего. Применение бензиновых моторов заранее отвергалось, как как достаточно попадания в бензиновый бак одной зажигательной пули из пулемета с истребителя, чтобы самолет взорвался. Это было бы равносильно применению пироксилина в качестве горючего или введению в зону огня противника дирижаблей, наполненных водородом!

К счастью, работы по усовершенствованию нефтяного мотора продвинулись так далеко, что теперь требовались лишь некоторые улучшения, опирающиеся на предыдущий опыт. Нефтяной мотор имел более высокий термический коэффициент полезного действия, чем мотор с карбюратором, и вследствие этого обладал преимуществом большего радиуса действия.

Сломить упорное сопротивление английских авиационных заводов было еще труднее, чем добиться разрешения конструктивной проблемы. Они имели постоянные заказы, дававшие им хорошую прибыль, и не намеревались переключаться на строительство совершенно нового типа, что требовало бы изменения производственных методов и

вложения капиталов в новое машинное оборудование. Но, задобрав твердолобых промышленников кредитами и припугнув их прекращением всех военных заказов, Бреклею удалось сломить их упорство.

Однако, когда был готов третий самолет, произошла катастрофа, грозившая совершенно уничтожить все дело Бреклея и чуть не стоившая ему жизни. Один из новых бомбардировщиков по невыясненной причине потерпел аварию. Начались тягостные запросы в парламенте, но, к счастью, сменился кабинет, и Бреклей мог продолжать свое строительство.

Лишь тогда, когда была разрешена техническая проблема и были сформированы четыре эскадрильи бомбардировщиков, майор Бреклей выступил со своей общей организационной программой создания воздушного флота для самостоятельного ведения воздушной войны. В созданном в 1918 г. английском королевском воздушном флоте существовали тогда три группы:

1. Войсковая авиация: эскадрильи для разведки, артиллерийского наблюдения и связи.
2. Авиация береговой обороны для сотрудничества с морским флотом: эскадрильи гидросамолетов, самолеты, находящиеся на авиаматках.
3. Воздушный флот, предназначенный для ведения самостоятельной воздушной войны, распадающийся на две части с двумя штабами: штаб истребительной авиации - 15 эскадрилий истребителей и штаб бомбардировщиков - 5 эскадрилий ночных и 6 эскадрилий дневных бомбардировщиков.

В качестве первого офицера генерального штаба при начальнике штаба воздушных сил майор Бреклей руководил реорганизацией воздушной обороны Великобритании. Эскадрильи дневных и ночных бомбардировщиков были укомплектованы новыми однотипными самолетами. Они образовали ядро будущего воздушного флота. Более половины 15 эскадрилий истребителей были расформированы, а их личный состав использован для формирования новых эскадрилий типа Г и разведывательных эскадрилий воздушного флота. Расходы на строительство 300 самолетов Г, из которых каждый стоил более 100 тысяч фунтов стерлингов, были так велики, что не могли быть покрыты путем увеличения прежнего бюджета воздушного флота. В связи со скверным экономическим и финансовым положением Англии нечего было и думать о таком увеличении расходов. Поэтому средства, предназначавшиеся для войсковой и береговой авиации, надо было использовать для воздушного флота, предназначенного для самостоятельной воздушной войны. Когда в армии и в морском флоте заметили, что расформировывается также войсковая авиация, раздались крики о предательстве. Желая загладить оскорбление, нанесенное флоту, Бреклей поручил флоту заняться усовершенствованием больших гидросамолетов и торпедоносцев. Для подкрепления воздушных соединений сухопутной армии в случае войны должны были быть привлечены эскадрильи резерва военно-воздушных сил. Таким путем центр тяжести воздушного вооружения в материальном отношении все более и более переносился на воздушную оборону Великобритании, получившую с 1 марта 1935 г. название "Воздушный флот".

Теперь дело Бреклея было закончено - как раз перед самой войной. И перед глазами Бреклея раскинулся... Париж!

VIII.

9 июля Париж проснулся после тяжелой, горячей, безветренной ночи. Далеко за полночь по улицам двигались от Итальянского бульвара до площади Согласия шумящие потоки людей, сбивались в толпы, лихорадочно обсуждая последние события. И только, когда ночное небо посветлело, усталость загнала людей в дома и заставила лечу в постели. Теперь в белизне раннего утра зияли пустые бульвары, но, казалось, на них еще дрожало волнение душевной ночи. В каменных каналах улиц стоял тяжелый запах бензина, пыли и людского пота. Дворники устало сметали в кучи грязные обрывки экстренных выпусков газет, набравшиеся за ночь. Прогрели первые автобусы: автомобили, чистившие улицы, смачивали мостовые водой и подымали своими валиками пыль.

Грузовик, ехавший с Итальянского бульвара, доверху нагруженный газетами, остановился на углу площади Оперы. Газетчики хватают еще сырые пачки и разбегаются во все стороны; с криком: "Война с Англией!" Немногие уличные прохожие вырывают у них из рук газеты.

"К ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ!

Честь Франции поругана! Англия требует, чтобы мы спустили с Каирской цитадели трехцветный флаг, чтобы мы увели наших храбрых солдат, которые были посланы на призыв о помощи национального египетского правительства для защиты жизни и собственности французов. Англия осмеливается грозить нам ультиматумом! Помня о чести Франции, мы отказалась дать на это требование какой-либо ответ. Мы еще надеемся, что английский народ опомнится и поставит своих вождей на место. Неужели братья по оружию в мировой войне 1914-1918 гг. обратят друг против друга оружие в самоубийственной борьбе? В этот серьезный час, когда решается судьба Европы, мы взываем к совести всего мира. Франция хочет мира. Но пусть Англия знает, что в вопросе своего существования французская нация встанет также решительно, как в августе 1914 г., чтобы отразить с железной настойчивостью всякое нападение, которое будет стремиться запятнать сверкающий щит Франции! Сегодня 9 июля с 4 часов утра объявлено военное положение. Да здравствует Франция!

Президент республики".

Постепенно собираются группы людей, читают, обсуждают новости. Вдруг свист сирен прорезает воздух. Что это? Свист превращается в резкий, протяжный вой... Распахиваются окна, на улице встревоженно выглядывают заспанные лица. Воздушная тревога? Сирены замолкают. Через четверть часа по улицам со звоном проносятся пожарные автомобили. Ярko блестят сверкающие медные каски. На перекрестках скапливаются густые толпы, их разгоняют полицейские: "Опасность воздушного нападения! Никаких сборищ на улицах! Идите в подвалы".

Слышен смех. Люди перебрасываются шутками. Англичане побоятся явиться днем! Все это устроено префектом полиции для практики полицейских.

Гудение моторов; оно слышится все ближе и ближе. Люди поднимают головы, женщины пронзительно взвизгивают, толкотня, толпа разбегается. Вдруг кто-то кричит: "Французские летчики!" На высоте 1000 м над городом с востока на запад пролетает эскадрилья истребителей с сине-бело-красными кругами под крыльями. Она вскоре исчезает из вида. Паника сменяется воодушевлением, раздаются рукоплескания, слышно ликование: "Наши самолеты им еще покажут! К чему вообще волноваться? Вокруг Парижа у нас тысячи истребителей. Если англичане только осмелятся среди белого дня лететь над Ламаншем, их истребят, как зайцев, раньше чем они увидят верхушку Эйфелевой башни".

На лестницах метрополитена - толпа, с любопытством наблюдающая за тем, что происходит снаружи, но в то же время напуганная, готовая при опасности немедленно броситься вниз. Пожилые мужчины с ленточками почетного легиона в петлицах произносят речи, обнаруживая необычайные стратегические познания. Им ведь знакомы воздушные тревоги 1918 г. Было совсем не так страшно, не надо только понапрасну волноваться. "При газовых бомбах надо лишь задержать дыхание", - взрыв громкого смеха вознаграждает шутника.

Полицейские на мотоциклах проносятся по улицам. К стенам домов приклеивают плакаты: "Как надо вести себя во время воздушного нападения". Плакаты отпечатаны уже давно. "Выдача противогазов производится в районном полицейском участке. Буквы от "А" до "К" от 18 до 24 часов, от "Л" до "ЗЕТ" от 2 до 6 час. вечера".

Какой-то участник войны дает советы: "Перед люками подвалов надо развесить мокрые полотенца, мы делали так в убежищах под Верденом, или зажечь огонек, чтобы газ выгоняло тягой".

Доносится отдаленный грохот. Все прислушиваются. Над городом на небольшой высоте пролетают отдельные французские самолеты, оставляя позади себя дымовые завесы. Из района Булонского леса и Исси гремят выстрелы зенитных батарей. Снова свист сирен.

Полицейские теснят толпу в туннели метрополитена, загоняют ее в дома. Но неустрашимые хотят показать свое мужество и упрямо смотрят на небо. Там, наверху маленькие белые облака, они так высоко, что их едва можно заметить.

Земля вдруг заколебалась... давление воздуха... взрывы... Кто-то кричит, показывая рукой: "Вот! англичане!" Как теневые штрихи, приближается сомкнутый строй эскадрильи, окутанной точками разрывов. Тотчас же начинается адский шум: рев сирены, резкий треск зенитных орудий, глухие взрывы гранат, трескотня пулеметов, - но все звуки перекрываются ужасающим свистом бомб, непрерывно сбрасываемых, начиная от Елисейских полей все ближе и ближе. Земля дрожит. Люди в смертельном страхе забиваются в темные туннели метро. Электрический ток прекратился немедленно после первых разрывов.

На вокзале у Оперы один за другим останавливаются два переполненных поезда. Вдруг оглушительный удар, треск, бледно-желтая огненная искра. Рушатся стены, секунда ужасного мертвого молчания, потом стоны, звериные крики... На расстоянии 50 метров от входа бомба в 1000 кг пробила мостовую, бетонированные своды туннеля и взорвалась внизу. Сотни людей были раздавлены одним лишь огромным давлением воздуха. Метрополитен обрушился, образовалась воронка в 50 м ширины, зияющая на бульваре Капуцинов. Обрушились фасады трех домов, внутренность квартир с мебелью и утварью видна с улицы. Между небом и землей странно повисло пианино. Сокрушающая волна бомб катится с треском дальше на восток. Через несколько секунд земля дрожит от новых взрывов. Это 12-я эскадрилья, сбрасывая вторую волну бомб над центром города, уносится дальше, оставляя ужасные разрушения.

Люди, как муравьи, копошатся в подвалах, в ужасе прислушиваясь к новым разрывам. Некоторые теряют рассудок, начинают буйствовать, беременные женщины рожают от ужаса. Тот, кто рискует высунуть голову из подвала, с кашлем и рвотой падает обратно: "Газ!"

На улицах слышны звонки пожарных: "Пожар!" Горит не в отдельных местах, а всюду, во всех кварталах. Таково действие термитных бомб весом всего лишь по 25 кг, сброшенных тысячами над городом тихо и незаметно в грохоте и треске разрывных бомб. Жидкая масса термитных бомб просачивается сквозь крыши, сквозь сухие балки и потолки. Храбрецы-пожарные направляют свои брандспойты в очаги пламени, но жидкий термит вскипает еще сильнее, смешиваясь с водой.

Во всех Кварталах города портится водопровод, под землей разрушены трубы, зияющие воронки наполняются водой. В предместьях разрушены водопроводные станции.

На набережной д'Орсэ пожарные берут воду из Сены и поливают горящее здание министерства иностранных дел. Но вот загораются все дома этого квартала. Пожарные, выполняя свой долг, мужественно борются против огня, против удушливых газов, спасают, помогают, но понемногу каждый начинает понимать всю бесцельность этих усилий.

Что могут сделать несколько тысяч пожарных против горящего и отравленного газами гигантского города? Для этого едва ли оказалось бы достаточно целой армии пожарных, сотен тысяч людей. Санитарные автомобили с красным крестом прокладывают себе дорогу до развороченным улицам, но их там мало! Врачи работают в больницах с высоко засученными рукавами, как на поле сражения, делают перевязки, впрыскивают морфий, забинтовывают окровавленные обрубки.

Взрывы постепенно замолкают, мертвая тишина распространяется над раскаленным городом. Восходящее солнце мутным черепком показывается в дыму и тумане над Парижем.

Люди выбегают из горящих домов. У всех на устах один крик: "Вон из этого ада!"

На площадях, в Тюильрийском саду, на Марсовом поле, скапливаются толпы. К счастью газовых бомб было, повидимому, сброшено немного или, быть может, согретый пожаром воздух действовал, как вентилятор. Железный остов Эйфелевой башни лежит поперек Сены до улицы Трокадеро: бомба весом в 1000 кг попала в один из четырех угловых столбов и опрокинула башню.

Тот, у кого еще уцелел автомобиль, торопится усадить свою семью, захватить все, что можно из домашнего скарба и выехать за город. Но вскоре на улицах во всю ширину

образуется пробка автомобилей. Население в панической давке старается выбраться из города пешком. Полиция напрасно пытается ввести в рамки потоки беженцев. Набережная Пасси оцеплена, там горит газовый завод, с минуты на минуту должны взорваться резервуары с газом. Но толпа в слепой, звериной ярости прорывает оцепление, напирая сзади, топчет упавших. Через несколько минут из огромного серого резервуара вырывается столб пламени вышиной в дом, летят камни, куски железа, но толпа несется, не глядя, дальше, оставляя раненых под ногами.

Железные птицы пролетели над городом в несколько минут, словно призрак. Извиваясь, как черви, миллионы людей в смертельном страхе даже не видели этого призрака, злобное гудение которого растаяло в небесных просторах и было заглушено грохотом взрывов.

Непосредственная смертельная опасность теперь прошла, оставшиеся в живых дрожали, были напуганы, но они остались живы! Живы! И теперь страх перешел в ярость. Из конвульсивно сжатых глоток вылетел пронзительный крик ярости - против врага, против войны, против правительства, против всего мира.

Предательство! Почему правительство не защитило парижан от этого ужаса? Где же были блестящие самолеты, на которые из глупого стада налогоплательщиков выжимали миллионы франков? Где были все эти хвастливые летчики, разодетые лейтенанты, соблазнявшие девушек? Теперь, когда они должны были проявить себя, они трусливо спрятались. Разве эти старые ослы генералы и политики не повторяли в продолжение многих лет в газетах и в палате, что "французский воздушный флот самый лучший и самый сильный в мире?" Где же были истребители, когда англичане появились над Парижем? Все оказалось никуда негодным: и прекрасно организованная противосамолетная оборона, и служба связи, и пожарная охрана - все!

Французами не было сбито ни одно из этих чудовищ, изрыгавших бомбы!

Из-за угла улицы Лафайета поворачивает по направлению к Северному вокзалу автомобиль, в котором сидят три офицера воздушного флота. Он с трудом прокладывает себе дорогу среди обломков и толпы. Вокруг сыплются проклятья, сжимаются кулаки, офицеров вытаскивают из автомобилей, срывают погоны, рвут мундиры, бьют и разрывают в ярости на части. Горе, когда толпой овладевает кровавое безумие: она готова тогда убить первого, кто попадает ей на пути. Озверевшая толпа нашла виновных в лице трех офицеров-наблюдателей: Молимье, Веделя и Обри, которые, следуя приказу о мобилизации, хотели поехать по железной дороге в свою воздушную часть в Мобеж.

IX.

Никто из окутанного дымом и туманом города не видел, что делалось во время нападения бомбардировщиков наверху, в воздухе. Там, на высоте 6 тысяч метров, эскадрильи французских истребителей, как рои злых комаров, летели навстречу английским самолетам, державшим совершенно прямой курс. Они двигались гордо и смело навстречу врагу, радуясь возможности напасть на огромные корабли, по которым нельзя даже дать промаха. Ни один англичанин не должен вернуться в зеленый Альбион. Вот это будет дело!

Они шли вниз, сжав челюсти, положив руку на рукоятку управления с большим пальцем на спуске пулемета. Они были еще на расстоянии более двух километров, и вдруг среди них появились маленькие облака красно-коричневого цвета. Сквозь рев моторов послышался треск. То тут, то там самолеты раненых товарищей качнулись, но ведь еще слишком далеко до англичан, чтобы можно было думать о выстрелах. Только не оборачиваться назад, не смотреть на других. Два самолета падают, кружась в воздухе... Вперед! На врага! Его размеры вдруг чудовищно вырастают...

Вот начинается треск своих пулеметов, - целить надо прямо в широкий корпус неприятельских самолетов. Вдруг прямо в лицо снап пламени, последняя мысль: "Все, все пропало!" Попадание 3,7-сантиметровой гранатой разрушило французский истребитель, человек черным комком летит в глубину; за ним, перевертываясь в воздухе, падают обломки машины.

Не все истребители подошли так близко к неприятелю, некоторые пролетели мимо гигантов невредимыми. Но тех, кто не попал под дальний огонь гранат, уничтожил ближний оборонительный огонь пулеметов, по всем направлениям открытый с гигантских самолетов. Истребители один за другим комом летели в глубину, оставляя позади себя черное облако дыма от горящих бензиновых баков. Кто мог, выпрыгнул из горящих машин, и всюду, как грибы, появились медленно опускавшиеся парашюты.

Прошло всего несколько минут, и гордая волна первых 60 французских истребителей была разбита. Невозможно было различить, кто был побит и кто опустил по собственному желанию. Первая атака была отражена усиленным огнем английской эскадрильи. Французы надеялись, что атака истребителей во всяком случае расстроит ряды противника, а удар второй волны истребителей только довершит дело. Но английские эскадрильи летели дальше, бросая бомбы страшной сомкнутой фалангой. Они ни на одну минуту не уклонились от своего курса. Несомненно пулеметные пули попали также в корпуса и несущие поверхности английских самолетов, но нефтяные баки не загорались.

Офицер, командовавший второй волной французских самолетов, подал сигнальным пистолетом знак к атаке, но теперь подъем был уже не тот. Все видели бесполезную жертву первой колонны истребителей. Бросаться на заградительный огонь рвущихся гранат - просто самоубийство. У многих не выдерживали нервы. Конечно, были неустрашимые, подавлявшие в себе малодушие, но большинство открывало огонь из пулеметов задолго до необходимого сближения с врагом и сворачивало в сторону уже на расстояние 1000 метров.

В начале атаки бомбардировщиков флагманский самолет начальника английского воздушного флота под прикрытием двух сопровождающих самолетов находился во главе 3-й эскадрильи. На борту этих трех самолетов Г не было бомб, но вместо них было усилено вооружение и увеличено количество боеприпасов. Поэтому они больше других принимали участие в отражении атаки французских истребителей, разгружая тем самым от этой работы летевшие несколько ниже бомбардировщики. Эти три самолета словно обладали какой-то особой притягательной силой для французов, как будто французы чувствовали, что именно здесь находится вождь английского воздушного флота. Пушки на самолетах гремели, из нагретых стволов стучали пулеметы.

Генерал Бреклей неподвижно стоял в командной рубке. У него лишь иногда вздрагивали руки: он бы сам с удовольствием, взялся за рукоятку пулемета вместо того, чтобы наблюдать. Бреклей твердым взглядом следил за атакой неприятельских истребителей и оглядывался на собственную эскадрилью, двигавшуюся, "как на учении", в полном порядке, словно дело происходило в мирной обстановке. Он досмотрел вниз на раскинувшийся под ним огромный город. Сквозь клокочущий дым и искусственную завесу тумана вырисовывалась серебряная лента Сены. Подобно маленьким фонтанам, искр вздрагивали последние разрывы бомб, сброшенных 12-й эскадрильей, делавшей теперь поворот.

Бедный Париж! Бреклей на мгновение почувствовал жалость к этому несчастному городу, пострадавшему за всю Францию, но это длилось только одно мгновение. По его тонким губам скользнула жесткая усмешка: "Британия властвует над морями - над морями и воздухом!" Атака бомбардировщиков удалась полностью.

На Париж было сброшено 700 т разрывных бомб, более 3000 зажигательных снарядов и 10 т горчичного газа. Их действие по своей разрушительной работе оказалось значительно меньше, чем он думал. Но об этом Бреклей узнал лишь через несколько дней по сообщениям агентства из Голландии.

Нападение английских бомбардировщиков на Париж удалось, и при этом не погиб ни один английский самолет. Вопреки всем ожиданиям, противосамолетная оборона с земли была ничтожна. Несмотря на относительную величину английских самолетов и полет в сомкнутом строю, их трудно было рассмотреть на большой высоте вследствие тумана, который всегда висит над большими городами. Искусственный туман, который французы создавали над городом при помощи дымовых приборов, вскоре затруднил прицеливание. Но

и без этого огонь зенитной артиллерии стал невозможен с того момента, как в атаку вылетели собственные эскадрильи истребителей.

"Теория" Брекля получила полное и блестящее подтверждение легкие истребители были разбиты тяжелыми эскадрильями дредноутов. Детище Брекля английский воздушный флот - выдержал боевое крещение. Но предстояло еще самое трудное: обратный полет в Англию, который на протяжении 150 км в продолжение трех четвертей часа должен был происходить над неприятельской территорией. Этот обратный полет будет совершен с боем.

Французы воспользуются случаем дать сражение английскому воздушному флоту на далеком расстоянии от его базы. Бреклей слишком хорошо знал своих французских коллег. Эскадрилья истребителей, которую он уничтожил над Парижем, была ведь лишь незначительной частью французских военно-воздушных сил. Вероятно это были 8 отрядов первого воздушного полка, расположенного вокруг Парижа специально для защиты города. Основная масса французского воздушного флота была расквартирована у восточной границы - около Страсбурга, Метца и Реймса. С момента появления английских самолетов над побережьем французская служба связи, без сомнения, сделала свое дело.

Внизу в дыму и тумане лежал Париж, Для бомбовой атаки эскадрильи растянулись соответственно месту расположения мишеней. Теперь для воздушного боя их надо было объединить опять в компактную массу. В 6 часов 28 минут генерал Бреклей отдал по радио краткий приказ: "Курс 325, дальнейший полет тремя колоннами, левая колонна 9-я, 10-я, 11-я, 12-я эскадрильи, средняя 6-я, 7-я и 8-я, правая - 3-я, 4-я и 5-я, направление по 4-й эскадрилье".

Трудный маневр перестроения, требовавший замедления скорости самолетов внутреннего фланга и выхода вперед самолетов правого фланга был выполнен образцово. Необходимое увеличение или уменьшение скорости производилось путем заглушения моторов или посредством использования имевшейся в излишке мощности моторов. Самолеты сомкнулись клинообразными звеньями внутри отрядов и эскадрилий.

Х.

В атаке Парижа принимали участие главные силы английского воздушного флота, от 3-й до 12-й эскадрильи. Начальник британского военно-воздушного флота генерал Бреклей, идущий во главе бомбардировочных эскадрилий, беспокоился о судьбе 1-й и 2-й эскадрильи. Эти эскадрильи получили задание произвести под командой майора Купера демонстративную атаку на Лилль и Мобеж. Они должны были широким фронтом пролететь над бельгийским побережьем между Остенде и Дюнкерхеном за полчаса до того, как главные силы под командой Брекля пересекут французское побережье в направлении на Париж.

Этой диверсией предполагалось оттянуть от Парижа французскую авиацию, расположенную на севере, чтобы облегчить главным английским силам беспрепятственную бомбовую атаку города. Обе эскадрильи Купера были обильно снабжены боевыми припасами для пулеметов и автоматических пушек за счет уменьшенной нагрузки бомбами. Каждый из самолетов Г. имел третью автоматическую пушку и к ней - еще одного бойца. Это было одним из главных преимуществ английских воздушных дредноутов; в зависимости от тактической цели они могли менять полезную нагрузку, увеличивая или уменьшая ее за счет бомб, огневой мощи или дальности полета.

Последняя радиопередача от Купера была получена в 5 час. 30 минут. Он доносил, что сбросил бомбы на вокзалы и аэродромы у Лилля и Кортрика. С тех пор связь была прервана. Волны мощных передатчиков противника прекратили работу самолетных раций. Возвращается отряд Купера через Ламанш или он пытается соединиться в направлении Амьена с возвращающимися из Парижа главными силами?

Характер воздушной обороны Парижа, в которой участвовали только одноместные истребители, указывал на то, что демонстративная атака 1-й и 2-й эскадрилий действительно отвлекла главные неприятельские силы на Лилль. Донесение разведывательного самолета А-128 установило в 5 час. 28 мин. вылет пяти эскадрилий Бреге-61 из Реймса, курсом на

север. Это был, вероятно, 12-й авиаполк дневных бомбардировщиков, стоящий около Реймса. Бреге-61 - самый новый тип большого трехмоторного французского самолета, с меньшим летным весом, чем английский Г, но, повидимому, с лучшими летными качествами, с большей скоростью, притом сильно вооруженный и с широким полем обстрела.

Французы, создавая воздушный флот, не оценили возможностей воздушной войны в той мере, как это сделали англичане, под влиянием Бреклей. Мелочная придирчивость морского и военного министерств к вновь образованному в 1928 г. министерству авиации препятствовала образованию однородного воздушного флота Франции. Все же удалось объединить в одну группу под командой генерала 11-ю бригаду бомбардировщиков (11-й полк дневных и 21-й полк ночных бомбардировщиков) и 12-ю бригаду бомбардировщиков, а также четыре полка истребителей. Это была так называемая авиационная группа главного резерва. Под этим неопределенным названием и скрывался собственно французский воздушный флот. В противовес основному английскому принципу разделение между бомбардировщиками и истребителями было сохранено. Типы самолетов в соединениях были также неоднородны; каждый полк имел свой тип самолета. 21-й и 22-й полки ночных бомбардировщиков были вооружены такими самолетами, которые могли быть использованы только по своему непосредственному назначению. Для воздушного же боя они были непригодны вследствие своей незначительной скорости, малой скороподъемности и недостаточной маневренности. Но если даже не принимать в расчет 120 ночных бомбардировщиков, на стороне французов все же оставался значительный количественный перевес: 200 дневных бомбардировщиков и 420 истребителей против 230 самолетов Г британского воздушного флота.

2-й французский полк истребителей, в Страсбурге, состоял из двухместных истребителей, а сформированный недавно в Лилле 4-й полк - из современных четырехместных боевых самолетов Девуатина. Бреклей понимал, что восемь эскадрилий этого полка в составе 80 самолетов будут самым опасным противником. Было известно, что Девуатин обладает большой скоростью и вооружен двухсантиметровой пушкой.

Кратчайший путь обратно на родину вел через устье Соммы, к мысу Дунгенес. Но не лучше ли лететь на запад, через Гавр, с тем, чтобы избежать боя над территорией противника? Каждый самолет, который вследствие аварии должен будет спуститься на территории противника, пропадет. Между тем при аварии на своей территории после ремонта он станет опять в строй.

Воздушный бой над своей территорией представляет такие же преимущества, как и морской бой в своих водах, где поврежденные суда могут быть взяты на буксир и отведены в пределы минных заграждений под охрану береговых батарей.

Генерал Бреклей отдавал себе ясный отчет в стоимости и ценности своих самолетов Г. Резерв в 30 самолетов Г - ничтожен. Первые пополнения, несмотря на подготовительные мероприятия, проведенные в промышленности, будут готовы не ранее, чем через три месяца. И все же Бреклей решил возвращаться на Амьен. Сегодня или никогда английский воздушный флот должен доказать свое превосходство. Бреклей непоколебимо верит в победу, даже если бы против его 190 самолетов были одновременно брошены все 600 французских самолетов.

100 одноместных истребителей 1-го полка уже достаточно пострадали от английского флота над Парижем. Значит оставалось "всего лишь" 500 самолетов! Воздушный флот Бреклей хорошо сколочен, сплочен, однороден по своему составу, единодушен по выучке и спайке своих экипажей.

Можно пожертвовать несколькими самолетами, если сегодняшней бой докажет превосходство английского флота над противником. Перед глазами экипажей еще проносятся картины разрушения неприятельской столицы, как знамение, предвещающее полную победу. Но сердца еще не закалены, настроение переменчиво. Надо ковать железо, пока оно горячо. "Сегодня, в первый день войны, инициатива в моих руках, и не

воспользоваться этим было бы предательством; моего великого дела".

Офицер радиосвязи, капитан Кристи, принимает радиограмму разведчика: "Донесение от А-121... 6 часов 44 минуты. Около восьми отрядов по десяти самолетов типа Бреге-61, в картографическом квадрате 1621, курс 230, высота 5000 метров".

Картографический квадрат 1621, около Мондидье. Бреклей вздыхает свободнее: "Они приближаются!" Конец неопределенности! Внизу извивается Уаза по широкой луговой низменности между цепями лесистых гор.

Английские походные колонны еще недостаточно сомкнулись после развертывания при бомбовой атаке Парижа, чтобы в полной мере сосредоточиться для предстоящего боя. Правая колонна (3-я, 4-я и 5-я эскадрильи) наиболее отстала. Появляется опасность, что приближающийся с востока противник обрушится именно на эти эскадрильи, чтобы отеснить их от главных сил.

Поэтому генерал Бреклей отдает приказание:

"Примыкание к средней колонне, курс 325, укоротить интервалы между колонками по фронту до 1 000 метров, расстояние в высоту сократить. 3-я эскадрилья над 4-й и 5-й; 6-я - над 7-й и 8-й; 9-я и 10-я - над 11-й и 12-й".

Такое сосредоточение тем более возможно, что действие ПВО прекратилось, с того момента, как был покинут Париж. Только путем сокращения дистанций и интервалов возможна концентрация огня автоматических пушек и пулеметов.

Боевые самолеты, как и военные корабли, снабжены огнестрельным оружием. Морская тактика требует, чтобы отдельные корабли и соединения морских кораблей занимали такое положение, при котором огонь, направленный на противника, был бы наиболее действительным. Главная сила линейных кораблей заключается в бортовом огне. На море бой происходит или на параллельных курсах или на встречных, когда флоты держатся противоположных курсов. Со времен Нельсона и до Ютландского сражения противники в морском бою стремятся занять знаменитое положение в виде буквы Т. При этом флот противника необходимо поставить в положение вертикальной части Т, а свой флот - в положение горизонтальной черты Т с тем, чтобы всю силу бортового огня сосредоточить на головной части колонны противника. В Ютландском бою адмиралу Битти удалось занять со своими линейными крейсерами именно такое положение по отношению к немецкому флоту, и немецкому флоту под сильным неприятельским огнем удалось спастись от угрожающего ему окружения только благодаря отважному повороту Шера на 180 градусов.

Воздушная тактика имеет много общего с морской. Здесь, так же как и там, важно поразить противника массой огня. Только скорости, с которыми движутся самолеты в воздухе, значительно больше, а дистанция эффективного огня автоматической пушки к пулемета значительно короче радиуса действия 38-сантиметровой морской пушки.

Но между воздушным и морским боем есть и существенная разница. Бой на море разыгрывается в одной плоскости, а бой в воздухе - в пространстве трех измерений. опередить в воздушном бою можно не только по горизонтальной, но и по вертикальной плоскости. Концентрация огня достигается не только сокращением глубины, но и расположением уступами в высоту. Идеальное поле обстрела в пространстве трех измерений может быть достигнуто приданием боевому порядку формы шара, из которого огонь может быть направлен по всем направлениям. Этот идеал также трудно достижим, как круговой обстрел с морских судов, при удлиненной и узкой форме которых через нос и корму можно направить только часть огневой силы. У самолета идеальное шарообразное поле обстрела разделяется несущими поверхностями на верхнее и нижнее полушария. Вращающийся пропеллер, рулевые поверхности и шасси ограничивают поле обстрела. Автоматические пушки, как главное оружие тяжелого боевого самолета, должны иметь самое важное и самое свободное поле обстрела. Менее важные места обстреливаются из пулеметов. Мертвых углов, дающих противнику возможность безопасно приблизиться, у современных боевых самолетов не должно быть. Мертвые углы самолетов в войне 1914-1918 гг. облегчали одноместным истребителям приближение к ним через крылья под прикрытием фюзеляжа.

Капитан Линдсей находился в качестве офицера-бомбометчика в штабе начальника воздушного флота на флагманском самолете. Ему было поручено правильно организовать бомбовые атаки эскадрилий. Эта задача выполнена. Он отправился наверх и, сев за стереотрубу, осмотрел горизонт через 12-кратное увеличительное стекло. Труба поворачивается и вращается как перископ, и одновременно служит измерителем расстояния. Специальные глушители препятствуют перенесению вибрации фюзеляжа на прибор, вследствие чего изображение не сотрясается.

Этим ценным оптическим прибором снабжены только самолеты командиров эскадрилий и отрядов. Капитан Линдсей направил стекло назад, на четыре неприятельские отряда, появившиеся вскоре после Парижа и с подозрительным миролюбием составлявшие с тех пор как бы почетный караул английского флота. Он хорошо различал бело-сине-красные знаки на крыльях и фюзеляже, а также очертания отдельных отрядов. Каждый отряд состоял из пятнадцати самолетов всего 60 боевых единиц. Это были одноместные истребители типа Ньюпор-Деляж, принадлежащие 3-му полку истребителей.

Английский воздушный флот летел теперь над Бове. Это название пробуждало тяжелые воспоминания о трагической судьбе английского дирижабля Р-101 шесть лет назад. Старинный город мирно покоился среди красивой и плодородной местности. Блеск утреннего солнца освещал желтеющие поля и, зеленеющие луга.

Из низменностей и лесов поднимались туманные испарения, превращавшиеся под влиянием солнечных лучей в белые облака.

На востоке видимость была хуже, пришлось вложить желтые светофильтры. Солнце уже не стоит более сбоку курса, оно видно уже сзади. Капитан Линдсей подумал: "Если противник действительно приблизится с востока, то нам придется стрелять против солнца. Это будет неудобно, несмотря на то, что прицельные приборы автоматических пушек и пулеметов снабжены солнечными диафрагмами и желтыми дисками".

Внезапно в молочно-дымном свете появляется на востоке красная нить. Через полминуты - еще одна. Линдсей знает: это световой сигнал разведывательных самолетов об угрожающей опасности. Он доносит об этом генералу, который идет сам к перископу.

Теперь видна уже черная тонкая черточка, рядом с ней вторая, третья... Черточки превращаются в ряды точек, показываются сомкнутые авиационные колонны. Свои или противник? Может быть это две эскадрильи Купера? Нет! Это французская эскадрилья. Дневные бомбардировщики по десять сомкнутых самолетов.

- Еще никаких сведений о Купере?

- Нет, - отвечает офицер-радист из радиабудки.

XI.

Джордж Винтон и второй рулевой - сержант Вильямс сидят рядом у двойного руля. В закрытой кабине летчика уютно. Отопление действует хорошо, сюда не проникает холодная режущая струя воздуха. Утреннее солнце поднимается выше и начинает светить в их стеклянный дворец. Становится жарко. На большой высоте солнечные лучи очень горячи.

- Курорт горного воздуха, - пошутил командир самолета Г-46 Краули.

Винтон передает Вильямсу руль и вытаскивает термос с какао. Часы показывают 6 ч. 48 м. Они уже летят три часа, и Винтон с аппетитом съедает один из бутербродов, полученных вчера вечером из офицерской столовой.

До сих пор полет был только прогулкой. Они обменялись несколькими мимолетными очередями с двумя группами неприятельских истребителей - и только. Они умело сохранили свое место в эскадрилье. Бомбы были сброшены своевременно, должно быть Клеменс прицелился мастерски.

Теперь они мирно гудели над залитым солнцем Артуа. Через час эскадрильи будут над милым Ламаншем, а еще через полчаса - на родном аэродроме.

И это война? Винтон представлял ее себе гораздо романтичнее. Он совсем не чувствовал себя героем. Откуда же взялись страшные рассказы старых летчиков, участников мировой войны, о воздушных боях, о раненом летчике, собравшем последние силы и

совершающем с мертвым наблюдателем посадку на поле, покрытое воронками, об отвратительном обстреле из зенитных пушек, о разбитых рулях... Да, старики просто забавлялись, изумляя молодежь рассказами о своих воздушных приключениях, и сильно прикрашивали свои подвиги, пользуясь ее наивностью.

Все же надо отдать старикам справедливость, - им трудно было работать. Летчик при ледяном ветре сидел в узком открытом самолете, обмораживая себе щеки, нос и концы пальцев. Он был одновременно обязан смотреть во все стороны, управлять, стрелять, фотографировать, ориентироваться, смотреть за мотором и работать на радиоприборе...

Насколько все это упростилось теперь! Надо только управлять по курсу, который указывает компас, сохранять дистанцию и интервалы. Сначала это казалось страшно трудно, но после тренировки достигалось без особого труда. Незначительным изменением подачи газа, легким нажимом педали можно было сохранить свое место с точностью до одного метра.

На доске с приборами одним взглядом можно прочесть число оборотов мотора, скорость и высоту. В отношении горизонта жироскопическое приспособление постоянно показывает положение самолета к поперечной и продольной оси. Для ориентировки естественный горизонт не нужен. С одинаковым успехом можно лететь и ночью, и в облаках, и днем при голубом небе. Об остальном летчику заботиться не надо; для моторов имеются механики, радиослужбу несут радисты, аэронавигацией занимаются наблюдатели, а всем этим сложным механизмом - всем самолетом Г - управляет командир. Серьезные трудности представляли лишь полеты на больших высотах, но и тут имелись специальные кислородные приборы, которыми можно было пользоваться при надобности.

На машинном телеграфе вспыхнул красный сигнал "внимание", и затем "укороченные боевые дистанции".

Рука Винтона крепко ухватила за четыре газовых рычага и сдвинула их равномерно назад, зубец за зубцом. Моторы взвыли с дикой силой. По машине пробежала судорога. Теперь надо было с исключительным вниманием наблюдать за самолетом командира отряда и подражать каждому его движению.

Находившийся слева отряд А, летевший во главе треугольника эскадрильи, набрал высоту. За ним последовал и самолет командира его отряда - В - Г-45, который по расписанию летел впереди на 50 м ниже. Сейчас он поднялся выше.

Винтон слегка потянул руль высоты; самолет, освободившийся от бомбовой нагрузки в 4 т, легко реагировал на руль. Было приятно смотреть, как стрелка альтиметра через несколько минут показывала уже 6400 м. В то же самое время Вильсон управлял рулем направления.

С левого борта опасности не было. С интервалом в 300 м на одинаковой высоте шел третий самолет его отряда Г-47 и еще далее, слева, его прикрывали шесть самолетов отряда Б. С правого борта небо было пусто. В этом открытом воздушном океане зоркие глаза Вильямса искали противника. Далеко виднелись две черные точки. Это были разведывательные самолеты, сопровождавшие и охранявшие главные силы британского флота.

Вильям толкнул левой рукой Винтона и вытянул правую. Можно было различить ряды темных точек.

Противник! Он приближается с жуткой быстротой. Силуэты позволяют опознать тип: Бреге-61.

Соединительная дверь между коридором и кабиной летчика открывается: просовывается полное лицо капитана Краули, кажущееся еще более широким в кожаном шлеме. Он кричит:

- Алло! Они приближаются! - и поднимает сжатый кулак, как приветствие противнику.

Его взгляд останавливается на Винтоне. Этот короткий взгляд красноречивее длинной речи - одобряющая улыбка и в то же время глубокая серьезность. Дверь снова захлопнулась. Винтон весь напрягся. Что бы ни произошло, но под командой Краули все будет хорошо.

Он в первый раз почувствовал всю силу дружбы и боевого товарищества. Эта дружба сковывала группу людей в безграничном воздушном пространстве в одно волевое целое. Как электрическая искра пробежала воля Бреклея через весь британский воздушный флот, идущий теперь в бой, вдали от родины, на высоте 7 000 м.

ХII.

Краули стоит наверху в боевой башне, у дальномера, рядом с пулеметчиком Дискором, и напряженно следит за быстро меняющимся положением своих сил и сил противника. Выполняя приказание начальника воздушного флота, 57 самолетов 3-й, 4-й и 5-й эскадрилий образуют теперь компактную массу; 3-я летит над 4-й и 5-й, прикрывая их от нападения сверху. Благодаря такому расположению удваивается сила огня во все стороны. Таким же образом сплотились 6-я, 7-я и 8-я эскадрильи и 9-я, 10-я, 11-я и 12-я эскадрильи левой колонны. Все же средняя и левая колонны находятся на несколько километров впереди, в то время как правая колонна все еще отстает после бомбовой атаки Парижа.

Французы приближаются с правого фланга. Это 12-й авиационный полк бомбардировщиков типа Бреге-61. Сначала кажется они хотят развить максимальную скорость и преградить путь головной английской колонне. Но они, повидимому, заметили, что расположение трех английских колонн делает невозможным этот Т-образный тактический маневр. Поэтому французы приближаются справа, в направлении на первую английскую колонну, они заметили ее изолированное положение.

Краули через дальномер наблюдает за французскими эскадрильями, которые идут теперь почти параллельным курсом, заметно приближаясь. "32 гектометра, 30..."

Вот вспыхивает бледно-желтый огонь. Французы открыли огонь. Появляются ряды белых облаков, но еще слишком далеко, разрывов не слышно. На-глаз трудно определить расстояние, в воздухе отсутствует сравнительный масштаб. "27 гектометров". Краули поднимает руку: "Внимание" - "26" - рука опускается: "Огонь!"

Гремит автоматическая пушка Дисмора. Перед самолетами Бреге появляются пять красно-коричневых облаков. Дистанционная трубка английских 37-мм гранат установлена на 2500 м. Поэтому положение точек разрыва впереди или позади цепи дает тотчас же возможность определить расстояние. Продолжительность горения дистанционной трубки на 2500 м была установлена на опытах, как практический предел для автоматической пушки. Правда, ее дальность достигает 4000 м, но после 2500 м вероятность попадания быстро падает, в особенности по малым подвижным мишеням, какими являются самолеты.

Клеменс бьет из автоматической пушки из передней башни через правый борт. Белые светящиеся нити трассирующих снарядов тянутся во все стороны, словно гигантские руки играют в мяч гранатами. Самолеты Бреге тоже имеют по пушке, установленной в выдающемся носовом сиденье наблюдателя, из которой они осыпают бортовым огнем поле обстрела в 180°.

Краули смотрит назад. Г-48, следующий вплотную за Г-46, выступив немного вправо и вперед, тоже находится в полосе обстрела. Также и Г-50, замыкающий звено отряда Б.

Теперь, когда приближается французская линия, открывает огонь отряд А. Это - воздушный бой эскадрилий.

Сила огня автоматических пушек достигает максимального эффекта. В боевых соединениях самолеты как бы привязаны к определенному месту внутри своей части. Изменения в направлении и в высоте могут производиться только в согласии с соседними самолетами, иначе при коротких боевых дистанциях грозит столкновение. Благодаря такой неизменности направления полета воздушных дредноутов, облегчаются обслуживание и наводка автоматической пушки.

Порывистых ветров, воздушных волн, создающих качку на самолете на небольших высотах, не бывает, на высоте в 7 000 м. Клеменс и Дисмор сидят у своих пушек, правый глаз у прицела, и выпускают короткие огневые очереди, в пять-десять выстрелов. Необходимо напряженное внимание, чтобы развить в короткие благоприятные мгновения сильнейший огонь.

Французы летят двумя линиями, одна над другой: пять эскадрилий на 300 м выше других пяти. Сто самолетов Бреге против 57 самолетов Г. 3-й, 4-й и 5-й эскадрилий. Но французская тактика эластичнее. Отдельные, эскадрильи движутся змеевидными линиями, выгибаясь, чтобы стрелять, и затем опять выпрямляясь. Однако дистанции между эскадрильями у французов больше, чем у англичан, и это ослабляет французов. Полк растягивается в глубину на большее расстояние.

Краули видит, как одна из французских эскадрилий использует свою превосходящую скорость и легкой дугой приближается на 800 м, действуя из пушек и пулеметов с тем, чтобы опять быстро выпрямиться в основном направлении.

Минуты невероятного напряжения. Клеменс в передней, а Дисмор в средней башне настолько поглощены прицеливанием и установкой новых лент, что совсем не думают о неприятельских гранатах. При приближении французов Краули тоже хватается за рукоятку пулемета.

Внутри, в фюзеляже, в заглушенной кабине, радист Смит со специальным головным прибором принимает радиосигналы командира эскадрильи и отряда, механически записывая знаки на доске, которую он передает затем наверх командиру Краули через наблюдательное окно. Нажатием клавиша радист подтверждает прием. Точное выполнение своих обязанностей внутри самолета еще более ответственно, чем работа бомбардиров и пулеметчиков, видящих врага и вымещающих на нем свою ярость в грохоте автоматических пушек и пулеметов.

- Проклятие! - Над правой поверхностью лопается французская граната.

Большая машина качнулась вокруг своей продольной оси - так сильно воздушное давление. Но самолет снова послушен руке Винтона. Краули смотрит на крыло. На этот раз благополучно, - элерон не поврежден. Только в нескольких местах поцарапана металлическая обшивка. Дешево отделались!

Яростно гремят обе пушки Г-47. Ага! Яркий, острый язык пламени вырывается из Бреге. Попали! Самолет горит, чадит и штопорит вниз.

- Ура! Ура! - кричит Краули охрипшим голосом.

Вот еще один... второй... три самолета противника падают вниз. Отряд А работает блестяще. Bravo, отряд А! Огонь французов заметно ослабевает, становится менее точным.

Вдруг сверху становится темнее. Приближаются французские отряды истребителей; вот они идут в атаку. Пулеметы трещат. "Внимание! Противник вблизи". Самолеты стреляют. Наконец-то могут пострелять и механики! В действии все стволы, имеющиеся на самолете. Адский шум! В это время с правой! стороны приближаются две эскадрильи Бреге. Металл самолета дрожит и звенит. Краули дико кричит: "Ура!" Два французских одноместных истребителя падают вниз, недалеко от Г-46. Их сине-бело-красные знаки напоминают неподвижные стеклянные глаза. Тайлор и Элькс, оба механика из задней установки для пулеметов, машут Краули: "Это наша работа!"

Все происходит с невероятной быстротой. Краули поражен. Бортовые часы в командирской рубке показывают только 7 часов 04 минуты утра. Ему кажется невероятным, чтобы с момента первого выстрела стрелка продвинулась всего на 9 минут.

Минута покоя. Атака истребителей отбита. Высоко наверху еще тянутся стаи самолетов, готовые, как вороны, броситься на раненого зверя. Эскадрильи Бреге с правой стороны, отошли на 40 гектометров. Они вне досягаемости для выстрелов.

Но окончено ли сражение? Не пойдут ли французы снова в атаку? Как обстоит дело с боевыми припасами для автоматических пушек? Дисмор сообщает, что расстреляно 380 снарядов. Клеменс передает по переговорной трубке: расстреляно 310 снарядов. Для каждой автоматической пушки на борту имеется по 1 000 снарядов. Итак, остается еще больше половины боевого запаса. Но путь на родину еще далек.

Где же мы собственно находимся? Краули в течение четверти часа не имел свободной секунды, чтобы взглянуть на лежавшую внизу землю. Тогда едва внизу виднелся Бове; теперь самолеты должны были продвинуться на 50 км. вперед и, должно быть, находятся

приблизительно над окрестностями Амьена: Да, хам, внизу, далеко, в серой дымке, стелющейся над землей, блестит серебряная полоска Соммы. Еще четверть часа, и они будут над открытым морем, вдали от неприятельской территории. Только бы благополучно добраться туда! Краули, как командир, чувствует всю ответственность за самолет и за девять человек экипажа. Они все держались прекрасно, хотя неприятельские гранаты разрывались угрожающе близко.

Только теперь Краули заметил, что средняя колонна, состоявшая из 7-й и 8-й эскадрилий внизу и 6-й наверху, летевшей на равной высоте с 3-й, переместилась с увеличенной скоростью направо и заняла место перед правой колонной. С правой стороны одновременно вынырнул новый противник четырехместные Девуатины. Их можно было еще издали узнать по своеобразному, как бы обломанному фюзеляжу, оканчивающемуся тонкой стальной формой, на которой находились аппараты управления. Это французский четвертый полк истребителей. Девуатин - новейший тип самолета, построенный как средство борьбы с английскими самолетами Г. Восемь эскадрилий, стреляя, преграждают путь 6-й и 7-й эскадрильям, совершают поворот резким виражем, проносятся мимо английской линии делают еще один поворот. "Их полет не похож на Бреге", - думает Краули. Короткая команда: "Огонь". Клеменс и Дисмор уже открыли стрельбу из автоматических пушек.

Сильным толчком Винтона почти выбрасывает на руль. Оглушающий треск. Сильная качка. Первая мысль: "Все кончено!" Нет, машина держится, но руль высоты не поворачивается. Неужели он сбит огнем? Винтон и Вильямс испуганно смотрят друг на друга...

Винтон передает Вильямсу управление, открывает дверь и бежит через коридор к задней пулеметной установке. Там стоят механики Тейлор и Элькс и пристально смотрят на хвостовую часть.

Винтон понимает с первого взгляда: горизонтальный стабилизатор поврежден выстрелом, и регулятор руля прижат слева разорванной жестью. Винтон не раздумывает и действует с сомнамбулической уверенностью. Он тянет Тейлора за рукав и кричит ему на ухо:

- Я поползу на хвост, привяжите!

Он вырывает из ящика с инструментами ножницы для резки металла и молоток, засовывает их в кожаную куртку и ползет с Тейлором до края фюзеляжа. Скорей, скорей, от каждой секунды зависит судьба самолета! Винтон поднимает заслонку и с трудом протискивается сквозь отверстие.

Рвет бешено ветер. Винтон смотрят на руль. Осталось еще! три метра. Тейлор качает головой: "Это самоубийство!" Винтон глядит вперед: там голова командира - это Краули.

- Ура! Ура! Марк! - он совсем вылезает наружу.

Тейлор обвязал вокруг груд" Винтона якорный трос, прикрепив его к парашютному поясу. Винтон ползет на животе с раскинутыми руками, головой вперед. Тейлор хочет удержать его за ноги, но он вырывается. Ветер порывом сносит его до откоса стабилизатора. Он так сильно ударяется головой, что на секунду закрывает от боли глаза и стискивает зубы. Цепляясь йогами за откос, Винтон продвигается еще немного вперед - к хвосту самолета. Теперь он останавливается. Тейлор натягивает и закрепляет трос.

- Повреждение - здесь.

Винтон вынимает ножницы и режет, напрягая все силы. Работа подвигается. Хорошо, что не повреждены нижние шпангоуты. Металлическая полоса вдавилась в регуляторы рулевых заслонок. Он отрезает ее и отбивает молотком. Молоток летит в пропасть.

Удача! Удача! Заслонка уже движется. Это уже заметил Вильямс за рулевым управлением. Все остальное не тронут, если не считать нескольких отверстий в кожехе.

Теперь обратно, на этот раз против ветра при скорости в 200 км. Винтон вдруг мысленно видит себя, ничтожного, маленького, на хвосте гиганта-самолета, на высоте 7000 м в открытом воздушном океане между небом и землей.

Вокруг него трескотня и грохот. Ничего не поделаешь - он должен, должен! Тейлор

тянет изо всех сил за трос. Винтон судорожно цепляется руками и ногами за фюзеляж. Только бы не свалиться. Он ищет опоры. Наконец окровавленные, одеревеневшие от холода руки хватаются за край люка. Тейлор втаскивает его за голову и плечи. Головой вперед он скользит в люк на пол. Затем ползет вперед мимо задней пулеметной установки.

Элькс смотрит на него с восхищением. Хромая, Винтон делает несколько шагов до кабины командира. Он громко кричит в ухо капитану донесение о повреждении. Марк крепко жмет ему руку.

Автоматическая пушка Дисмора непрерывно гремит. С другой стороны приближается Девуатин.

Винтон спускается из боевой рубки. Вдруг раздается оглушительный взрыв. Порыв воздуха валит Винтона с ног. "Попадание!" Он с трудом поднимается, его тело как бы налито свинцом, он ползет обратно вверх. Сверху каплет кровь Краули лежит на полу. Около него на корточках сидит Дисмор с глазами, полными смертельного страха.

Граната пробила и оторвала обшивку кабины командира. Автоматическая пушка выбита из поворотного штыря. Кожух орудия лопнул. Винтон трясет Дисмора за плечи:

- Долби бесполезный балласт!

Они вынимают болты и сбрасывают автоматическую пушку в бездну. Пулемет не поврежден. Винтон приводит его в действие и выпускает очередь в ближайшего француза, находящегося не далее, чем в 500 м.

Как приятен этот железный дробный стук! Винтон стоит, расставив ноги, чтобы не наступить на бедного Краули. Дисмор уже овладел собою и, приняв от Винтона рукоятку пулемета, безостановочно стреляет...

Краули необходимо спустить вниз в проход: здесь наверху он мешает. Винтон подает знак радисту через люк. Тот берет Краули за ноги. Винтон держит за плечи, и так они осторожно спускают Краули по ступенькам лестницы. Смит срывает с капитана верхнее платье и мундир - осколок разрезал грудь на длину, пальца, рубашка пропиталась кровью. Смит достает санитарный ящик и накладывает на зияющую рану марлевую повязку.

Тем временем к ним незаметно подкрался французский одноместный истребитель, очутившийся под широким фюзеляжем и под крыльями Г-46. Но 3-й механик Вадэ сидит в "ласточкинском гнезде" и осыпает пулеметными пулями все нижнее мертвое пространство. Истребитель идет круто вверх, чтобы открыть огонь, но его уже обстреливает пулемет Вадэ. Француз становится вертикально, переворачивается, падает...

Винтон принял на себя командование самолетом. Клеменс непрерывно стреляет из передней автоматической пушки. Винтон поворачивается к задней пулеметной установке. Вдруг голова Тейлора внезапно склоняется, и его пулемет застывает в вертикальном положении. Сообщение по переговорной трубке: "Тейлор ранен в голову". Позади, еще стреляет из второго пулемета механик Элькс.

Смит должен немедленно занять место у опустевшего пулемета! Французские истребители вновь осмелели.

Винтон видит, как приближаются новые отряды Девуатинов по восьми самолетов каждый, и открывает огонь из всех орудий. Клеменс доносит через переговорную трубку, что у него осталось только 80 гранат для автоматической пушки. Винтон приказывает Дисмору перенести вперед все гранаты, выброшенной за борт средней пушки, их около 190 штук, а сам продолжает стрелять из пулемета.

Он осматривает отряд и с ужасом видит: Г-48 исчез, Г-50 далеко отстал, дистанция между ними продолжает увеличиваться. Г-42 отряда А внезапно опрокидывается на сторону: в его фюзеляж прямо попал снаряд, правое крыло отламывается, и самолет падает в бездну. Бедные товарищи! Веселый долговязый Дансон - командир Г-42! Несколько светлых парашютов раскрываются далеко внизу... Мимо, мимо!..

Французские истребители, чуя подбитую крупную дичь, пикируют над Г-50, который теряет высоту. Они берут его под пулеметный обстрел. Но брешь в отряде заполняется снова. Г-49 теперь прикрывает тыл. Совсем как во время маневров!

Внезапно над головой Винтона появляются 3 английских самолета Г, быстро летящих в обратном направлении. Вот они поворачиваются резким виражем. Винтон ликует: "Это Бреклей!" - Он узнал флагманский самолет начальника. Это придает всем новую бодрость. Теперь они не одни!

- Ребята, Брек здесь, среди нас! Ура! Ура!

Три самолета Г берут под обстрел автомагических пушек ближайший отряд Девуатинов. После первой очереди загораются сразу два французских самолета. Бедняги, у них в качестве горючего бензин вместо невоспламеняющегося тяжелого масла, которым снабжены английские самолеты Г! Напуганные Девуатины уклоняются вправо. Внезапный натиск Бреклея совершен во-время: он облегчил тяжелое положение сильно теснимой 3-й эскадрильи. Жаль, что Краули не мог этого видеть. Еще свежая 12-я эскадрилья идет в хвосте 3-й, прикрывая тыл.

Но приходит новое тревожное известие: Вадэ сообщает, что второй мотор правого борта работает с перебоями. Почему? Попадание или перегрев? Это означает, что общая мощность мотора уменьшается на четверть. Правда, самолет может лететь дальше, но остальные три мотора должны работать с максимальным напряжением. Только бы не сесть во Францию и не попасть в плен. Лучше спуститься в Ламанше и наглотаться морской воды! Надо прежде всего разгрузить самолет, выпустить горючее, ведь испорченный мотор больше в нем не нуждается. Вадэ, открывает краны 6-го, 7-го и 8-го баков. Густыми потоками стекает нефть. Баки опустели.

Винтон смотрит вниз и смеется: тягучая жидкость попадает прямо на летящий ниже самолет 5-й эскадрильи. Как их будет ругать капитан внизу за загрязнение его корабля!

Элькс доносит, что с парашютом сброшен также труп Тейлора. У Винтона по коже пробегает мороз.

- Но был ли он действительно мертв?

- Да, сквозная рана. Пуля вышла у затылка.

Винтон должен признать, что Элькс прав: на 70 килограмм меньше балласта. Теперь следует экономить на каждом килограмме. А что с Марком? Неужели и его придется сбросить? Он содрогается...

Бой продолжается. Клеменс стреляет с небольшими паузами. Французы отошли теперь на 20 гектометров. Но что это такое? Новые французские эскадрильи - большие корабли появляются на востоке в тылу эскадрильи Девуатинов. Еще этого не доставало! Неужто на нас брошен весь французский воздушный флот? Дальномер разбит в куски. Винтон не может опознать невооруженным глазом типы самолетов. Его ослепляет солнце. Но, возможно ли, это ведь не французы! Это английские самолеты Г под командой Бреклея. Они уже стреляют по четырехместным Девуатином. А с левого борта серая полоса... Море!..

ХIII.

Последние четверть часа были тяжелым испытанием для генерала Бреклея. Наконец в 7 часов он получил по радио донесение от Купера: 1-я и 2-я эскадрильи, сбросив бомбы у Мобежа, очутились лицом к лицу с 80 самолетами 4-го полка истребителей. После ожесточенного боя они отошли к Гекту. Противник внезапно оставил их и быстро исчез в направлении на юго-запад. Купер! взял также курс на юго-запад.

Бреклей радиоприказом направил эскадрильи Купера к Абевилю. Но окажется ли правильным его расчет? Встретит ли Купер в воздушном пространстве главные силы?

При тех скоростях, с которыми двигались самолеты обоих противников, важна была каждая минута. Минута полета равна 4 км. Если Купер придет слишком поздно, он попадет прямо к французам. Английские одиночки самолеты-разведчики - работали прекрасно. Они установили связь с Купером и каждый раз сообщали ему о местонахождении главных английских сил.

Когда обе эскадрильи Купера приблизились на расстояние в 20 км, командующий флотом отдал приказ: "Атаковать противника с востока и сверху и окружить его".

Французская ближняя разведка работала очень слабо. Несколько выстрелов зенитной

артиллерии, которыми французские моторизованные батареи хотели обратить внимание своих на нового противника, остались незамеченными. Французские отряды были настолько поглощены боем, что заметили обходное движение противника только тогда, когда между ними появились коричнево-красные облака разрывов.

Французы, имевшие все время при стрельбе преимущество, - солнце было у них за спиной - утратили его с поворотом на юго-восток. Они стреляют против солнца. Через несколько минут три самолета Бреге, на которые обрушилась первая атака, идут камнем вниз - попадание целым снарядом. Остальные уклоняются от боя и, планируя, выходят из строя.

Смятение у французов становится очевидным. Теперь заметно, что у французов отсутствует единое командование воздушным флотом. Вместе еще держатся только отдельные отряды. Но командиры этих отрядов не знают, как и против какого противника им следует действовать. А линия обстрела с обеих сторон все ближе и ближе... Целый отряд Девуатинов - десять самолетов - сбит огнем в течение двух минут. По приказу начальника воздушного флота 9-я, 10-я и 11-я эскадрильи левой колонны перешли к Куперу и стали в голове его группы.

Бреклей быстрым взором окидывает с борта флагманского самолета создавшееся положение. До сих пор его задачей было пробить - себе обратный путь в Англию. Эта задача разрешена - впереди блестит широкая водная поверхность Ламанша. Удовлетвориться ли ему этим результатом и вести воздушный флот на аэродромы родины, чтобы донести правительству об успешной бомбовой атаке Парижа? Всякий на его месте поступил бы именно так.

Но не таков Брекле. Теперь наступил момент, когда можно навсегда сломить силы французского воздушного флота. Теперь или никогда! Если выпустить французов из клещей, в которые они попали, они быстро оправятся на аэродромах, наберутся свежих сил, и еще сегодня вечером их эскадрильи будут летать над Лондоном. Тогда снова придется завоевывать господства в воздухе.

В 7 час. 21 мин. звучит радиоприказ Бреклея:

- Внимание! Приготовиться к атаке! Поворот кругом обратно, курс 155! Направление по 12-й эскадрилье!

Вслед за приказом, через минуту следует сигнал исполнения. Английский воздушный флот до последнего самолета, совершил поворот креном с наименьшим виражем.

Все почувствовали величие момента и гениальность командования Бреклея.

Захватывающее зрелище!

Одна из самых трудных эволюции сомкнутой воздушной части, возможная только при исключительной выучке экипажей, достойная сравнения только с круговым поворотом немецкого флота в Ютландском бою. Французы ошеломлены. Они так поражены, что даже не использовали благоприятного момента поворота для усиления огня.

До этого момента англичане отступали. Теперь они перешли в наступление. Благодаря такому внезапному перестроению английского флота противник окружен с двух сторон: с востока - колонна Купера - 1-я и 2-я эскадрильи, усиленные 9-й, 10-й и 11-й эскадрильями, менее всего пострадавшими в бою, с запада все остальные семь эскадрилий с 12-й во главе.

Французы теряют всякую устойчивость. Отряды приходят в расстройство. Самолеты сталкиваются и, кружась, падают вниз. Некоторые ищут спасения в безрассудном бегстве. Сильно потрепанный 3-й полк истребителей напрасно идет в атаку, стремясь прикрыть отход товарищей. Французский воздушный флот превращается в беспорядочную кучу самолетов без единого командования.

К концу боя с юго-востока внезапно появляются десять отрядов самолетов Блерио, растянувшихся на большом протяжении. Это - 11-й полк дневных бомбардировщиков, идущий в походном порядке с места своей стоянки в Метце к аэродромам Брюсселя. Сначала 11-й полк был радиоприказом направлен против эскадрилий Купера, а затем повернут на Амьен.

Спокойно, не понимая создавшейся обстановки, сто дневных бомбардировщиков, вооруженных только пулеметами, плавно направляются прямо в пасть британского льва. Не дав им опомниться, английские эскадрильи открывают по ним на расстоянии 1000 м. концентрированный огонь из автоматических пушек. В течение нескольких минут французы теряют четвертую часть своего состава. Остальные самолеты идут поспешно на посадку...

Бреклея знает, что преследование вглубь бесполезно: неприятельские самолеты смогут уклониться от боя, а английские самолеты Г подвергнутся ненужной опасности. Некоторые его отряды успели опуститься до 5000 метров, и уже начали показываться облака от разрывов амьенских зенитных батарей. Несколько самолетов-разведчиков быстро спускаются еще ниже и выпускают густое облако газов, чтобы дымовой завесой закрыть самолеты Г. С 1918 г. противовоздушная артиллерия достигла большого совершенства, и с помощью своих автоматических прицельных приборов добилась поражения на 5000 метров.

В 7 час. 32 мин. генерал Бреклея приказывает: "Сбор! Курс 335". Контратака продолжалась всего семь минут! Неприятель понес тяжелые потери, но все же большинство его самолетов спаслось бегством на свою территорию.

Тактическое и моральное превосходство английского воздушного флота было теперь доказано. Отныне в это превосходство поверили все, начиная от начальника воздушного флота до самого юного механика.

Из строевых частей, составляющих в целом французскую авиационную группу главного резерва и предназначенных для ведения самостоятельной воздушной войны, участвовали в бою все полки вплоть до 2-го полка истребителей (Страсбург) и двух полков ночных бомбовозов. 1-й полк истребителей был еще раньше разбит под Парижем. В воздушном бою у Бове участвовали 3-й и 4-й полки истребителей (всего 200 боевых единиц) и 11-й и 12-й полки дневных бомбардировщиков (всего 200 боевых единиц). Силы французов в два раза превосходили силы атакующего английского воздушного флота. Правда, равными английским самолетам по качеству и даже превосходящими их по летным свойствам оказались лишь 100 самолетов Бреге-61 и 80 боевых четырехместных самолетов Девуатин, тоже вооруженных автоматическими пушками. Кроме того французы вели бой над своей территорией, не были связаны никакими курсами, были свободны в своих передвижениях и до последнего момента занимали благоприятное положение по отношению к солнцу. В воздушном бою над Бове победила выучка мирного времени, организованная Бреклеем, без которой невозможны были его тактические действия как полководца.

Когда эскадрильи взяли курс на мыс Дунгенес, когда под ними закипели мутные воды Ламанша, на борту Г-46 после треска и грохота битвы наступила жуткая тишина. Слышно было только обычное гуденье моторов.

Клеменс показывается из переднего боевого отделения. Его лицо вымазано маслом и покрыто пороховым нагаром. Он жадно пьет из термоса. Для передней автоматической пушки осталось 44 снаряда. Клеменс еще не знает обо всем случившемся, - о смерти Тейлора, о защемленном руле глубины, о разбитой снарядами башне. Он только видит лежащего в нижнем проходе раненого Краули. Клеменс берет командование на себя. Дисмор идет к передней автоматической пушке. Осколок снаряда глубоко расцарапал ему лоб и щеку, но глаза не повреждены. Винтон делает ему перевязку. Элькс наблюдает с задней пулеметной установки. Вадэ лезет через проход в крыле ко второму мотору правого борта и берется за его починку. Через четверть часа мотор начинает работать. У него был пробит маслопровод.

Наконец Винтон, может спуститься к Краули. Лицо пожелтело, щеки впали, но он жив. Винтон наклоняется над ним, гладит холодную влажную руку друга.

- Бедный, милый Марк.

Краули поднимает веки и бросает на Винтона вопросительный взгляд. Винтон немедленно его понимает.

- Победа, победа, все хорошо! Через полчаса будем в Англии, дома.

Голубые глаза Краули засветились. Его бледные губы движутся, но говорить он не в

состоянии. Краули ловит ртом воздух и сдержанно стонет, его тело дрожит в лихорадке. Винтон приносит еще одно одеяло и, как ребенка, осторожно заворачивает друга. Если бы он только мог ему помочь! Краули должен остаться жив. Но Винтон не может больше оставаться с другом, он обязан сменить Вильямса. Марк словно угадал его мысли. Он открывает глаза и слабо пожимает Виингону руку в знак прощания, может быть, навсегда. У Винтона на глазах слезы, он поспешно уходит в кабину летчика и садится рядом с сержантом Вильямсом к рулю. Вильямс дружески ему кивает с выражением участия на открытом лице.

Вот уже виден мыс Дунгенес. Да здравствует Англия!

Они скользят на тысячу метров вниз.

Воздушный флот не возвращается на старые аэродромы, где он был расположен в мирное время. 3-я эскадрилья сворачивает у Тунбридж Уэльс на запад. Через полчаса самолет командира эскадрильи Мориса идет к юго-западу от Мальборо вниз, за ним следует отряд А. Они производят посадку. Всего четыре самолета, двух нехватает - Г-48 и Г-50. Моторы замолкают. С земли поднимается теплый, пряный аромат сена и тмина. Мы на земле, мы снова принадлежим жизни!

На расстоянии 6 метров от земли Винтон осторожно выравнивает самолет.

Только бы не было резких отклонений руля. Марк не должен почувствовать ни малейшего толчка!

Огромные резиновые колеса коснулись земли, сжались пружины шасси, хвост опустился, скользит колесо костыля, машина катится по земле, замедляет ход. Винтон нажимает рычаги тормозов. Он направляет самолет с двумя работающими моторами по травяной поверхности к ангарам, среди деревьев. Навстречу спешит вспомогательная команда. К бортам приставляют лестницы. Клеменс подзывает санитарный автомобиль. Два санитаря осторожно приподнимают раненого Краули и кладут его на носилки. Винтон стоит на сиденьи летчика, и, высунувшись в окно, смотрит вниз. Его охватывает ужас.

- Только бы не смерть!

Подбегает врач, наклоняется над носилками, щупает пульс, прикладывает ухо к груди и качает головой. Винтон с рыданием припадает к рулю. Кто-то ласково проводит широкой ладонью по его волосам: это сержант Вильямс, который также не может сдержать слез.

XIV.

Из Мальборо до аэродрома 3-й эскадрильи на автомобиле можно доехать в 20 минут. Аэродром расположен недалеко от железной дороги в Бристоль. Население этой местности занимается преимущественно сельским хозяйством. Всюду разбросаны крестьянские дворы, замки с чудесными старыми парками, широкие луга, перелески.

Аэродром открыт с трех сторон, с четвертой к нему примыкает лес, который тянется до железной дороги. На опушке находятся три ангара, расположенные на далеком и неравном расстоянии один от другого и замаскированные зелеными и коричневыми полосами. От железной дороги отходит ветка, проложенная, как и проезжая дорога, между деревьями до ангаров.

Они слишком малы для огромных самолетов. Но эти металлические птицы могут стоять без риска и на открытом воздухе. Зато ангараы служат в качестве мастерских и складов. Все здесь предусмотрено: подземные баки с маслом, снабженные электрическими насосами и кранами; между земляными валами соединенные узкоколейкой погребя для снарядов и боевых припасов.

Собственная электростанция готова к действию и может заменить районную в том случае, если та будет выключена. Электрокары служат для перевозки тяжелых грузов. Мастерские со сложными станками для обработки деталей, слесарная для ремонта моторов, склад материалов, - все это находится в левом ангаре. Тут же рядом бетонированные убежища. Телефонная станция и радиостанция находятся немного в стороне, в особом бетонном помещении.

Такие военные аэродромы были устроены для всех эскадрилий британского военно-воздушного флота еще в мирное время, задолго до войны. Аэродромы мирного

времени, расположенные в окрестностях Лондона, теперь очищены. Они представляли бы слишком удобную цель для неприятельской атаки, так как расположены слишком близко один от другого и от Лондона и заранее известны противнику.

Теперь двенадцать эскадрилий воздушного флота расположились на участке площадью в 250 километров, на аэродромах, далеко разбросанных в глубине страны, в стороне от промышленных густо населенных центров. Посредством специальной сети кабелей и радиостанций аэродромы связаны с штаб-квартирой начальника военно-воздушных сил, находящейся близ Ридинга.

Воздушной разведке противника трудно обнаружить эти военные аэродромы. Расстояние до побережья Ламанша равно 100 километрам, и французским самолетам придется лететь над неприятельской территорией. В Кенте или Сэррее воздушный флот не имел бы ни минуты покоя. Ему мешали бы постоянные воздушные тревоги и стрельба зенитных орудий.

Спокойная обстановка имеет огромное значение для сбережения сил личного состава при выполнении боевых задач. Необходимо дать абсолютный покой усталым экипажам, необходима создать нормальные условия для ремонта моторов и самолетов. Кроме того аэродромы у побережья заняты отрядами войсковой авиации, которые должны работать в тесном сотрудничестве с сухопутной армией.

Комендант аэродрома - старый летчик майор Кларк, сам руководил устройством и оборудованием аэродрома. Он гордится образцовым порядком своих владений. Весь обслуживающий персонал состоит из членов клуба легких самолетов в Мальборо.

Мастера, механики и остальной административно-технический персонал эскадрильи через час после ее отлета были погружены в специальный поезд и должны прибыть сюда в 11 часов.

Клеменс берет Винтона под руку и ведет с собой. Это выводит Винтона из его оцепенения.

Посыпанная гравием дорожка тянется в тени леса к одноэтажным жилым баракам. Небольшие, но прохладные спальни с тремя-четырьмя кроватями и шкапами. Стены окрашены свежей и приятной для глаз краской. В конце барака помещения для ванной и душа. Аэроклуб Мальборо позаботился даже о купальных простынях, полотенцах и мыле: чемоданы с вещами придут только вместе с административным персоналом.

Как приятно снять одежду и стать под журчащие струи душа! Все плещутся, разбрызгивая воду и перебрасываются шутками. Один из наиболее предусмотрительных командиров взял даже в Париж бритву, теперь она обходит всех по очереди.

Сигнал на обед. В купальных халатах и пижамах весь отряд собирается на террасе.

Жизнь предьявляет свои права, уже забыты последние грозные часы боя. На открытой веранде накрыт завтрак. Все принимают за еду. Винтон как во сне. Он ест, почти стыдясь своего аппетита.

Разговор, конечно, вертится вокруг бомбовой атаки Парижа и воздушного боя. Молодые летчики по очереди спешат рассказать свои впечатления майору Кларку, который, как хозяин, переходит от стола к столу. Он доволен и весело улыбается. Только когда они слишком увлекаются, Кларк предостерегающе поднимает палец. Все бредят Бреклеем.

Некоторые привычные лица отсутствуют. Все знают, кто из товарищей погиб. Смех высокого Дансона не звучит больше за столом. Но обедающие избегают говорить о погибших. И когда во время оживленной беседы встречается имя вышедшего из строя, разговор на мгновение умолкает.

Чашка кофе - алкоголь строго воспрещен в воздушном флоте. Первая папироса после такого долгого перерыва! Как приятно ее выкурить на теплом летнем воздухе!

Вдруг встает командир эскадрильи майор Морис.

- Прошу вас. Мертвый час до 14 часов. Мертвый час - та же служба. Выспитесь хорошенько. Мы не знаем, когда снова понадобится генералу Бреклею.

Винтон вытягивается на свежей кровати. Он сразу чувствует страшную усталость этой

ночи и утра и засыпает крепким и глубоким сном юности.

Пока экипажи самолетов отдыхают, кипит работа в ангарах у самолетов. Технический персонал прибыл и приступил к проверке самолетов. Ни один самолет не остался неповрежденным. Пробоины от пулеметов, рубцы от осколков - это самые мелкие повреждения. Оки имеют значение только, как напоминание о происшедшем.

Главные техники каждого отряда через каждые полчаса доносят инженеру эскадрильи о состоянии самолетов. Инженер определяет, в какой очереди необходимо производить ремонт. Задача состоит в том, чтобы как можно скорее привести в боевую готовность большинство самолетов и подготовить их к полету. Запасные моторы прибыли со специальным поездом. Хорошо обученный персонал быстро производит замену.

Много времени требуется на исправление повреждений внутри самолетов, как например, в Г-46, где разбита снарядами башня и повреждена пушка. Слышен стук молотков, визг пилы, шипение сварочного аппарата. Каждая эскадрилья потратила при полете на Париж около 50 тонн горючего. Но уже бегут вагоны-цистерны из центра страны к аэродромам, чтобы пополнить нефтяные баки.

Разговор по телефону 3-й эскадрильи с инспекцией снабжения при начальнике воздушного флота:

- Потеряно 3 самолета, повреждено более 50 проц. Два самолета посланы на верфи. Готово к полету в 14 часов десять самолетов, до 18 часов двенадцать; до 10 июля 12 часов - тринадцать, до 13 июля - 12 часов четырнадцать.

Разговор по телефону 3-й эскадрильи с инспекцией запаса личного состава воздушного флота:

- Потери: пропали без вести три экипажа самолетов Г-42, Г-48 и Г-50. Убиты: командир отряда А; командир Г-46; два стрелка из автоматической пушки, 1 летчик, два механика. Ранены: тяжело один летчик и один радист, легко - командир Г-43, один офицер-артиллерист, один летчик, один наводчик автоматической пушки и три механика.

XV.

С объявлением военного положения вся административная власть в Париже перешла к губернатору, которому были теперь подчинены префект Сены, префект полиции и городские гражданские власти.

Еще в полночь с 8 на 9 июля генерал Лефебр прибыл со своим штабом в форт Монт Валериен, где в бетонных казематах сходились линии телефонного кабеля. Но первые же разрывы бомб разрушили подземную проводку кабеля, поэтому губернатор мог составить себе приблизительную картину катастрофы только к 10 часам, т. е. через 3 1/2 часа после нападения англичан. Сведения были ему доставлены на автомобилях и мотоциклетах.

С угрожающей ясностью обнаружилось, что в основе бомбовой атаки лежал систематический план. Этот план преследовал цель разрушить мощный экономический и политический центр, управляющий всей страной.

В центре столицы был совершенно разрушен весь квартал между ул. Риволи и бульварами, от Морского министерства ро Французского банка и Центрального рынка. На левом берегу Сены весь район от вокзала Кэ-д'Орсэ и военной школы да острова на Сене был объят огнем. Горели министерство иностранных дел, палата депутатов, префектура полиции, дворец юстиции.

Но еще ужаснее были донесения, полученные с окраин города. Сортировочные станции с их густо разветвленными путями и железнодорожными мастерскими у Порт-де-Клиши и Порт-де-ля-Шапель Сен-Дени были совершенно разрушены. Линии Северной, Восточной и Государственной железных дорог, сходящиеся с севера и востока у Парижа, были разрушены в узловых пунктах.

Пассажирские вокзалы Сен-Лазар и Северный мало пострадали. Но зато на юго-востоке, на обоих берегах Сены, у Берси, где сходятся железнодорожные линии из Лиона и Орлеана, разрушения были огромны: снаряд попал прямо в железнодорожный мост Пон-Насидааль. Мост повис над рекой. Склады на Кэ-де-Берси горели. К несчастью,

неподалеку от них находились два газовых завода и электростанция, снабжавшие юго-восточные районы города. Товарная станция западной дороги у Монпарнасса тоже на много дней выбыла из строя.

Генерал Лефевр понимал весь ужасный смысл этих разрушений вокруг Парижа. Без нормального снабжения продовольствием, без электрического света и энергии, без воды и газа, без средств сообщения, без телефона Париж превращался в хаотическую громадную человеческую массу, в каменную пустыню. Противоречащее природе скопление людей в большом городе вообще возможно лишь благодаря современным средствам сообщения и современной технике снабжения.

В обстановке нормальной жизни каждый, от директора банка до простой работницы, воспринимал как должное, что стоит лишь повернуть водопроводный кран, электрический выключатель или поднести спичку к газовой горелке, чтобы получить тут же воду, свет и огонь. И никто никогда не думал, что за этим обычным порядком скрывался сложный механизм водопроводных станций, газовых заводов, электростанций с разветвленной системой распределения.

Как без средств передвижения рабочие и служащие попадут на работу? Как без электрического тока и без снабжения углей будут работать заводы? Метрополитен, окружная дорога и трамваи были уничтожены, оставались только автобусные линии.

Сильно пострадали и промышленные предместья, особенно Сен-Дени и Пюто. В петле, которую образует Сена у Байанкура, раскинулись огромные заводы Рено. Водным путем, по Сене, сюда приходят из северной Франции вместе с углем стальные и железные полуфабрикаты. Тут их обрабатывают и превращают в готовые изделия. Отсюда выходят легковые и грузовые автомобили, авиационные моторы, тракторы, танки. Невдалеке расположены авиационные и моторные заводы Фармана.

Разрушения на заводах Рено и Фармана были так велики, что даже отдельные цехи могли рассчитывать на возобновление работ не раньше, чем через несколько недель. В таком же положении находились и другие военные заводы, расположенные в городской черте Парижа. Построенные с большими затратами бетонные убежища для рабочих оказались бесполезными. Работы все равно не могли возобновиться, потому что монтажные мастерские с их ценным оборудованием, литейные цехи и электростанции были погребены под пеплом и железными обломками.

Дальновидные французские политики неоднократно требовали перенесения военных заводов из района Парижа в провинцию, но это мероприятие откладывалось из года в год, так как связанные с ним расходы были слишком велики.

Теперь было поздно.

Самым неотложным делом генерал Лефевр считал эвакуацию населения из города. Всякое промедление грозило усилить хаос и анархию. Эвакуация должна протекать организованно.

Генерал Лефевр отдает приказ о реквизиции всех автобусов и грузовиков. Устанавливается круговой маршрут из города в окрестности по окружности в 20-30 километров. Через каждые полчаса транспорты отходят с Марсова поля, Итальянской площади, площади Республики.

Автобусы берутся с бою, люди висят на грузовиках, как кисти винограда. Полиция и военные отряды стараются установить в толпе порядок. Колонны автомобилей отправляются в сопровождении грузовиков с пулеметами, иначе обезумевшие толпы атакуют их по дороге. Возвращающиеся обратно колонны пустых грузовиков должны быть нагружены продуктами, оставшимися на уцелевших железнодорожных станциях в окрестностях города, чтобы снабдить Париж продовольствием. Индивидуальные запасы продовольствия быстро иссякают. Но как организовать распределение? Может быть перейти немедленно к системе продовольственных карточек?

После полудня из северного и восточного районов Парижа и из рабочих предместий получают первые тревожные сведения.

Там сооружены баррикады, коммунисты призывают к восстанию. Рабочие атаковали казарму 31-го пех. полка. Солдаты либо соблюдали нейтралитет, либо присоединились к восставшим. Офицеров избивали. Полицию и пожарных пришлось увести из этих беспокойных районов и сосредоточить в центре города.

В дымящихся кварталах банды грабителей расхищают из магазинов и складов продовольствие. С рынка исчезли все продукты, начинается торговля из-под полы по бешеным ценам.

Мобилизация в городской черте Парижа приостанавливается. Резервисты не могут лопасть в свои казармы из-за отсутствия средств передвижения. Некоторых удерживает от явки тревога за семью. Многих останавливают на улицах товарищи.

Погрузка и отправка расположенных в Париже регулярных воинских частей невозможна из-за разрушения железнодорожных путей и вокзалов. Многие из железнодорожников не являются на работу. Трудно сказать - умышленно или из-за невозможности приехать.

На мостах через Сену и на улицах, ведущих к центру города, устроены проволочные заграждения. Позади них блестят пулеметные стволы и жерла зенитных орудий на грузовиках.

Подавить восстание при помощи немногочисленного и ненадежного парижского гарнизона и полиции невозможно. В 2 часа дня генерал Лефебр обращается к военному министру с требованием немедленно перебросить из провинции три танковых полка, саперные и автомобильные части и несколько надежных пехотных полков. Лефебр требует, чтобы все эти силы были подчинены ему для восстановления порядка в Париже.

Правительство бежало на автомобилях в Тур. Ночью там состоялось заседание палаты и сената. На заседании присутствовала лишь одна треть депутатов. Коммунисты не явились на заседание - они остались в городе.

Премьер-министр при бурном волнении всех присутствующих оглашает короткую правительственную декларацию о вступлении Франции в войну. Палата распускается на неопределенное время. И президент и правительство в целом полагают, что спасти страну может только диктатура. Войну придется вести одновременно и на внутреннем и на внешнем фронтах. К счастью, население Франции преимущественно мелкобуржуазное, опасны только Париж, Лион, Гавр, Марсель и промышленные города Севера. Эти очаги коммунизма должны быть изолированы.

Премьер-министр Ренодель, военный министр генерал Дюваль и энергичный министр общественных работ Виолетт образуют могущественный триумвират с неограниченной властью. Остальные министры должны удовлетвориться второстепенной ролью.

В 12 часов у генерала Дюваля происходит бурное объяснение с начальником военно-воздушного флота генералом Шовеном. От имени правительства генерал Дюваль требует, чтобы французские летчики немедленно, еще в тот же день, совершили нападение на Лондон.

Шовен заявляет, что это невозможно. Полки дневных бомбардировщиков и 1-й, 3-й и 4-й полки истребителей понесли тяжелые потери в воздушном бою у Бове.

Генерал Дюваль настаивает. Он требует, чтобы ему доложили о количестве бомбардировщиков, готовых немедленно к старту. Он отдает приказ - атаковать Лондон в тот же день силами имеющихся в наличии 200 самолетов. После этого в ночь на 10 июля должно последовать второе нападение на Лондон силами ночных бомбардировщиков, до сих пор совсем не участвовавших в боях.

XVI.

Штаб-квартира, начальника английского воздушного флота находится к северо-западу от Лондона, между Ридингом и Виндзором, в прекрасном поместье. Расстояние от Уайтхолла измеряется часом езды на автомобиле, если ехать по большому автомобильному шоссе, закрытому теперь для обычного движения.

Холмистый парк с широкими просеками дышал покоем. Старые дубы расположены

живописными группами. На лужайках, поросших сочной травой, беззаботно паслись стада ланей, давно привыкших к беззвучно проносившимся мимо автомобилям.

К замку еще в мирное время был проведен подземный кабель. Со вчерашнего дня начали работать обе радиостанции. Штаб находился далеко от Лондона, и его местоположение почти невозможно было определить. Все это создавало уверенность, что радиосвязь не будет нарушена в результате атак неприятельских бомбардировщиков, пока противник не получит точных сведений о местонахождении штаба через свою агентурную сеть.

Генерал Бреклей приказывает своему адъютанту разбудить его только в час дня, если не будет какой-либо чрезвычайной срочности. Первые часы после посадки воздушный флот был занят в районах своего стратегического развертывания восстановлением боевой готовности самолетов.

Все было организовано заранее и работало с точностью часового механизма. Ответственность за это несли инспекция снабжения и коменданты аэропортов. Запросы и вмешательство начальника воздушных сил могли привести только к ненужному, вредному беспорядку.

Бреклею было крайне важно возможно скорее получить сведения о людских и материальных потерях флота, чтобы составить себе ясное представление о боевом составе эскадрилий в данный момент. Но он как действительно крупный начальник умел владеть собой и подавлять свое нетерпение. Через несколько часов он получит полную картину и сможет принять дальнейшие решения.

Свежий и отдохнувший, Бреклей вошел в светлую столовую с обстановкой из палисандрового дерева, превращенную теперь в оперативный штаб. Сквозь высокие, доходящие до полу окна была видна зеленеющая даль.

Первый офицер генерального штаба майор Гест немедленно положил перед ним донесения эскадрилий. Потери были довольно чувствительны, но по сравнению с боевым успехом они не велики.

Из 230 самолетов типа Г не вернулись 9: они или упали на французскую территорию и разбились или, вследствие поломок, имели вынужденную посадку и попали в плен. Кроме того погибли два разведывательных самолета. Значительная часть боевых машин получила повреждения; для их ремонта и возвращения в строй требовалось несколько дней.

Эти потери могли быть немедленно возмещены из материального резерва воздушного флота, насчитывающего 30 самолетов типа Г. Но, насколько правильно можно было судить в быстро сменяющейся обстановке воздушного боя, потери противника были гораздо значительнее. Больше всего пострадали французские воздушные полки, укомплектованные новейшими самолетами - Бреге 61 и четырехместными Девуатинами.

Генерал Бреклей внимательно слушал за чаем доклад офицера разведывательной службы капитана Кристи о полученных за последние часы донесениях от разведывательных самолетов. По их наблюдениям, французский 21-й полк ночных бомбардировщиков, типа Фарман-Голиаф направился в боевом порядке из Нанси в Брюссель и произвел посадку на брюссельском аэродроме. Новые воздушные части также были замечены на аэродроме у Мондидье. По предположениям, это был 22-й полк ночных бомбардировщиков, который в мирное время квартировал в Шартре. После воздушного боя у Бове 11-й полк дневных бомбардировщиков произвел посадку у Гента, а 12-й - у Камбре. 3-й полк истребителей находился, видимо, у Байеля, а 4-й - возвратился на свои Лилльские аэродромы, хотя бомбы Купера утром основательно их разрушили. На пустовавших ранее аэродромах у Поперэнг и Сен-Омер с 19 часов было отмечено оживленное движение. По фотосъемкам ясно видно, что аэродромы заняты одноместными истребителями типа Потез, входящими в состав 2-го полка истребителей в Страсбурге.

Таким образом создалась полная картина новой дислокации французского воздушного флота. Французы в течение нескольких прошедших часов стянули свои боевые машины от восточной границы к северу на фронте Брюссель - Амьен на расстоянии 250 км от Лондона...

На другом столе начальник метеорологической службы непрерывно наносил на карту данные метеорологических сводок: скопления облаков образовали к полудню плотный тучевой покров между Сеной и Соммой, высота нижней границы покрова от 1 500 до 2000 м, после полудня возможна грозовая погода. В этом районе разведывательным самолетам затруднено наблюдение. В северной Франции и в Бельгии облачность 0,2, легкие юго-западные ветры, тенденция к уменьшению облачного покрова.

Осмелятся ли французы напасть на Лондон еще в тот же день 9 июля силами своих сильно потрепанных дневных бомбардировщиков? Едва ли. Но с тем большей уверенностью можно ожидать с наступлением темноты налета на Англию из Брюсселя и Мондидье двухсот еще нетронутых бомбардировщиков.

Какие задачи в этой обстановке встают перед британским воздушным флотом? Французские бомбардировщики и истребители должны быть атакованы с воздуха и уничтожены сегодня же на своих аэродромах. Решение принято - весь британский воздушный флот будет двинут в наступление на аэропорты в районе Мондидье - Брюссель.

Майор Гест быстро рассылает в эскадрильи приказы о старте. Через несколько минут на аэродромах, разбросанных на протяжении 200 км, раздаются вой сигнальных сирен. Следующие один за другим приказы определяют нагрузку самолетов бомбами и боевыми припасами и назначают сбор эскадрилий в воздушном пространстве между Альдершотом и Кройденом, к юго-западу от Лондона, на высоте 5000 м.

В 15 час. 8 мин. на борту флагманского самолета Г-300 внезапно получается радио от разведчика А-136: "6 эскадрилий Блерио на высоте 5 700 м в районе Брюгге, курс 280".

Это донесение сразу изменяет все принятые решения. Французские эскадрильи летят на такой высоте, которая заставляет предположить, что здесь происходит не простая переброска с одного аэродрома на другой, а боевой налет на английскую территорию. Через 50 минут, т. е. в 16 часов, неприятель будет над Лондоном.

Донесения от разведывательных самолетов поступают одно за другим. Разведчики следуют по пятам за неприятельскими эскадрильями, как гончие за крупной дичью. Над Бетоном замечена еще одна неприятельская авиагруппа около 40 бомбардировщиков Бреге-61 и 6 эскадрилий истребителей.

Сомнений нет! Мощные силы французских бомбардировщиков и истребителей ведут концентрированное наступление на Англию. Правда, противник находится еще над французской территорией. Но если бы у англичан не было дальней воздушной разведки и они ждали бы, пока наблюдательные посты службы связи обнаружат противника, то было бы уже поздно принимать меры противодействия. Ведь от меловых скал Дувра и Фолькстона каких-нибудь 100 км, полчаса полета. Счастье для англичан, что их воздушный флот уже в сборе.

Французские эскадрильи летели над лугами и парками Кента. Сквозь просветы облаков видны темные черточки живых изгородей, роскошные замки в коврах зелени. Черные блестящие гудронированные дороги, лучеобразно идущие к невидимой цели, говорят о близости мировой столицы.

Со стороны правого борта сверкает широкое устье Темзы. Над Темзой в толще облаков глубокий просвет.

У заряженных орудий английской противовоздушной обороны, сжав в ярости зубы, стоит артиллерийский расчет. Тончайшие звукоулавливатели следят за парящим над облаками противником. Но лишь случайно удастся расстроить его ряды отдельными очередями в просветы между облаков. Стрелять по неприятельским самолетам бесцельно и кроме того небезопасно. Вокруг французов кружатся несколько отрядов истребителей английской ПВО. Они пытаются расстроить сомкнутые соединения противника. Из облаков глухо доносится треск пулеметов, стреляющих в воздухе.

Ветер дует с юго-запада. Поэтому над Темзой французы дугообразно меняют свой первоначальный курс и берут направление на север.

Не успели еще все французские самолеты повернуться против ветра, как английские

5-я, 6-я, 10-я и 11-я эскадрильи Г преграждают им путь с запада. Используя максимальную скорострельность своих пушек, они открывают огонь. Французы пытаются сначала сохранить прежний курс на Лондон, но быстро замечают, что упорство лишь ухудшает их положение в воздушном бою. А бой теперь решает все! Второй полк истребителей в составе 120 двухместных боевых машин типа Потез, сопровождающий бомбардировщиков, бросается на англичан. Среди истребителей еще живы традиции Фонка и Гюинмера{1}. Надо искупать ошибки, допущенные товарищами сегодня утром. Но драться необходимо еще и потому, что только с боем можно пробиться назад во Францию.

Командиры полков бомбардировщиков приказывают немедленно сбросить все бомбы, не целясь. Бомбы падают большей частью в слабо застроенные восточные и северные предместья - Вальтгамстоу и Стратфорд, в широкую низменность Ли. Идущий во главе авиационной группы 11-й полк сбрасывает 9 пятисоткилограммных бомб в доки Вестиндийской компании, семь бомб попадают в Гринвич; сейсмографы Гринвичской обсерватории слетают со своих подставок.

Впрочем бомбардировка важнейших пунктов Лондона была бы все равно предотвращена. Еще 20 минут назад густой слой искусственного тумана окутал весь центр города, туман настолько непроницаем, что на улицах прекратилось всякое движение. Но жители Лондона привыкли к естественным туманам и умеют ориентироваться в них. Население сохраняет поразительное самообладание, никаких криков, никакой толкотни и давки. На широких лицах полицейских, стоящих подобно скалам в море уличного движения, полное спокойствие и равнодушие.

Освободившись от бомб, французы круто меняют свой южный курс на юго-восточный и берут направление на Дувр - Кале. Четыре английских эскадрильи Г численно слабее французских. Французы получают снова полную свободу маневрирования. Подвижные и скоростные двухместные Потезы непрерывно атакуют англичан своими крупнокалиберными 13-мм пулеметами. Тяжеловесные и неповоротливые Блерио стреляют разрывными снарядами, главным образом, для того, чтобы сбросить мешающий балласт. Обе стороны несут потери. Но и в этом воздушном бою снова обнаруживается превосходство англичан. В то время как французские соединения все более и более приходят в расстройство, англичане сохраняют твердый боевой порядок и единство управления.

Начальник английского воздушного флота, находясь на борту флагманского самолета, наблюдает за изменчивыми фазами боя. По радиоприказу он направляет остальные эскадрильи, еще не присоединившиеся к основному ядру флота, в район Дунгенес - Дувр, чтобы они атаковали противника на его обратном пути во Францию. 3-й, 4-й, 7-й и 8-й английским эскадрильям удается вступить в бой с французами над Ашфордом. Они, правда, еще не достигли боевой высоты французов, но обстрел 37-мм гранатами снизу дает прекрасный эффект, потому что французы, будучи одновременно связаны боем с другими четырьмя английскими эскадрильями, ни в коем случае не должны терять высоты. Гранаты рвутся в самой гуще французских бомбовозов. Французам остается прибегнуть к единственной мере самозащиты - снизить и бросить на англичан более подвижные двухместные истребители. Но у истребителей уже ощущается недостаток боеприпасов.

Разгромленные французские эскадрильи с трудом сохраняют боевой порядок еще на протяжении 40 км над Ламаншем. На серую гладь воды падают два двухместных истребителя. Из Кале и Дюнкирхена вылетают свежие французские воздушные силы: это боеспособные остатки 4-го полка истребителей. Они бросаются в бой, образуя тыловую позицию. Ламанш остается позади. Французская территория достигнута. Теперь ничто больше не может удержать французов, и их обратный полет превращается в беспорядочное бегство в глубь страны. На высоте нескольких сот метров над землей, под облаками, французские самолеты стараются достигнуть ближайших аэродромов.

Преследование англичан в воздухе с помощью пушек и пулеметов прекращается, но оно продолжается посредством бомб.

Первый сокрушительный удар, нанесенный англичанами сегодня рано утром, был

направлен на политический и стратегический центр противника. Теперь надо было разгромить на земле побежденный в воздухе французский воздушный флот.

Подобно мифическому герою, черпавшему новые силы при соприкосновении с землей, разбитый воздушный флот может быстро восстановить свою мощь на базе. Ему нельзя давать ни одной минуты покоя, пока не разрушены ангары, склады горючего, боеприпасов, пока не исковеркана воронками вся ровная поверхность аэродромов. В уничтожении воздушных баз заключается лучшее средство для подавления всех дальнейших попыток французского флота напасть на английскую территорию.

Теперь нет уже необходимости вести английский воздушный флот в сомкнутом боевом строю: в воздухе можно встретить лишь одиноких неприятельских разведчиков или какую-нибудь слабенькую эскадрилью истребителей. Только теперь обнаружилось великое значение для англичан боев над Бове и над Лондоном: английский воздушный флот господствует над воздушными пространствами.

Английские эскадрильи широким фронтом атакуют неприятельские аэродромы между Мондидье и Брюсселем. Они спокойно приближаются к своим целям и бьют по ним без промаха. Некоторые французские самолеты, принимавшие участие в нападении на Лондон, стоят еще на поле перед ангарами. Вдруг в воздухе проносится зловещный свист, земля колеблется от взрывов. Французские летчики в бессильной ярости принуждены смотреть, как снаряды ломают их прекрасные машины, как с ангаров срывает крыши и высокие столбы пламени вырываются из складов, где хранятся бомбы. Они принуждены, как кроты, скрыться в сырую тьму бетонных убежищ, чтобы спасти себе жизнь. Некоторые пытаются подняться среди летящих комьев земли, другие стоят среди ураганного огня у ангаров, сжав губы, сложив руки на груди, с вызовом судьбе.

Напрасная жертва! Неистово стреляют зенитные батареи, но наблюдение за разрывами сильно затруднено облаками. Попадание в несущие поверхности и фюзеляж не причиняет английским самолетам никакого вреда, если только не затронута какая-либо жизненная часть машины. А прямое попадание может быть только случайным.

Этот час - между 17 и 18 часами 9 июля - был черным часом французской авиации. Она уже не оправилась от нанесенного ей удара.

XVII.

Вечером Бреклей вернулся в свой штаб около Виндзора. Вместе с последними донесениями ему были переданы также последние лондонские вечерние газеты, сообщавшие с большими подробностями о нападении французов на Лондон, но посвятившие всего лишь несколько строк боевым успехам английского воздушного флота.

Французскими бомбами было убито 83 человека и ранено 124. Но эти потери были незначительными по сравнению с потерями французов во время утреннего нападения англичан на Париж, о котором не удалось получить никаких сообщений. Такое изложение событий прессой могло вызвать совершенно неправильное представление о протекшем дне.

Генерал Бреклей немедленно просит премьера принять его и настаивает, чтобы предварительная цензура сводок о воздушном флоте была поручена его штабу.

Свой доклад, который он делал в присутствии военного министра и первого лорда адмиралтейства, Бреклей заканчивает словами: "Английский воздушный флот одержал победу, - значит одержала победу Англия".

На это премьер со скептической усмешкой возражает, что наступил лишь вечер первого дня мобилизации, и ни флот, ни сухопутная армия не сделали еще ни одного выстрела.

- Хорошо, если вы окажетесь правы, Бреклей!

XVIII.

В ночь с 9 на 10 июля начальник английского воздушного флота бросил в атаку на Париж только одну 5-ю эскадрилью. Неприятельской столице нельзя было дать опомниться. По одиночке, с промежутками в 10 минут, 19 самолетов Г вылетели на Париж. Полеты туда и обратно должны были совершаться по разному маршруту во избежание столкновений, возможных темной ночью. Рассчитывать на длительный воздушный бой было нельзя и

потому за счет сокращения снарядов для орудий увеличили нагрузку бомбами. Ночью между 23 час. 12 мин. и 2 час. 22 мин. на пострадавший уже город было сброшено еще 34 т разрывных бомб, 10 т газовых бомб и 1280 зажигательных снарядов, весом по 25 кг каждый. Вопреки предположениям, которые высказывались в мирное время, при этой английской атаке Парижа газовые бомбы были применены в незначительном количестве. Действие разрывных и особенно зажигательных бомб правильно считалось английским командованием более сильным, чем отравление газами.

Газовые бомбы были сброшены главным образом с целью вызвать среди населения ужас перед газами и заставить его надеть противогазы. На этот раз их пришлось сбросить "на авось", так как над всем центром города стоял слой белого искусственного тумана. Эта завеса была организована с фортов Мон-Валериен и Венсен.

Чтобы не быть опознанными в свете неприятельских прожекторов, самолеты сбросили световые бомбы, парашюты которых развернулись на различной высоте, регулируемые часовыми механизмами. Одновременно с раскрытием парашютов зажглось также светящееся вещество в бомбах. Яркий свет горящих бомб на две с половиной минуты ослепил наблюдателей на земле. Потом темнота показалась еще гуще. Сверху световые бомбы были закрыты экранами и потому свет не падал на самолеты, находившиеся над ними. Между ними дрожали красно-желтые точки разрывов батарей ПВО.

Этот грандиозный фейерверк в темном ночном небе был потрясающим зрелищем для постороннего наблюдателя, но несчастные парижане, снова переживавшие в течение трех мучительно долгих часов воздушную бомбардировку, чувствовали при этом себя отвратительно. Утренняя бомбардировка разрушила электрическую проводку, и полнейшая темнота, в которую был погружен город, еще более увеличивала ужас этой мрачной ночи. Люди сидели в тупой апатии в подвалах и ямах, лишённые всякой воли, с одной мыслью, сверлящей усталый мозг: "Неужели попадет? Неужели конец? Вблизи разорвался снаряд!"...

В эту ночь был нарушен всякий порядок. В жажде самосохранения человек восстал на человека. Пробудились дикие первобытные инстинкты, уничтожавшие внешний покров цивилизации.

Сверху со свистом летели бомбы невидимого врага, а внизу разгорались кровавые уличные бои. Над бульварами рвались гранаты, на броневиках трещали пулеметы. Генерал Лефебр сам руководил очисткой улиц от восставших, но был убит 10 июля в 3 часа утра в уличном бою недалеко от Северного вокзала. Подозревали, что его настигла пуля одного из его же солдат.

Реяли красные знамена. Москва призывала со своих мощных радиостанций французский пролетариат к войне против буржуазии и капитализма.

В 8 час. утра генерал Дюваль прибыл в форт Мон-Валериен. Он приказал прекратить дальнейшие атаки восставших районов города и распорядился блокировать Париж снаружи, отрезав его от внешнего мира. "Пусть они там подохнут в Париже!"

Под развалинами здания Французского банка в крепости из стали и бетона на глубине 30 м под землей покоился огромный золотой запас Франции. Британские бомбы не причинили этим казематам никакого вреда. Но нельзя было более доверять охране - банковским служащим и полиции. Офицеры уносят желтые слитки и прячут их в танки, которыми управляют исключительно они сами, чтобы увезти золото из этого хаоса в Тур, где находится правительство.

XIX.

10 июля, на второй день войны, английский воздушный флот совершил новые бомбовые атаки на Париж, Брюссель, Антверпен, Монс, Шарлеруа, Лилль с целью терроризовать население и разрушить промышленность. Исходя из приготовлений, производившихся французами в мирное время, британское военное командование считало возможным французский десант в Кенте. Англичане предполагали, что через самое узкое место Ламанша будут переброшены дивизии столь безобидно называемой "армии прикрытия", бывшей в действительности боевой ударной армией. Эти войска вполне

боеспособны; имея численный состав военного времени, они не требуют пополнения призывниками-резервистами. 2-недельную мобилизацию можно было еще себе позволить в 1914 году, но с тех пор в военном деле были взяты совершенно другие темпы. Это случилось в значительной степени благодаря техническому росту авиации, развивающей скорость в 300 км в час. Там, где раньше можно было считать днями, теперь приходилось иметь дело с часами. Благодаря моторизации крупных соединений, благодаря дивизиям танков, артиллерии на автомобилях и пехоте на грузовиках, удесятерились маневренные свойства армии. Мобилизованная миллионная массовая армия отошла в область истории, вместо нее появилась малочисленная механизированная профессиональная армия.

Как ни чудовищна и невероятна была для каждого англичанина мысль о неприятельском десанте на святой территории Англии, британский генеральный штаб должен был считаться с возможностью вторжения этой французской "армии прикрытия" в первые же дни войны. То, что не удалось Наполеону в 1805 году и немцам в 1914, должно было осуществиться теперь.

Для современной техники 40 км морского пролива становились все меньшим и меньшим препятствием. Английский генеральный штаб сознавал, что непрерывное сокращение регулярной армии, производившееся в последние годы правительством, должно было сильно привлечь взоры французов к территории Англии. Тем более, что Франция была самой сильной сухопутной державой в Европе и корни ее стратегии и тактики лежали в наполеоновских традициях.

События, случившиеся на второй день войны, усилили эти опасения английского военного командования. С самого утра в портах мыса Дунгенес до Норт-Форланд разрывались гранаты французских дальнобойных батарей, бивших по набережным, ангарам и складам. Кроме того 10 июля с раннего утра над Ламаншем была обнаружена усиливающаяся с часу на час деятельность частей французской войсковой авиации. Английским истребителям и самолетам обслуживания с трудом удавалось держаться над Ламаншем. Над районом от Кентербери до Гастингса с самолетов-одиночек было сброшено значительное количество бомб.

После полудня превосходство в этом воздушном пространстве временами переходило к французам. Командующий береговым! участком настоятельно требовал помощи у начальника английского воздушного флота. Две эскадрильи Г, только что возвратившиеся после бомбардировки Лилля, были вынуждены предпринять короткий налет, чтобы очистить район от неприятеля. Однако надолго это не могло помочь, тем более, что погода затрудняла действия эскадрилий Г на небольших высотах. Облачность увеличивалась, и над Ламаншем полосой шел дождь.

Плохо было и то, что положение на море, в территориальных водах тоже сложилось не в пользу Англии. 3-я эскадра линейных кораблей Атлантического флота, находившаяся в защищенных водах около Портсмута, утром 10 июля была спешно переброшена в Ирландское море ввиду опасности быть запертой позади острова Уайта минными полями или, по меньшей мере, парализованной в свободе передвижений.

Действительно, еще в ночь с 9 на 10 июля французским минным заградителям и подводным лодкам удалось выпустить значительное число мин к востоку и западу от острова Уайта, в устье Темзы и у входа в Ламанш между Дувром и Кале. Французские минные поля охраняли многочисленные подводные лодки и самолеты-торпедоносцы. 10 июля во время работ по вылавливанию мин погибли 2 английских эскадренных миноносца и 3 тральщика. В полдень маленький английский крейсер "Конкорд" был настигнут на расстоянии 14 морских миль южнее Вентнора французским самолетом-торпедоносцем и в 5 минут пошел ко дну. Вечером 10 июля французские легкие морские силы преобладали в Ламанше до четвертого градуса западной долготы, опираясь на широкую базу своих портов от Дюнкирхена до Бреста.

На заседании военного комитета, состоявшемся 10 июля в 23 часа, командующий армией обороны метрополии фельдмаршал сэра Роберт Редмонд заявил, что в настоящее

время он не может гарантировать, что ему удастся не допустить, десанта неприятельских войск. Пяти английских регулярных дивизий, расположенных на участке фронта длиной около 500 км, для этого мало. Положение можно будет считать упрочившимся только на 5-й день войны, когда будут уже мобилизованы и планомерно включены в линию обороны шесть дивизий резервной армии. Тогда он снимет с фронта регулярные дивизии и использует их в качестве маневренных резервов для контратак против высадившегося противника. Поэтому он настоятельно просит морской и воздушный флот вести в ближайшие три критических дня свои операции, имея в виду помощь сухопутной армии.

Начальник морского генерального штаба адмирал Миллс сообщил на заседании об успешном наступлении Средиземноморского флота в западном бассейне Средиземного моря. Флот, по его словам, находился в настоящий момент у Балеарских островов и, занимая такую фланговую позицию, мог прервать всякое сообщение между Францией и французской Северной Африкой. Итальянский флот за исключением адриатической эскадры, находящейся между Таранто и Сазено, сосредоточился сегодня к полудню у Маддалены. Он ждет объявления войны Франции со стороны Италии, чтобы оказать помощь английскому флоту.

Морское командование проектирует концентрированное наступление против французской эскадры, расположенной у Тулона, с целью принудить ее к бою и уничтожить. Пока эта цель не будет достигнута, не может быть и речи о переброске Средиземноморского флота в другие воды. Ибо принимая во внимание, что адриатическая эскадра должна быть брошена против Югославии, итальянские морские силы окажутся слишком слабы и не смогут самостоятельно добиться господства в западном бассейне Средиземного моря. Между тем необходимо обеспечить морское господство, чтобы не допустить транспорта французской колониальной армии из Бизерты и Алжира в Марсель и Тулон.

Как известно, подобное сотрудничество между британским, и итальянским флотом в Средиземном море составляет содержание тайного договора, заключенного английским и итальянским правительствами во время лондонской конференции по: разоружению на море, состоявшейся в 1930 г. Адмирал Миллс позволяет себе напомнить комитету об этом соглашении.

Что же касается положения в территориальных водах, то, по мнению адмирала, хотя деятельность французских морских сил там и опасна, но с ней придется мириться. Перенесение базы атлантического флота из Портсмута в Ирландское море было вызвано необходимостью ввиду угрозы со стороны подводных лодок в Ламанше. Но он согласен отдать 11 июля распоряжение о продвижении атлантического флота до пятого градуса западной долготы для поддержки английских легких морских сил в их действиях против французских 10000-тонных крейсеров. Дальнейшее продвижение в Ламанш к востоку от этой линии он считает слишком опасным ввиду угрозы со стороны подводных лодок.

Военный министр фельдмаршал Редмонт и адмирал Миллс подчеркнули, что районом стратегического развертывания для возможного неприятельского десанта может быть лишь французское побережье Ламанша между Остенде и Абевилем. 11 июля для операций против этого района, по их, мнению, должен быть введен в действие британский воздушный флот. Десантная операция из Шербурга против острова Уайта невозможна по техническим причинам ввиду значительной ширины Ламанша в этом месте.

Порты на французском побережье - Дюнкирхен, Кале, Булонь, Этабль, Абевиль - должны быть совершенно разрушены атаками бомбовозов и приведены в негодность для погрузки десантных войск на суда и выхода транспортных пароходов.

Возвратись после заседания комитета в свой штаб, генерал Бреклей отдал приказ пяти эскадрильям произвести 11 июля бомбардировку указанных портов. Атака бомбовозов должна была начаться с рассветом в 5 час. 30 мин. утра. Другие четыре эскадрильи должны были направиться через Абевиль на Париж в Тур, где теперь находилось правительство. 1-я, 2-я и 3-я эскадрильи на случай каких-либо неожиданностей должны были находиться в полной боевой готовности в своих районах стратегического развертывания.

XX.

Пустынна и безмолвна ночью дорога, ведущая из маленького городка Дорчестера на северо-запад. По дороге одиноко скользит автомобиль. Арендатор Теннисон едет домой. Голова его отяжелела от забот и выпитого виски. После обеда он проводил своего сына Фреда, призванного на военную службу. Потом засиделся в кабачке "Золотая стрела", где велись оживленные разговоры о политике и войне.

В 1917 году Теннисон был при Вичето, теперь ему 50 лет, и опять война. Казалось бы, той войны должно было хватить надолго. Теперь война против французов. Странно!

Фонари, автомобиля освещали деревья по краям шоссе. Теннисон чувствовал себя старым и уставшим. Ночь была теплая. Пахло дождем. Луна спряталась за густыми тучами.

Теннисон свернул с гладкого асфальта шоссе на проселочную дорогу, которая шла к его дому. Что это? В неверном лунном свете над землей колебался полукруг. Парашют! У опушки леса еще один. "Авария самолета, надо помочь", пронеслось в голове Теннисона. Он резко затормозил машину, спрыгнул на землю и побежал к парашюту, волочившемуся по полю, в 30 шагах от него.

- Алло, алло! - позвал Теннисон.

Никакого ответа. Сверху доносилось тихое гудение самолета. Кто-то сидел на земле и развязывал шнурки от парашюта.

- Алло, что случилось?

Вдруг с опушки леса Теннисон услышал зов:

- Скорей сюда, несчастье!

Оттуда кто-то бежал. Теннисон остановился и узнал в двух шагах от себя электромонтера Смита, несколько дней назад исправившего электромотор в его дворе. Как он попал сюда ночью? Но теперь спрашивать некогда. Они бегут к человеку! в комбинезоне летчика. Он тихо стонет, распростершись на земле. Бедняга упал и должно быть сильно расшибся. Теннисон опустился на колени и прислонил летчика к плечу.

Вдруг на голову Теннисона опустился страшный удар, он упал навзничь с раздробленным черепом. Электромонтер позади него прятал кастет. Стонавший летчик вскочил на ноги.

- Скорей, скорей, надо спрятать автомобиль!

Два француза бегут к покинутой машине, фонари которой предательски освещают дорогу. Ключ торчит в машине. Они съезжают с дотушенными фонарями на поле, кладут убитого Теннисона в автомобиль, складывают парашют и сворачивают по проселочной дороге в лес.

Раздается легкий свист. Появляются еще два человека. Они шепчутся по-французски:

- Дело еще хорошо обошлось. Теперь у нас есть автомобиль, он еще окажет нам большие услуги позже, когда станет светло.

Три человека, спустившиеся на парашютах с французского самолета, снимают летные костюмы. Они во французской форме. Французские солдаты в глубине Англии! Положение шпиона Смита - его настоящее имя Крюи, он бельгиец - гораздо опаснее. Если его схватят в штатском, он будет немедленно расстрелян. Он стремится как можно скорее избавиться от опасного общества двух военных. В глубокой чаще елей Смит устроил три дня назад убежище. Они прячут там все, без чего можно обойтись, - парашюты и три пистолета-пулемета. С собой они берут кожаные сумки с взрывчатым веществом.

Смит осторожно идет вперед. Через семь минут они достигают опушки леса. Перед ними луг, поросший кустарником, на 50 м дальше - железнодорожная насыпь с телеграфными столбами. Здесь проходит важная двухколейная линия из Салисбюри; в Эксминстер. Смит смотрит на часы. Через шесть минут из Эксминстера должен пройти товарный поезд, потом 48 мин. перерыва, а затем скорый поезд. Ближайшая железнодорожная будка находится на расстоянии 800 м к западу. Линия проходит через речку по железному мосту длиной в 15 м.

Вот гремит товарный поезд. Все четверо выглядывают из-за кустов, прислушиваясь и

осматриваясь вокруг. Как раз теперь, когда дорога каждая минута, выглянул месяц. Но надо рискнуть.

Они пробираются в темноте под мост и вынимают инструменты. Смит стоит на насыпи и караулит. В случае опасности он даст условный сигнал, закричит по-совиному.

Они закладывают взрывчатые патроны у опорных стоек мостовых ферм, осторожно закапывают их и засыпают землей и щебнем. Через 28 минут все готово. До поезда еще 20 минут, но они должны еще успеть подготовить взрыв телеграфной мачты и провести подрывной кабель в лес. Только они вернулись, обливаясь потом, в лес, как слышится отдаленный шум приближающегося скорого поезда. Но шнура они еще не зажигают.

Сапер Шаваль остается в лесу, остальные двое во главе с Смитом идут по направлению к шоссе, проложенному лесом на расстоянии 8 минут ходьбы от их убежища. Здесь проходят телефонные провода, служащие для связи штаба 5 английской дивизии с ее частями. Они закладывают взрывчатые снаряды под двумя мачтами.

Задача Смита выполнена. Остальное пусть делают военные. Он ведь безобидный гражданин. Смит поспешно уезжает на велосипеде в одну из окрестных деревень. У него еще много дел.

XXI.

Аэродром Уэддон расположен всего лишь на расстоянии 10 км от границы. Английские летчики знали и любили его, так как здесь они получали первую возможность посадки, если мотор давал перебои после перелета через Ламанш. В течение двух дней и двух ночей после начала войны на Уэддонском аэродроме скопилось много самолетов и среди них два самолета Г, подстреленные и сделавшие там вынужденную посадку. Их появление было приятной неожиданностью для 4 группы войсковой авиации, подчиненной 5 дивизии.

Этот участок фронта был всегда спокойным в противовес участку на восток от о. Уайт. Пройшей ночью несколько французских ночных бомбардировщиков сбросили бомбы на приморскую крепость Портланд, но не причинили ей большого вреда. Днем над Ламаншем были обнаружены французские гидросамолеты. В виду отсутствия других задач 4-я группа поддерживала расположенную в Экмуте и подчиненную морскому флоту 208 эскадрилью гидросамолетов в ее разведке над морем. Входившие в состав группы сухопутные самолеты не должны были удаляться от берега больше чем на 20 км.

Экипажи самолетов были расквартированы в поместье сэра Бренбюри, который всячески старался угодить своим гостям. Вчера вечером все сидели у него в замке далеко за полночь, празднуя за шампанским спасение самолета Г-27, достигшего аэродрома с расстрелянными моторами после бомбардировки Шербурга.

На самом аэродроме помещались только дежурные мастера и механики. На автомобиле из замка на аэродром можно было попасть за 3 минуты.

В 3 часа 15 минут часовой у ангара № 3 услышал тихое гудение мотора и вызвал из караульного помещения дежурного унтер-офицера. Они стали прислушиваться вдвоем. Гудение мотора сперва почти затихло, но потом они вдруг услышали его прямо у себя над головой. Над ними планировал самолет. В ту же секунду зажглись посадочные фары на крыльях. Яркий белый свет магния осветил аэродром. Свет был настолько ослепительный, что нельзя было распознать тип самолета. Вероятно это был большой корабль. Самолет приземлился и направился с работающими моторами к ангарам. Посадочные огни были потушены, зажглись два передних прожектора-искателя и осветили ангар.

Дежурный махнул флагом. Самолет приближался, но все сильнее и сильнее сворачивал к тому углу аэродрома, где стояли два зенитных пулемета. Казалось, словно он там остановился, но вот он катится дальше прямо на унтер-офицера и часового, стоящих в снопе ярких лучей самолетного прожектора. Над их головой снова шум. Совершил посадку второй самолет. Но внимание часового и унтер-офицера поглощено первым самолетом, командир которого им что-то крикнул. Его слов невозможно разобрать в шуме мотора.

С самолета прыгнули четыре человека в летных костюмах. Дежурный унтер-офицер пошел к ним навстречу. Что же это был за тип самолета? Он был ему незнаком. Здесь что-то

неладное, это ведь... Он не успел довести мысли до конца. И его и часового повалили на землю. Французы!!! Он хотел закричать, но кто-то сдавил ему горло и ударил по голове. Привлеченные шумом мотора, прибежали еще двое солдат из охраны. Солдаты были без оружия. Их схватили, не дав им опомниться. Шесть человек, выпрыгнувшие раньше из самолета, прошли цепью за ангары с двумя легкими пулеметами и заняли выходы. Не было дано ни одного выстрела. 18 монтеров, спавшие за перегородкой в ангаре, были схвачены среди глубокого сна и взяты в плен.

Эльзасец капитан Ваккерле, которому была поручена эта операция, приказал выставить три зеленых фонаря. Это был условный знак: "Налет удался. Совершать посадку". Через короткие промежутки времени на аэродром один за другим сели 16 транспортных самолетов. Шума их моторов почти не было слышно благодаря глушителям, только гудели пропеллеры. Они летели над береговой полосой на очень большой высоте над облачным покровом. Теперь они снизились.

В ангаре звонит телефон. Зенитная батарея, расположенная на расстоянии 3 км к востоку от аэродрома, встревожена и запрашивает, не случилось ли чего. Ваккерле приказывает агенту ответить по-английски, что на аэродром, чтобы пополнить запасы; горючего, только что сели 9 самолетов Г. на обратном пути из Гавра.

Совершив посадку, самолеты выгружают войска и немедленно поднимаются опять в воздух. Уже поздно. Небо на востоке заметно светлеет. Ударные войска вводятся немедленно в дело. Солдат сажают на грузовики английской авиационной группы. 60 человек должны принять участие в налете на штаб бригады, расположенный на расстоянии 2 км от аэродрома. Предполагается далее нападение на зенитную батарею. Французы застигают врасплох спящий экипаж 4 эскадрильи и без выстрела берут его в плен. Но при налете на гаубичную батарею, расположенную в долине к югу от зенитной батареи, дело не обходится без выстрелов. Англичане бросили, правда, пушки, приведенные в негодность посредством взрывчатых патронов в стволах, но упорно защищаются, отстреливаясь из винтовок из помещения. То тут, то там раздаются выстрелы.

Вдруг с юга слышится грохот орудий. Десант на английское побережье совершается под прикрытием огня французской морской эскадры. На небе вспыхивают бело-красные ракеты. Это французские самолеты дают сигнал всем высаженным подрывным командам. По всей стране раздаются глухие взрывы... В тучах каменной пыли и дыма рушатся мосты. Разлетаются в щепки телеграфные столбы. Маскировка больше не нужна, теперь важно действовать с максимальной быстротой.

В распоряжении капитана Ваккерле находится довольно значительная войсковая сила. Из чрева современного троянского коня вышло 234 человека с 24 легкими пулеметами и 12 станковыми пулеметами. Кроме того были еще выгружены четыре разборных орудия и 8 минометов, предназначенных главным образом для противотанковой обороны. Вместе с разосланными ударными командами капитан Ваккерле владеет зоной в 10 км в окружности. В оборонительной системе англичан пробита широкая брешь.

С аэродрома, расположенного на широком горном склоне, открывается обширный горизонт для обзора. Радиостанция поддерживает связь с французскими десантными войсками.

Кроме отряда Ваккерле такой маневр воздушного десанта совершал также другим отрядом - на большом лугу в 15 км дальше к западу. Оба эти французских опорных пункта, расположенные в тылу английской береговой обороны, служат для поддержки подрывных команд, спустившихся в глубокий тыл страны на парашютах. Пользуясь легкими пулеметами и автоматическими пистолетами, эти подрывные команды совершают каждый раз налеты на проезжающие автомобили и мотоциклы увеличивая общее смятение.

Англичане потеряли на ожидание целый час драгоценного времени. Штаб ждет донесений, встревоженные в своих казармах войска ждут приказов штабов. Но вся телеграфная сеть и некоторые важнейшие радиостанции приведены в негодность. Офицеры связи и патрули самокатчиков, пытающихся проехать вперед, не возвращаются. Первые

бесвязные сведения получены от английских самолетов-наблюдателей, находящихся в воздухе на высоте 1000 метров. Получаются также сведения танков, движущихся по дорогам. Батальоны перебрасываются наконец на побережье. Один из батальонов едет на грузовиках впереди под прикрытием танков, за ним движется моторизованная батарея. Батальон попадает под огонь пулеметов и горных орудий Ваккерле, начинающих бить по флангу длинной колонны, едва она успела пройти один километр. Батальон, не имеющий боевой практики, панически разбегается. Танки хотят повернуть назад, но не могут проехать из-за грузовиков, образовавших на дороге пробку. Их поодиночке расстреливают снаряды противника.

Французский генеральный штаб организовал десант на южном побережья Англии по тщательно продуманному плану. При этом чрезвычайно тонко были использованы все современные технические средства войны. Французский план не был доктринерским и закостенелым, наоборот он дышал ясностью и умением приспособиться к обстоятельствам, которые со временем Бонапарта вошли в традиции французской тактики.

Авангардом служили смешанные части и подрывные команды, высаженные под покровом: ночи с самолетов и спустившиеся на парашютах. Главные силы, состоящие из трех лучших французских дивизий, были погружены на суда в Шербурге. Первый отряд, в который входили: пехота в сопровождении своей артиллерии, саперы, легкие танки, минометы, вышел из Шербурга на моторных лодках с небольшой осадкой в 22 часа. Второй отряд последовал за первым на транспортных судах через довольно большой промежуток времени.

В море транспортный флот шел под прикрытием французского боевого флота, находившегося в Ламанше.

На рассвете началась высадка десанта широким фронтом. Английское береговое охранение было быстро преодолено. В отдельных случаях упорного сопротивления пулеметные гнезда были сбиты фланговым и тыловым огнем. Узкая и далеко выдающаяся в море полоса земли у Портланда с крепостью, арсеналом и радиостанцией не была атакована с фронта; французы захватили ее врасплох с суши. Главная задача заключалась в том, чтобы продвинуться как можно глубже в страну, с целью уйти от сокрушительного артиллерийского огня англичан на побережье.

Пока артиллерия не была выгружена, огневое прикрытие осуществлялось 30-ю канонерскими лодками. Франция имела в изобилии этот тип судов. Их незначительная осадка позволяла им подходить очень близко к побережью. Своими 10- и 14,5-сантиметровыми орудиями они перекрывали стрелявшие английские батареи и пулеметные гнезда. Дальше в море стояли мониторы, окутанные дымовыми завесами, и осыпали из крупнокалиберных пушек большие города и железнодорожные станции в английском тылу. Две авиаматки под охраной французского линейного крейсера выпускали на Англию рои истребителей. Истребители поливали пулеметным огнем английские батареи, маршевые колонны и брали под обстрел даже отдельных людей, узнавая их по коричневой английской форме.

Со всех аэродромов в окрестностях Шербурга вылетали французские эскадрильи дневных бомбардировщиков. Это были остатки стянутых в Шербург 11-го и 12-го полков. Они осыпали бомбами вокзалы в Салисбюри и Темплькомбе. Досталось также английским аэродромам около Невилля и Таунтона. Основная масса частей английской войсковой авиации и истребителей была сосредоточена в Кенте и потому в воздухе ничто не мешало маневрам французских самолетов. Как ни блестящи были успехи, достигнутые в течение первых двух часов после десанта, французское командование отдавало себе полный отчет в том, что главная проверка этих успехов наступит только с переходом английской армии в контрнаступление.

Наиболее уязвимой была коммуникационная линия, длиной около 100 км, связывавшая десантный корпус с базами снабжения в портах Нормандии. Если эта линия, пролетающая морем, будет отрезана, французские войска окажутся изолированными на английской

территории и смогут продержаться там лишь очень недолго. Несмотря на риск, французское командование с ведома совета министров решило сделать эту последнюю ставку, считая ее единственной возможностью скоро кончить войну. Каждый выигранный день имел огромное значение для подавления внутренних беспорядков, распространявшихся все шире и шире во Франции. Наиболее мощным оружием Франции была ее сильная сухопутная армия. Англичане остерегались идти на материк, и потому, чтобы пустить в ход это оружие, французам надо было двинуться самим на территорию Англии.

XXII.

До двух часов ночи генерал Бреклей разрабатывал со своими офицерами генерального штаба ближайшие тактические мероприятия и обсуждал вопросы, связанные с подвозом людей и материалов из тыла. Впервые он не руководил лично своими эскадрильями в воздухе. Это было ему неприятно, но на этот раз его личное командование не было необходимым, так как воздушный флот должен был наступать не как сомкнутое целое. Нехорошо было также слишком опекать командиров эскадрилий. Надо предоставить их самим себе, чтобы они научились действовать, чувствуя на себе полную ответственность и не оглядываясь постоянно на! находящегося тут же начальника воздушного флота. Кроме того, в настоящий момент его руководство на земле было гораздо более необходимо.

Было 5 час. 20 мин. утра, когда прикомандированный к главному командованию сухопутной армией офицер связи воздушного; флота вызвал срочно Бреклея к телефону, чтобы сделать ему первое донесение о французском десанте у Портланда. Бреклея разбудили, и он тотчас же подошел к телефону.

- В каких пунктах высажен десант? На какой ширине фронта?

- Больше ничего неизвестно, генерал.

Бреклей повесил трубку. С молниеносной быстротой он обдумал положение.

"Пять эскадрилий находятся в пути для бомбардировки французских морских портов от Дюнкирхена до Абевиля. Французы посмеются, что мы-де пошли на их удочку, приняв всерьез ложную демонстрацию на этом фронте! Жаль бомб, сброшенных не там, где надо! Бомбардировка должна была начаться около 5 час. 30 мин. утра. Остановить ее приказом по радио? Направить нападение да Шербург? Поздно! Это только приведет к беспорядку. Приказ - контр-приказ, неразбериха!"

Эскадрильи получают приказ:

- После нападения возвратиться ускоренным темпом в районы первоначального стратегического развертывания.

Четыре эскадрильи, летящие на Париж, находятся теперь должно быть около Бове. Досадно было бы возвращать их, когда они уже почти у цели. Париж, как центр Франции, настолько важен, что ему нельзя дать очнуться. Его надо терроризовать третьей бомбардировкой.

1-я, 2-я и 3-я эскадрильи расположены в районах своего стратегического развертывания. Они составляют всего четверть английского воздушного флота. Они одни находятся в данный момент в распоряжении Бреклея. В этих трех эскадрильях уже поднята тревога. Они получают приказ:

- Немедленно стартовать, сбор над Андовером на высоте 4000 метров; о сборе донести. Ждать дальнейшего приказа.

Самое необходимое распоряжение сделано. Пока будут готовы три эскадрильи, пройдет полтора часа. Бреклей едет в автомобиле в штаб сухопутного командования, - важно ознакомиться лично с положением. Штаб напоминает развороченный муравейник. В зале, где стоят столы с картами, суетятся люди, не имеющие в сущности никакого отношения к операциям армии. Здесь даже дивизионный врач. Слышатся сбивчивые разговоры. Лондон обратился уже с запросом о положении. Отдел военной цензуры хочет знать, какие сообщения надо дать в печать. Командующего сухопутной армией фельдмаршала Редмонда вызывает по телефону военный министр.

Бреклей прошел прямо к карте, на которую непрерывно наносились краской

последние сообщения. Чорт возьми, довольно глубокое вторжение!

После каждого телефонного сообщения с фронта увеличивается число красных полос. Дурные вести накапливаются. Поток пробил плотину. Трудно сказать, когда он остановится.

К несчастью, у генерала Брекляя создается впечатление, словно при общей растерянности ни у кого нет сил принять решение о том, как бороться с нахлынувшими французами.

Тяжелые резные двери распахнулись и в зал вошел адмирал Миллс в сопровождении штаба из семи морских офицеров. Триумфальное шествие расфранченных моряков в синих мундирах с золотым шитьем и шнурами неприятно подействовало на скромно одетых офицеров сухопутной армии.

Вокруг группы вошедших образовалось пустое пространство. Несколько вежливых ледяных поклонов. Адмирал стоял посреди зала и ждал, когда с ним поздоровается фельдмаршал Редмонд. Последний, казалось, окаменел в глубокой нише окна и напряженно прислушивался к словам своего начальника штаба. Только глаза зло блеснули под его седыми, косматыми бровями.

Шум разговора сразу притих, напряжение достигло апогея, каждый чувствовал, что сейчас разразится буря.

И буря действительно разразилась.

Редмонд подошел размеренным шагом к адмиралу. Его громкий голос нарушил тишину:

- Доброе утро, сердечно вас приветствую. Своим храбрым бегством в Ирландское море вы заварили нам хорошую кашу. Французы будут вам благодарны за то, что они так легко могли переправиться по морю!

Адмирал Миллс вскипел:

- Армия повидимому прекрасно выспалась в последнюю ночь!

Оба старика грозда двинулись друг на друга, напоминая боевых петухов.

Вмешался Бреклей, спокойно спросивший фельдмаршала, в котором часу начинается наступление армии. Фельдмаршал смущенно прекратил спор.

Начался военный совет. Бреклею с трудом; удалось удалить лишнюю публику.

По мнению фельдмаршала, атлантический флот должен во что бы то ни стало проникнуть в Ламанш до линии Портланд - Шербург. Ближайшая его задача: прервать линию связи между французскими портами и пунктами десанта на английской территории, ибо сухопутная армия может предпринять контрнаступление не раньше завтрашнего дня. Для перевозки войск и приведения их в боевую готовность на линии Бристоль - Соутгэмптон требуется 24 часа. В течение ближайших 24-х часов на территорию Англии из Франции не должен быть перевезен ни один человек, ни один пулемет, ни одна граната.

Обсуждаются подробности выполнения этой операции. Фельдмаршал Редмонд подробно излагает свои намерения по отношению к операциям сухопутной армии.

Бреклей улыбается про себя. О сотрудничестве с воздушным флотом не произнесено ни слова. Как только положение стало серьезным, о воздушном флоте позабыли. Он молчит, но подробно записывает планы операций сухопутной армии и морского флота, действующих в сотрудничестве. Он будет действовать самостоятельно. Бесцельно обсуждать на этом военном совете действия его воздушного флота. Они слишком мало знакомы с этим новым оружием.

Теперь Бреклей знает что ему делать. Он просит извинения у фельдмаршала и покидает зал, оставив на совещании Геста в качестве наблюдателя. Гест ему обо всем доложит.

Уже пора. Три эскадрильи через 10 минут собраны на боевой высоте. Бреклей отдал приказ о наступлении; по телефону еще из штаба сэра Роберта Редмонда. Приказ зашифрован и передан по радио на самолеты. Бреклей возвращается в автомобиле в свой штаб, диктует приказы другим девяти эскадрильям, находящимся после выполненной бомбардировки в пути из Франции к своим аэродромам в районах первоначального сосредоточения.

Только что получено донесение от 6-й эскадрильи, благополучно, без потерь, вернувшейся на аэродром. Послать ее снова в воздух через час после неслыханного напряжения людей и машин в течение последних 48 часов? Подобная нагрузка казалась в 1918 году невозможной. Однако теперь, благодаря разделению труда, на борту большого самолета, экипаж поочередно отдыхал во время полета, и это привело к такому использованию самолетов, которое раньше казалось невыполнимым.

Этому отчасти способствовало также освобождение летного экипажа от всякой работы, как только самолет - садился на землю. К самолету после посадки устремлялись техники и монтеры, команды подносчиков огнеприпасов и парковые команды. Каждый точно знал свое дело: один испытывал тросы управления, другой - автоматические пушки, на электрокарах подвозили бомбы и гранаты. Особые ремонтные команды для моторов и других приборов чинили повреждения. В это время экипаж мог и даже был обязан отдыхать.

Эскадрильи разведчиков получают особый приказ. Они должны установить порты погрузки на французском берегу, места сбора транспортных судов, расположение французских морских сил и авианосцев.

Дав все необходимые распоряжения, генерал Бреклей едет на ближайший аэродром, где находятся его флагманский самолет и самолеты его воздушного штаба.

После комнатной работы за письменным столом он свободно вздыхает, чувствуя, как самолет подымается в воздушную ширь. Теперь его место наверху, во главе эскадрилий.

XXIII.

Мирный портовый городок Веймут утром 11 июля напоминал шумный тыловой этапный пункт. Дома в городе не пострадали. При взятии Веймута французы ограничились несколькими ружейными залпами, так как десантные войска высадились на английскую территорию вне города и вошли в него с суши. Перепуганные жители не решаются выходить на улицу и наблюдают за всем происходящим из окон. Ночные ужасы уже пережиты. Не по себе только от серо-синих мундиров на улицах и от звуков чужого языка. Все, что произошло, похоже на сон.

В Портландском порту небывалое оживление. Пузатые транспортные суда выбрасывают на набережные тысячи людей. Французские верфи не напрасно пожирала за последние годы огромные субсидии. Ревут сирены, гремят цепи. Подъемные краны выгружают 155-миллиметровые гаубицы и гусеничные танки. На площади рядами лежат гранаты. Рабочие команды смуглых сенегальцев грузят боеприпасы, катят бочки с бензином. После выгрузки войска немедленно покидают порт, чтобы не создавать затора. Трубы играют французский марш.

В закрытой лощине, на расстоянии одного километра к северо-западу от города, стоят колонны грузовиков, готовые перебросить на фронт пехоту, пулеметы и минометы. Люди, движущиеся змеевидным потоком по набережным, теряются в массе боевых машин. К десантным дивизиям прикомандированы танковые полки, состоящие из легких двухместных и тяжелых боевых машин. Стены домов дрожат от проходящих боевых машин. Конные запряжки имеются лишь в легких 75-мм батареях. Все гаубичные и тяжелые батареи моторизованы. Моторизованы также и орудия ПВО.

Для снабжения боевыми припасами артиллерии приданы многочисленные колонны грузовиков. Автотранспорт предусмотрен также для одной трети всей пехоты. Основной организационной идеей этих "летучих дивизий" было придание им наибольшей маневренности и силы удара. Цель, которую преследовала подобная организация, заключалась в наиболее быстром и глубоком проникновении на английскую территорию, что составляло одно из важнейших условий боевого успеха.

Погрузка на суда и выгрузка мощного технического оборудования оказалась гораздо более трудной задачей, чем погрузка пехоты. Вначале кое-где произошла путаница и образовались пробки. Но затем все заработало с точностью механизма. Этим достижением вправе были гордиться французские офицеры генерального штаба. Все было продумано и заранее расписано до мельчайших подробностей. Большую услугу оказали французам

точные карты и аэрофотосъемки, сделанные всего за 2 недели до начала войны французскими летчиками-спортсменами. К месту высадки были привезены даже стрелки, указывающие путь колонн после выгрузки к пункту сбора и назначения.

Из порта выехала колонна грузовиков, нагруженная бочками с авиабензином. В первую очередь горючее должно быть доставлено на Уэддонский аэродром, чтобы французские истребители и самолеты войсковой авиации могли пополнять свои запасы бензином, не будучи вынужденными лететь 300 км до Шербурга и обратно.

Над районом французского вторжения, разраставшимся с каждым часом, кружатся самолеты с сине-бело-красными кругами. Они летают совсем низко, над вершинами деревьев. Вот они направляют огонь на английские батареи, как хищные птицы бросаются на все, что цветом хаки напоминает англичан, атакуют, бомбят английские танки, непрерывно подавая сигналы французской пехоте, приветствующей их с ликованием. Летчики видят, какое впечатление производит на пехоту их боевая работа, хотя из-за шума мотора не слышно звуков восторженных голосов. Разъяренные англичане прячутся в каждую яму, за каждый куст. Несколько английских зенитных пулеметов пытаются отстреливаться, но французы быстро перекрывают их огнем с самолетов. Лучше молчать, чтобы сохранить возможность стрелять без промаха в наступающую французскую пехоту.

Под прикрытием мощных самолетов французское наступление приобретает все большую уверенность. В рядах англичан растет разложение. Конечно крепких англичан с их традиционным спортивным духом не так легко вывести из игры, но она ведется при слишком неравных силах.

Английские истребители появляются поздно и, видимо, действуют без всякого плана. Французские истребители, парящие высоко над самолетами своей войсковой авиации, зорко следят за полем боя. Они окружают английские эскадрильи и рассеивают их в несколько минут. Господство французов в воздухе над районом наступления непоколебимо.

Смятение в Веймуте продолжается. Но в городе не слышно ни одного выстрела. Земля не сотрясается от ураганного огня, как это было при наступлениях в 1918 году. Линия фронта продвинулась так далеко, что оттуда не доносится даже треск пулеметов. Слышны лишь глухие удары стреляющей французской батареи, занявшей позицию на краю города. Она ведет огонь с интервалами в три минуты. Стекла дрожат. Дымят на рейде громадные транспортники. Флотилии подводных лодок первого десантного отряда уже ушли обратно во Францию. На горизонте маячат три черных дымовых облака от французских крейсеров; остальной флот не виден. С рассветом основное ядро французского флота снялось! с якоря и; теперь стоит на расстоянии 20 морских миль к северо-западу от Квернсея. Французский флот готов в любой момент напасть с фланга на английский, если он с запада попытается войти в Ламанш.

* * *

Главнокомандующий французской десантной армией генерал Мишлен в 7 час. сошел на берег. До этого он руководил операциями с борта крейсера "Трувиль". Он разместился со своим штабом в деревне Чикерель на расстоянии 4 км, к северо-западу от Веймута. Через спешно оборудованную радиостанцию генерал Мишлен с английской территории передал генералиссимусу в Тур первое донесение:

"Десант проведен блестяще. Сопrotивление противника оказалось более сильным, чем мы ожидали. Дорчестер, Мейден-Ньютон, Бридпорт в наших руках. Войска наступают форсированным маршем. Противник задерживается на высотах к северу от Мейден-Ньютон. Да здравствует Франция! Мишлен".

Через несколько минут мощная радиостанция в Туре разнесла весть о победе по всей Франции, по всему земному шару. Французы вздохнули свободнее, подавленное настроение сменилось подъемом. Но в странах, где бились сердца англичан, где говорили по-английски - в Канаде, Капштадте, Бомбее и в Австралии, - прокатилась волна ужаса. С далеких времен Вильгельма-Завоевателя вражеская нога не ступала на землю британского острова. Неужели страстное желание Наполеона и заветная мечта немцев высадить десант на

английский берег - стала фактом? Неужели британскому могуществу пришел конец?

XXIV.

Июльское солнце уже высоко вошло над Веймутом и Портландом. Сверкало утро. Дождь, прошедший ночью, очистил воздух и прибил пыль. С моря дул свежий ветер. Белые барашки облаков резко оттеняли глубокую синеву неба.

Вдруг в порту тревожно завывли сигнальные сирены. Загремели выстрелы зенитных пушек. Вверх, среди белых облаков показались черные точки. Не прошло и минуты, как в воздухе что-то прошипело, и четыре тысячекілограммные бомбы ударили в набережную, в самой гуще движения.

Взрывы мгновенно смели целые кварталы. Огромные подъемные краны ломались, как спички, грузовики опрокидывались от страшного сотрясения воздуха. Разрывы бомб следовали один за другим. Огромные английские бомбардировщики не торопились, стараясь взять верный и точный прицел. На транспортниках, еще стоявших у мола с полным грузом войск и снарядами, началась дикая паника.

Капитаны подняли якоря и стремительно бросились мимо маяка в открытое море. Но попытка спастись не удалась. Вот уже одна бомба упала в воду перед самым носом парохода, подняв высокий столб воды; вот другая угодила прямо в судно между труб. Словно разрезанный ножом, корпус парохода раскололся надвое и через несколько секунд затонул. Из бурлящего водоворота вырвались крики утопающих, потом наступила жуткая тишина.

Это была боевая работа трех английских эскадрилий Г, появившихся над Портландом. При этой атаке не было массового наступления, не было ураганного огня бомб в течение нескольких минут, как над Парижем, - здесь была спокойная стрельба по определенным мишеням, как на учебном плацу.

Бомбившая эскадрилья находилась на 500 м ниже двух других, прикрывавших ее сверху, пока не наступала их очередь сбрасывать бомбы. Они не мешали друг другу, сохраняя полную свободу маневра. После первого залпа всей эскадрилей каждый самолет отделялся от своего звена и направлялся к своей цели. В этот момент офицеры-бомбисты должны были показать свое умение пользоваться оптическим прицелом. Они знали, что на них смотрят товарищи. С высоты 5000 м цели казались дьявольски маленькими. Легче было прицелиться по вытянутым лентам набережных и мола, но попадание в идущий корабль требовало большого искусства.

Противовоздушная оборона французов была до смешного ничтожна. Мелкокалиберные батареи ПВО на грузовиках уже отправились вперед, в боевую зону для обороны полевых войск. Из 105-мм батарей были выгружены только две, занявшие огневую позицию у Истона и Уайк-Регис. Англичане заметили их желто-сернистый огонь и через несколько мкнут заставили их замолчать залпами бомб. На военных кораблях орудия ПВО стреляли плохо. Английские гиганты могли беспрепятственно спускаться все ниже и ниже.

Генерал Мишлен был вне себя. Неужели эти 60 самолетов, кружащиеся маленькими точками в голубом небе, сведут к нулю блестящий результат его десантной операции? Неужели нет средств борьбы против них? Где же французские летчики?.. Генерал Мишлен отдает приказ:

- Все наличные истребители и разведчики немедленно атакуют английские бомбардировщики над Портландом. О каждом самолете, совершившем посадку, не израсходовав всех боеприпасов, доносить лично мне. Противника надо уничтожить.

Французские эскадрильи передают на фронт радио и световые сигналы о возвращении. Истребители уже сбили несколько английских самолетов английской войсковой авиации и очистили от них поле сражения. Французские разведчики умело руководили огнем батарей и доносили о продвижении своей боевой линии. Но приказ Мишлена все внезапно перевернул.

Картина быстро меняется. Одни самолеты набирают высоту, другие производят посадку, чтобы пополнить запасы горючего и боеприпасов. Истребители раньше всех других самолетов достигают высоты английских эскадрилий. Они бросаются на английских гигантов.

Но французы-истребители уже утратили порожденное неведением мужество первого дня войны. Большинство из них в боях над Парижем, Бове и Лиллем испытало ужасающее превосходство английских самолетов Г. Однако летчики подавляют в себе малодушие - только не думать, не рассуждать, а стрелять, стрелять... Ведь на английских гигантах сидят такие же уязвимые люди. Французы несутся со скоростью 400 км, с мотором, работающим с полной мощностью. К ним возвращается прежний подъем, они хрипло кричат среди треска пулеметов и шума пропеллеров: "Да здравствует Франция!".

Победить они не сумеют, но сумеют с честью умереть. Напрасная жертва!

Атаки французских отрядов и на этот раз отбиты концентрированным огнем английских воздушных дредноутов, непоколебимо кружащих над Парижем. Сбит только один самолет Г, в середину которого врезался француз. Была ли это случайность или героический подвиг летчика, свалившегося камнем вниз вслед за врагом?

Бомбардировка продолжалась более часа и кончилась лишь после того, как три английских эскадрильи сбросили весь свой запас бомб.

В Портланде и Веймуте тишина как на кладбище. Над облаками стоят облака удушливого дыма, набережные зияют страшными ранами пробоин. Но больше всего пострадало несчастное мирное население. Трагично, что разрушение и смерть принесли не французские, а свои, английские бомбардировщики, которыми она восхищались и гордились...

После нападения на Портланд и Веймут, английские эскадрильи Г не вернулись на свои аэродромы. Чтобы облегчить боевую работу войсковых английских самолетов, они непрерывно кружились над линией фронта. Летчикам английской сухопутной армии и морского флота пришлось тяжело с первых же дней войны. К английской войсковой авиации было прикомандировано всего лишь несколько эскадрилий истребителей, между тем как французские одноместные и двухместные истребители наступали массами, прикрывая своих разведчиков.

Английская войсковая авиация еще в мирное время чувствовала себя заброшенной по сравнению с воздушным флотом. После назначения Бреклей всякое увеличение бюджета на авиацию шло прежде всего воздушному флоту; ассигнования на войсковую авиацию и гидросамолетные части из года в год урезывались. Лучшие летчики ушли в воздушный флот. Теперь, в первые дни войны офицеры войсковой авиации читали в военных сводках о доблестных подвигах британского воздушного флота, но в сообщениях ни слова не говорилось об их собственной работе. Они; с завистью смотрели как высоко над ними черными точками пролетали эскадрильи Г.

Над Дорчестером гордый воздушный флот впервые сражался бок о бок с войсковой авиацией. Да, Бреклей был прав, нападение бомбардировщиков имело решающее значение. Теперь над Портландом так же, как над Парижем, французские истребители потерпели поражение в открытом бою с английскими бомбардировщиками.

Три эскадрильи самолетов Г отогнали остатки французов и окончательно очистили поле сражения для своей войсковой авиации. Теперь можно было свободно корректировать огонь английских батарей и наблюдать за движением французов.

Три английских эскадрильи Г все еще кружили над Дорчестером, как вдруг внезапно появились три самолета. Это Бреклей! Ясно видны знаки флагманского самолета Г-300. Под острым взглядом начальника воздушного флота все чувствуют себя внутренне подтянутыми и окрепшими.

Бреклей совершал полет, чтобы лично составить себе представление об эффекте атаки. Может быть нужно продолжить бомбардирование силами 4-й и 5-й эскадрилий, которые должны прибыть в этот район через пять минут? Нет, необходимый результат уже достигнут. Но на аэродроме, в окрестностях Уэддона заметно оживленное движение. Там, внизу стоят около 60 самолетов. Различить, повреждены ли они - невозможно. Может быть они наполняют баки горючим для новых действий? Бреклей уже приготовился отдать по радио приказ 4-й эскадрилье, приближающейся с востока, как капитан Кристи указал вниз, быстро

сжав и разжав кулак, что означало "точки разрыва".

На зеленой поверхности аэродрома вились четыре дымка. Тяжелая английская батарея вела огонь по скоплению самолетов. Не было нужды в атаке с воздуха. Бомбы можно было съэкономить.

У воздушного флота оставалось еще много дела. Портландская десантная база, - конечный пункт французской коммуникационной морской линии - была разрушена. Теперь надо было направить главный удар по всей коммуникационной линии и по ее исходному пункту на французской территории, чтобы отрезать высадившуюся французскую армию.

Донесения английских разведчиков были благоприятны: частое движение поездов по линиям Париж - Шербург и Ле-Моне - Шербург; скопление судов в Шербургском порту; в открытом море, между Шербургом и Портландом, три конвойных корабля под охраной эскадренных миноносцев; на обратном пути в Шербург два конвойных судна, по всей вероятности пустые транспортники; главные силы французского флота идут тихим ходом, в 7 час. 15 мин. они находились на 50 градусе северной широты и 3 градусе западной долготы; две авиаматки в 50 км к югу от Портланда под охраной двух крейсеров и нескольких эскадренных миноносцев.

Генерал Бреклей решает атаковать неприятельские авиаматки. Их уничтожение еще более парализует французские воздушные силы. Это необходимо еще и потому, что кроме аэродрома под Уэддоном эти авиаматки - наиболее передовой плацдарм для французских самолетов. Если их вывести из строя, то у французов останутся лишь отдельные сухопутные и морские базы в Бретани и Нормандии. Эту задачу необходимо выполнить к полудню, чтобы освободить главные силы британского флота для поддержки Атлантического морского флота, идущего в Ламанш.

Следуя приказу, все три эскадрильи погрузили равное количество 50- и 100-кг бомб. Узкие корпуса движущихся кораблей - трудная мишень. Попадание с большой высоты отдельной бомбы может быть лишь случайным. Поэтому необходимо покрыть бомбами площадь вокруг корабля соответственно его продольному, и поперечному сечению. Находясь на расстоянии 30 км от авиаматок, эскадрильи берут курс против ветра. Авиаматки удалены друг от друга на 10 км. 4-й эскадрилье в качестве мишени указана "Беарн", 5-й эскадрилье - "Комендант Тест". Эскадрильи летят со стороны солнца и им удается застигнуть неприятеля врасплох. Их замечают только на расстоянии 10 км.

Навстречу поднимается яростный зенитный огонь с крейсеров, миноносцев и авиаматок. Авиаматки не могут тронуться с места, так как в этот момент два самолета совершают посадку. Кругом свистят английские бомбы. Три отряда каждой эскадрильи расположились в виде треугольника. Интервалы между шестью самолетами каждого отряда уменьшены.

На расстоянии 100 м от цели офицер-бомбист каждого самолета включает электрический бомбосбрасыватель, устроенный по принципу часового механизма и выпускающий каждые 0,25 секунды одновременно по две бомбы. В течение 5 секунд каждый самолет выпускает 40 бомб. Около 700 50-кг бомб летят в каждую авиаматку. Кораблей почти не видно - их закрывают высокие фонтаны брызг. На атаку "Беарна" не пришлось потратить всех бомб. Первые шесть, выпущенные отрядом А 4-й эскадрильи, попадают в самую середину авиаматки. Среди грома разрывов она идет ко дну. В том месте, где только что стоял корабль, тихая гладь воды.

Не считаясь с самолетами, производившими посадку, капитан "Коменданта Тест" дал кораблю зигзагообразный курс и одновременно выпустил дымовую завесу. Но полоса густого дыма достаточно ясно показывала, где находится судно. 5-й эскадрилье вскоре удалось настичь авиаматку своими бомбами и нанести ей тяжелые повреждения.

Генерал Бреклей приказал прекратить атаку и взять курс на идущий из Шербурга эшелон транспортных судов. Эшелон был уже предупрежден по радио о появлении английских бомбардировщиков и шел зигзагообразным курсом под прикрытием дымовых

завес. Лишь кое-где в тумане образовывались просветы, сквозь которые на несколько секунд появлялся тот или другой пароход.

Дымовая завеса мешала планомерной бомбардировке. Некоторые самолеты Г снизились до 2000 м и бросали бомбы в гущу дыма, где находились транспортные суда. Это был рискованный маневр. Г-54, снизившийся до 1200 м, внезапно попал в полосу разрывов пятисантиметровых снарядов эскадренного миноносца, подошедшего под дымовым прикрытием.

Бреклей впервые прибегнул к бомбам, "пожирающим" туман. При разрыве они выпускали особый газ, поглощающий дымовые завесы. Сведения о химическом составе этого газа удалось добыть с помощью шпионов на предприятиях Германского общества красильной промышленности только за три недели: до войны. К сожалению, к началу военных действий Англия сумела изготовить только первую серию в 1000 таких бомб.

Первый опыт оказался неудачным. Неизвестно, что было этому причиной. Может быть английским химическим заводам; не удалось воспроизвести в точности их химический состав, или быть может море нейтрализовало способность газа поглощать туман.

После 15-минутного бесполезного кружения в воздухе, генерал Бреклея должен был признать, что конвоируемый эшелон, прикрытый дымовой завесой, недоступен для нападения. Было бы правильнее атаковать его в исходном или конечном пункте коммуникации.

Но все же атака не прошла даром: в искусственном тумане транспорты были принуждены сильно замедлить ход во избежание столкновений. Генерал Бреклея оставил над эшелоном; французских судов 5-ю эскадрилью, израсходовавшую во время нападения на авиаматки 2/3 своего запаса бомб. Постоянная угроза с воздуха заставляла неприятельские суда все время идти под дымовым покровом.

Во главе 4-й и 6-й эскадрилий! генерал Бреклея совершил налет на Шербург. Порт и вокзалы в течение 25 минут были подвергнуты ураганному огню 50- и 100-кг бомб.

Шербург был также защищен дымовой завесой, но значительный объем мишеней позволял определить их положение с достаточной точностью. Через несколько минут в беловато-желтом тумане образовалось темное облако дыма, напоминавшее по форме гриб. Должно быть взорвался склад боевых припасов или судно, нагруженное снарядами.

Вскоре пожары во многих местах прорвали искусственный туман.

Размеры произведенных разрушений стали известны только после войны. В порту были потоплены три транспортных парохода. Железнодорожные пути и портовые сооружения были приведены в негодность. Через два часа после английской бомбардировки французское командование вынуждено было отдать приказ о перенесении базы снабжения в Сен-Мало и Гавр.

* * *

Совершив посадку после налета на Шербург, генерал Бреклея немедленно связался по телефону с фельдмаршалом Редмондом и адмиралом Миллсом. Главнейшее условие успеха заключалось теперь в том, чтобы сухопутные, морские и воздушные силы действовали в тесном контакте для достижения общей цели.

Настроение в английской армии изменилось к лучшему. К 9 час. французское наступление было приостановлено. Французский артиллерийский огонь значительно ослабел. Сэр Роберт Редмонд, конечно, отказывался признать, что улучшение положения на фронте непосредственно связано с удачной бомбовой атакой воздушного флота против Портланда и французской коммуникационной линии. Но Бреклея это мало тревожило. Он весь был поглощен операциями морского флота, начавшимися после полудня. Атлантический флот уже прошел мыс Ландсенд и через шесть часов он должен был показаться на долготе Портланда. От французского морского командования зависело, когда и где произойдет столкновение. Пойдет ли французский флот навстречу английскому или будет его ждать в Ламанше? Как то, так и другое положение имело свои оперативные и тактические преимущества.

Для участия в решительном морском сражении Бреклей держит наготове девять эскадрилий. Теперь надо выбрать момент, чтобы бросить воздушный флот в атаку против французских кораблей не слишком рано, но и не поздно, для связи Бреклей послал в морской штаб майора Геста. Но чтобы иметь твердую уверенность, Бреклей приказал разведывательным самолетам непрерывно доносить непосредственно ему о местонахождении и движении английских и французских кораблей.

В 16 час. началось морское сражение, получившее название "Альдернейского", по имени самого северного из островов в Ламанше. Вторая французская эскадра под командой адмирала Ле-До шла с юго-востока навстречу английскому Атлантическому флоту. Она разделилась на две группы, далеко впереди шли пять наиболее быстроходных и современных 10000-т крейсеров, в сопровождении 2-й флотилии миноносцев, за ними следовала группа линейных крейсеров под охраной крейсеров 2-го легкого дивизиона эскадренных миноносцев и 3-й минной флотилии. В 16 час. 12 мин. группа французских крейсеров открыла огонь по английским крейсерам, прикрывающим главные силы английского флота с южного фланга. В борт крейсера "Гаукинс" попала тяжелая граната с французского крейсера "Фош" и он в течение 7 минут пошел ко дну. Английские крейсера быстро отошли к эскадре линейных кораблей. Через полчаса завязался бой между линейными судами. Они двигались кильватерной колонной. Устаревший и неповоротливый пятитрубный "Вольтер" с его надстройками служил прекрасной мишенью для англичан и залпы 34-см орудий "Мальборо" быстро вывели его из строя. Но все сильнее давало себя чувствовать превосходство быстроходных 10000-т французских крейсеров, окруживших англичан с запада. Солнце находилось позади, их и не слепило им глаза. Головная колонна англичан обнаружила минное поле, устроенное, повидимому, французскими подводными минными заградителями. Адмирал Паудн решил уже прекратить дальнейшее продвижение на восток, и выйдя из сферы боя, уйти в Плимут, но не успел отдать приказ об этом, как появился английский воздушный флот.

162 самолета Г, имея на борту. 324 стокилограммовых и 648 пятидесятикилограммовых бомб, под командой Бреклея атаковал французские крейсера, шедшие с максимальной скоростью в кильватерной колонне. Внимание крейсеров было настолько поглощено боем, что первые разрывы бомб они приняли за разрыв гранат с английских кораблей.

В крейсер "Фош" через трубу в машинное отделение попала стокилограммовая бомба. На корабле начался пожар. Несколько бомб попало в "Дуплекс", который скрылся через несколько минут под водой. На "Дюкене" вскоре были разрушены надстройки, башня и центральный пост. "Сюффен" укрывся дымовой завесой и отстал.

Все это произошло в течение нескольких мгновений. Бреклей бросился со своими девятью эскадрильями на французские линейные корабли. Бомбы пробили палубную броню и смели, как карточные домики, все надстройки. Только теперь французский адмирал понял, что победа в последнюю минуту вырвана из его рук. Огонь французов внезапно ослабел.

Английские легчики произвели еще один маневр. Под прикрытием воздушного флота над французскими линкорами пронеслись английские гидросамолеты, поливая пулеметным огнем палубы и разгоняя прислугу орудий ПВО. С подветренной стороны, над фонтанами воды, рвущихся гранат, затемнели силуэты самолетов-торпедоносцев 460-й и 461-й эскадрилий. Они шли, пикируя прямо вниз и выравниваясь на высоте 10 м от воды. Страшный риск! С французских кораблей орудия и пулеметы всех калибров открыли ураганный заградительный огонь. Вот один, за ним другой торпедоносец качнулся, подброшенный шквалом рвущихся гранат, укрытый сплошной стеною брызг. Два торпедоносца с треском погрузились в воду. По воде уже видны зловещие пузырчатые линии движения торпед. В линкор "Лотарингия" попали две торпеды и через несколько минут он пошел ко дну. "Жан Барт" получил пробоину, дал сильный крен на левый борт и потерял способность маневрировать.

В 17 час. 25 мин. командующий французским морским флотом отдал приказ об отступлении в Шербург. Для прикрытия были брошены вперед под защитой дымовой

завесы, выпущенной крейсерами, эскадренные миноносцы.

Адмирал Паунд преследовал французов до наступления темноты. Он потерял при этом крейсер "Комус", взорвавшийся от мины, выпущенной французским подводным заградителем "Тюркуаз".

Благодаря вмешательству Брекля английский Атлантический морской флот сумел выполнить свою задачу и прорвал неприятельскую коммуникационную линию Шербург - Портланд. Правда, было еще рано говорить об окончательном господстве английских морских сил в Ламанше; слишком велики были потери англичан. Но равновесие сил на море было восстановлено. Теперь, оставалось справиться с французской десантной армией, глубоко вклинившейся в страну. Во время морского боя в Портланд вошли еще четыре французских транспорта с войсками. Донесение о них поступило слишком поздно.

На следующее утро стало известно, что Италия объявила войну Франции и Югославии. В тот же день союзный английский и итальянский морской флот к югу от Тулона нанес французскому сокрушительный удар. Одна итальянская армия перешла у Лайбаха границу Югославии, другая - вторглась в Албанию.

Перед английской сухопутной армией встал вопрос: или сосредоточив против французского десанта все войска перейти в наступление после длительной артиллерийской подготовки, взяв за образец операцию Людендорфа весной 1918 г. {2} Этот план требовал 5 дней на подвоз резервов и снарядов. Или наступать 12 июля наличными незначительными силами без артиллерийской подготовки.

Фельдмаршал сэр Роберт Редмонд принял второе решение. Недостаток артиллерии должна была восполнить огневая мощь, маневренность моторизованных соединений и танковых полков. Центр контрнаступления находился в горной местности, около Мейден-Ньютон, где три железнодорожных линии и хорошие шоссе облегчали быстрое сосредоточение войск. К исходному пункту наступления прибыли две пехотные дивизии, две моторизованные с двухместными танками и два танковых полка, в составе средних и тяжелых танков. Вспомогательная атака предполагалась в районе Шефстбюри против Дорчестера. На правом фланге у Бридпорт и на левом - у Уэргам - сковывающие группы должны были удерживать свои участки, с помощью газов и артиллерийского огня.

Генерал Бреклей не рассчитывал на атаки ночных французских бомбардировщиков. Если даже французам и удалось бы перебросить в Портланд еще несколько транспортов, - британское адмиралтейство считало это маловероятным, - то эти подкрепления смогут вступить в бой только на! следующий день, утром, при ярком свете. После исключительного напряжения сил - из 65 часов, прошедших с момента объявления войны, эскадрильи находились в воздухе более 20 часов, - генерал Бреклей считал своим долгом предоставить всему воздушному флоту одну ночь покоя. Как настоящий полководец, он умел требовать от войск напряжения всех сил, но умел и щадить их, как только позволяла обстановка. Надо было сохранить свежесть и боеспособность, английского воздушного флота для большого контрнаступления, которое должно решить судьбу французской десантной армии. За ночь отдохнув, летчики еще мужественнее пойдут завтра в бой и добьются окончательной победы!

Вечером 11 июля, в помещении своего штаба, выйдя на террасу и заметив на западе розовые полосы, генерал Бреклей нахмурился. Перемена погоды! Неприятно! Низкая облачность может помешать участию воздушного флота в сражении сухопутных армий. Метеорологическая сводка подтвердила его опасения. С Атлантического океана надвигались густые тучи. Ночью пошел мелкий дождь.

Утром 12 июля погода совсем испортилась. Шел проливной дождь. По плану английское наступление должно было начаться в 4 часа 24 мин. Но войска запоздали занять исходное положение и на некоторых участках двинулись в атаку позже. Они продвигались медленно вперед. Французы оказывали упорное сопротивление, искусно пользуясь фланговым артиллерийским и пулеметным огнем. Многие из английских танков, шедших впереди в тумане, попали под внезапный обстрел французских орудий и были расстреляны.

Только к 9 часам с большими потерями англичане достигли высоты Дорсет Хиллс у Мейден Ньютона, где наступление приостановилось. Положение сделалось критическим.

Генерал Бреклей с 3-х часов утра находился на командном пункте штаба южного командования, около Невиль. Четыре эскадрильи Г, с 5 час. 30 мин. должны были поддержать наступление пехоты бомбардировкой французских батарей, разрушением тыла и линий связи. Кроме того две эскадрильи, имея на борту 144 т газовых бомб, были готовы принять участие в заражении ОВ участка Уэргем.

Но тучи так плотно и низко покрывали горизонт, что большие самолеты нельзя было выпустить в воздух. На незначительной высоте их легко могли обстрелять французские зенитные орудия. Эскадрильи оставались на своих аэродромах. Только одиночные разведчики и истребители шныряли в серой мути неба, играя в прятки за облаками.

Бреклей был вне себя. До этого дня все операции воздушного флота приводили к неизменному успеху. И как раз теперь, во время решительного боя, его воздушный флот не может в нем принять участие. Он мрачно смотрел на серые тучи, все еще надеясь, что их разгонит ветром.

Около 10 часов на полевою посадочную площадку близ штаба английского южного командования сел самолет. Наблюдателя, легко раненого осколком снаряда, доставили немедленно в главную квартиру, где он сообщил, что на лесных участках, к северу от дороги, в полной боевой готовности стоят многочисленные французские танки и около трех батальонов пехоты. С земли ведется усиленный огонь зенитных орудий и пулеметов. Ему с большим трудом удалось проскользнуть над линией фронта.

Генерал Бреклей стоял у заваленного картами стола и внимательно слушая наблюдателя ни одним движением не выдавал своего волнения. Выражение сурового напряжения застыло на его лице. Он чувствовал себя как бы отверженным. Все виды войск - пехота, артиллерия и танки, - проливали кровь в тяжелом бою, а его непобедимый воздушный флот бездельничал на аэродроме. После доклада наблюдателя Бреклей не сомневался, что французы готовятся к контратаке. Он знал, что еще два часа тому назад главное командование ввело в бой последние резервы и не было больше ни одной роты, которая могла бы принять на себя удар французов, в случае прорыва. В некоторых английских батареях уже ощущался недостаток снарядов. Имел ли Бреклей право бросить в бой свои эскадрильи на такой до смешного малой высоте? Огромные бомбардировщики станут идеальной мишенью и французские зенитные батареи будут бить по ним без промаха. Конечно, если бы дело касалось только его лично, он бы давно вылетел на врага! Но, как руководитель и командир, он отвечал перед страной за весь воздушный флот и эта ответственность никогда еще не ложилась на него таким тяжким бременем, как сегодня. Ему было гораздо легче даже во время нападения на Париж и в критические минуты боя над Бове. И никто во всем мире не может снять с него эту ответственность.

Офицеры генерального штаба молчат, склонившись над картами. Главнокомандующий генерал Аллисон поднял голову, и его глаза как будто случайно скользнули по лицу Бреклея. Этот взгляд был красноречивее слов. Генерал Аллисон словно спрашивал: "Ну, а вы, чем вы можете помочь, знаменитый воздушный флот?"

У Бреклея внезапно созрело решение. Он сразу почувствовал облегчение, вскинул слегка подбородок, сухо поклонился главнокомандующему и вышел быстрыми шагами из комнаты, под дождь. Оставив в штабе для связи майора Геста, он выехал на автомобиле к ближайшей посадочной площадке, где пересел в самолет связи, всегда готовый к полету, и вскоре спустился в 50 км - на Таунтонском аэродроме.

Со вчерашнего вечера там стояли наготове 3-я и 4-я эскадрильи воздушного флота. 30 самолетов Г неравномерно растянулись по краям аэродрома. Фюзеляжи были задвинуты под деревья, несущие поверхности закрыты грязными полотнищами. Ветер треплет мокрые хлопающие тряпки, срывает их с колышков. Хорошо, что плохая погода затрудняет французским летчикам полеты за линию английского фронта. Огромные наполненные бомбами самолеты на земле бессильны против бомбардировки с воздуха. Вверху

прошмыгнул самолет с сине-бело-красными знаками. Должно быть заблудился в дождевом тумане. Но зенитные батареи и пулеметы взяли его под такой обстрел, что летчик совершенно потерял голову и, капотируя, сел на соседний луг. Это было единственное развлечение в монотонном ожидании туманного дождливого дня.

Экипажи уютно расположились в огромных самолетах. Здесь было по крайней мере сухо. Чтобы убить время, играли в карты, кое-кто дремал в углу. Над головой барабанил по металлической обшивке самолета дождь. Люки боевых башен были закрыты, но вода мелкими ручейками проникала сквозь щели. В самолете Г-45 лейтенант Винтон старался развеселить товарищей, но его остроты гасли среди общего уныния. Надо ждать. Издалека доносился заглушенный в сыром воздухе грохот орудий. Казалось, он становился с часу на час слабее. Неужели сражение уже кончилось? Бесконечные колонны грузовиков, нагруженные доверху гранатами, проезжают по дороге в Невиль мимо аэродрома. Им навстречу движутся санитарные автомобили с красным крестом...

* * *

В Таунтоие считалось событием, когда какой-нибудь летчик-корректировщик совершал посадку, чтобы набрать горючего. Все тогда оживлялось. Летчика окружали и забрасывали вопросами.

- Там впереди горячо! Вы не осмеливаетесь лететь туда на ваших огромных самолетах. Они мне здорово наклали. Пробили один бак! В самолете сильно запахло бензином, он мог каждую минуту загореться. Сквозь шум мотора я слышал проклятый треск пулеметов. Правда, не штука попасть в самолет, когда он на высоте 50 м от земли!!!

- Наше наступление? С ним дело скверно. Мы не продвинулись дальше высот. И как могут наши итти вперед? Прекрасная погода для наступления! Должно быть бог заключил с французами союз. Лучше было бы подождать с наступлением пока мы соберем побольше войск и боевых припасов. Это, конечно, мое скромное мнение, я ведь не из генерального штаба.

На аэродроме сел курьерский самолет. Из него выскочил человек в летном комбинезоне. Один из летчиков, заметя его в бинокль, крикнул: "Чорт возьми! Да это же Брек!" Все оцепенели от изумления. Опомившись, экипажи разбежались по своим самолетам.

Что ему тут надо? Уже гудят сирены самолетов. "Внимание!"

От самолета к самолету через мегафон по ветру передается приказ: "Освободить самолеты. Запустить моторы. Командиры эскадрилий, отрядов и самолетов немедленно к начальнику воздушного флота".

Они бегут по мокрой траве и собираются под крыльями флагманского самолета Г-300. Командиры эскадрилий представляют командиров отрядов и самолетов 3-й и 4-й эскадрилий. Бреклей здороваётся. Его взор скользит по рядам. Он их всех знает, воздушный флот не велик. Маленькая, но отборная группа. Он сам воспитал и выковал этих людей в школе мирного времени. Но после объявления войны Бреклей не сталкивался со своими экипажами лицом к лицу, они были вместе только в воздушных пространствах. "Удивительно", подумал Бреклей, "как эти несколько дней войны ожесточили лица, придали им напряженное выражение. Моя молодежь сразу возмужала".

- "Здравствуйте! Положение таково: наше наступление приостановилось на высотах между Мейден - Ньютон и Серль - Аббас. Передовая линия - пожалуйста отмечайте пункты по моей карте. Ориентировка с небольших высот затруднена, обзор плох. Французы сосредоточили на лесных участках пехоту и танки, по всей вероятности для контратаки. У нашего командования больше нет резервов и мало снарядов".

Кратко и твердо звучат отрывистые фразы Брекля. Кажется, что происходит разбор военной игры. Ни одного лишнего слова, речь выражает непреклонную волю.

Все снова под обаянием Брекля, сомнения! и колебания исчезли. Бреклей слегка повышает голос: "Весь воздушный флот идет немедленно в атаку против французских сухопутных войск. Под облачным покровом, на самой низкой летной высоте. 3-я эскадрилья

к западу от железной дороги Невиль - Мейден - Ньютон, 4-я эскадрилья к востоку. Отряды и самолеты растянуть широким фронтом. При первом полете сбросить бомбы на сомкнутые войска, батареи и танки. Затем поворот кругом и атака посредством автоматических пушек и пулеметов на каждую встретившуюся цель. Повторный облет всего района. Особенно важно в первую очередь ликвидировать французские зенитные батареи. Я лечу во главе 3-й эскадрильи".

Наступила пауза. Все стоят неподвижно. У всех в глазах доверие и твердость.

- "Друзья! Я знаю, чего я сегодня требую от вас. Но это необходимо. Мы - последний резерв Англии. Исход войны зависит от нас, от нас одних. Для нас, летчиков, нет ничего невозможного".

Он вскинул руку и посмотрел на часы.

- "Отлет в 10 час. 38 мин. До свидания".

Воздух наполняется мощным гудением самолетов. Эскадрильи сомкнутым строем рулят одновременно против ветра, отрываются от земли. Винты разрезают влажный воздух.

* * *

Генерал Бреклей стоит в командной рубке флагманского самолета и быстро диктует краткий радио-приказ остальным десяти эскадрильям. Он не оставляет в тылу никого. Бреклей ставит на карту весь воздушный флот. Весь флот должен участвовать в сражении. Никаких половинчатых решений!

Бреклей облегченно вздыхает. Дело сделано. Приказ, который он должен был отдать, как командир, отдан. Теперь, как и все, он только летчик, боец. Он стряхнул с себя тяжелое состояние, и вдыхает полной грудью запах сырой земли, перемешанный с соленым морским ветром. Дождь перестал, но обрывки облаков проносятся над землей на высоте 100 м. Над ними закрывает мрачным серо-синим покровом все небо плотный слой тяжелых туч.

Как хорошо лететь так низко над землей, раскинувшейся в мирном покое! Сочной зеленью сверкают луга, широкими волнами колышутся зреющие нивы. Серебристые ивы склоняются под ветром. В тени старых деревьев - крестьянский двор. Синий дымок вьется из трубы. Разлетаются гуси, испуганные шумом мотора. Из-за угла выбегает собака, стараясь догнать самолет. Женщины и дети машут ему руками.

Бреклей чувствует себя гордым и свободным. Теперь он снова вождь и командир. Теперь он на вершине жизни! Отсюда одна дорога - вниз. В неизвестность, к смерти? Пусть! Все лучше, чем быть генералом мирного времени, медленно стареть, болеть, постепенно умирать. Нет! Смерть летчика, как часто он смотрел ей в глаза! Главное - быть готовым ко всему.

Взор Бреклея рассеянно устремился вдаль. Но через секунду, Бреклей уже овладел собой, недовольно стряхивал мрачные предчувствия и мысли. Эскадрильи пролетели над Невилем, там впереди фронт, неприятель. Местность почти не тронута, не видно глубоких воронок, траншей. Совсем не похоже на Фландрию, когда он пролетал над нею юным лейтенантом. Как это было давно! Странно, картина внизу совсем мирная. Надо пристально взглядеться, чтобы кое-где заметить отдельные воронки или черные дымки на земле, бледно-желтые искры за лесом, вспышки в жерлах орудий.

Бреклей оглянулся. За ним штурмовой колонной следуют эскадрильи. 5-я и 6-я уже присоединились/ к колонне.

Последняя радиogramма флагманского корабля звучит, как призыв:

"Англия ждет, что каждый выполнит свой долг.

Бреклей".

Совсем близко появляются первые облака разрывов французских зенитных батарей.

* * *

Французская контратака на высотах по обе стороны Мейден - Ньютон началась с 10 час. 15 мин. 90 легких танков вместе со свежими пехотными частями быстро прорвали передовую линию англичан и проникли уже до линии батарей.

Вдруг раздается отдаленный шум моторов. Он уже совсем близко. На фоне серых туч

появляются огромные тени. На высоте от 100 до 200 м летят 70 самолетов Г. Земля дрожит от работы 280 моторов. Ураганный огонь 14000 двадцатипяти-килограммных бомб потрясает французские линии. Французские зенитные орудия открывают бешеный заградительный огонь. В воздушном, пространстве сверкание и грохот. Две гигантских машины позади флагманского самолета врезаются в землю. Прямое попадание снарядов. Но брешь быстро заполняется. Неудержимо, как могучие волны, приближаются воздушные чудовища. Французская пехота прячется в воронки, прижимается к земле; никто не думает о том, чтобы направить вверх пулеметы. Под самыми самолетами с воем и треском, брыжжа осколками, рвется огневой вал бомб. Все покрывается дымом. Французские зенитные батареи замолкают.

Не успевают французы притти в себя от неожиданности, как железные птицы делают крутой поворот, и спускаясь почти до самой земли, извергают по всем направлениям! огонь из автоматических пушек и пулеметов. Командир самолета Г-46 Джордж Винтон сам ведет свой самолет. Завидя: танк, он дает залп из обеих автоматических пушек. Смешно смотреть, как танк начинает уходить зигзагами, стараясь выйти из поля обстрела, пока он не опрокидывается от прямого попадания 37-мм гранаты. Из танка вырывается столб пламени. Яростное преследование происходит над самыми вершинами деревьев, над крышами домов. После привычных полетов на высоте 6000 м это интересный спорт! Элькс и Ваде внимательно осматривают каждую придорожную канаву, каждую воронку, каждую борозду, разыскивая небесно-голубые французские мундиры и направляя по ним пулеметы. Никто не думает об опасности. Всех опьяняет ярость боя.

Винтон наблюдает, как английская пехота продвигается вперед между разбитыми танками. Вот она перешла железную дорогу Мейден - Ньютон Бридпорт и движется вдоль русла реки. Г-46 описывает круги все ближе и ближе к Дорчестеру. Вильямс у руля следит за тем, чтобы при виражах концы крыльев не коснулись земли. На небольших высотах ему приходится усиленно бороться с воздушными шквалами.

Винтон время от времени поглядывает на другие самолеты из его эскадрильи. Мимо левого борта пролетает флагманский самолет Г - 300. Одна за другой а тумане вспыхивают восемь желтых искр. Стреляет французская батарея! В ушах раздается грохот. На расстоянии нескольких сот метров от Г-46 восемь точек разрыва. Винтон видит, как флагманский самолет становится на хвост, скользит на крыло и падает камнем, исчезая за деревьями. Сердце перестает биться у Винтона, его охватывает ужас. Неужели это Г-300?? Он указывает Вильямсу на то место, куда упал самолет, приблизительно на расстоянии 400 м от перелеска. Фюзеляж глубоко зарылся в землю. Самолет неподвижно и мертво зияет на лужайке. На сломанном крыле виден номер Г-300.

Капитан де-Лори со своей 75-мм моторизованной батареей участвовал в танковой атаке и подбил два английских танка, но запас снарядов подходил у него уже к концу. На четыре орудия у него осталось всего 8 выстрелов, это было все! Вдруг появились английские самолеты. Французская пехота в дикой панике обратилась в бегство. Чтобы спасти батарею, капитан де-Лори отошел назад. Увидев, что все погибло, он отдает приказ занять еще раз огневую позицию у дороги, чтобы выпустить на англичан последние снаряды. Обстрелять эти проклятые самолеты! Гранаты звенят в четырех стволах, звякают затворы. Вот над деревьями снова самолет, не дальше, чем в 2-х километрах. "Огонь!" В воздухе просвистели последние восемь гранат. Одна из них сразила Г-300, самолет начальника британского воздушного флота генерала Брекля...

С новыми бомбами и свежим запасом боевых припасов приближается вторая колонна - 7 и 8-я эскадрильи, - сокрушая все на своем пути, пресекая всякое сопротивление. Французские артиллеристы бросают орудия, беглый пулеметный огонь безжалостно косит людей. Начинается дикое бегство. Спасайся, кто может! Британские самолеты преследуют французов по пятам.

В 13 час. 10 мин. у командного пункта английского главного командования остановился автомобиль. Из него вышел французский офицер генерального штаба.

Десантная армия генерала Мишлена сложила оружие. Для Англии наступила минута величайшего торжества.

12 июля после полудня английский воздушный флот предпринял еще один бомбовой рейд в глубокий тыл Франции.

"Месть за Брека!"

Путь разрушения лежал через Гавр - Руан - Париж, Орлеан - Бурж, Сен-Этьен до самого Лиона, находящегося на расстоянии 750 км. Эскадрильи итальянских бомбардировщиков произвели из Турина нападение на долину Роны. Глубокий тыл Франции почувствовал на себе весь ужас войны.

Под страшной угрозой бомбовых атак французскому правительству оставалось лишь одно - любой ценой заключить мир. В промышленных районах Северной Франции, Бельгии, Лотарингии началось восстание рабочих. Власть постепенно ускользала из рук правительства. На армию и флот нельзя было положиться. К чему нужен весь сложный военный механизм, танки, подводные лодки, линейные корабли, тяжелые орудия, когда изменяют люди. После капитуляции десантной армии у Портланда, после поражения флота в Ламанше и Средиземном море не оставалось никакой надежды на победу. Война проиграна и надо было спасаться от внутреннего врага. Промедление должно было окончиться для Франции катастрофой.

Еще 12 июля вечером французский и бельгийский посланники в Гааге передали британскому правительству просьбу о немедленном заключении перемирия. Оно было подписано в Лондоне в 12 час. 13 июля. Условия его: передача Англии мандатной территории в Сирии, передача Италии Ниццы, Туниса и Корсики, побережья Далмации до Рагузы, выдача югославских военных кораблей и восстановление Венгрии в границах 1914 года.

Все условия были Францией приняты.

* * *

Джордж Винтон стоит снова в командной рубке своего самолета Г-46. Война кажется ему тяжелым сном. Мир уже заключен. Он смотрит вниз на море домов Лондона, на зеленый Сент-Джемский парк, на Темзу. На крыльях Г-46 реют черные траурные флаги. Внизу, за шпалерами войск, толпы народа наводнили широкую Триумфальную улицу до самого Уайтхолла. Двигается траурная процессия. Винтон не слышит звона колоколов Вестминстерского аббатства и грохота барабанов. Эскадрильи британского воздушного флота с героической песней моторов провожают гроб своего вождя и в последний раз салютуют своему маршалу - Бреклею огнем автоматических пушек.

Примечания

{1} Летчики, прославившиеся во время 1914-1918 гг. (Прим. пер.).

{2} Автор делает ошибку: германское наступление Людендорфа 1918 г. отличалось именно отсутствием длительной предварительной артиллерийской подготовки, характерной для более ранних немецких наступлений 15, 16 и 17 гг. (Прим. пер.).